

И.А. Ильинъ

ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

КНИГА ТИХИХЪ СОЗЕРЦАНІЙ

МЮНХЕНЪ

1958

Иванъ Александровичъ Ильинъ.

Поющее сердце.

И.А. ИЛЬИНЪ

ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

КНИГА ТИХИХЪ СОЗЕРЦАНІЙ

МЮНХЕНЪ

1958

Alle Rechte auch das der Uebersetzung vorbehalten.

Copyright by Fr. Prof. N. Iljin. Zollikon, Schweiz.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

<u>Глава</u>	<u>Страница</u>
ПРЕДИСЛОВІЕ. О ЧТЕНІИ	3
<u>ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЕРВЫЕ ЛУЧИ.</u>	
1. БЕЗЪ ЛЮБВИ	8
2. О СПРАВЕДЛИВОСТИ	12
3. ЕГО НЕНАВИСТЬ	17
4. МОЯ ВІНА	21
5. О ДРУЖБѢ	25
<u>ГЛАВА ВТОРАЯ. ШКОЛА ЖИЗНИ.</u>	
6. МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ	32
7. ОБЛАКА	35
8. О ЛИШЕНІЯХЪ	38
9. О ЗДОРОВІИ	41
10. МИРОВАЯ ПЫЛЬ	46
11. О ЩЕДРОСТИ	51
12. РАННИМЪ УТРОМЪ	55
13. О ВОЗРАСТѢ	59
<u>ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДАРЪ МОЛИТВЫ.</u>	
14. О ДУХОВНОЙ СЛѢПОТѢ	64
15. ГОРНОЕ ОЗЕРО	70
16. ВОЗВРАЩЕНІЕ	73
17. О МОЛИТВѢ	77

18.	О МІРОВОЙ СКОРБИ	83
19.	ГОРЫ	87

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОСѢЩЕНІЕ.

20.	СОЗЕРЦАЮЩІЙ ПОЭТЪ	92
21.	ОГОНЬ	96
22.	У МОРЯ	100
23.	О СТРАДАНИИ	104
24.	О СМЕРТИ	112
25.	О БЕЗСМЕРТІИ	117

ГЛАВА ПЯТАЯ. У ВРАТЬ.

26.	О БОЖІЕЙ ТКАНИ	124
27.	РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПИСЬМО	126
28.	ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ	128
29.	О ТЕРПѢНИИ	130
30.	О СОВѢСТИ	135
31.	ЧТО ЕСТЬ ОПТИМИЗМЪ	140
32.	ОБЪ ИСКРЕННОСТИ	143

	ПОСЛѢСЛОВІЕ. ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ	150
--	--------------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О чтеніи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О чтеніи.

Каждый писатель тревожится о томъ, какъ его будутъ читать? Поймутъ ли? Увидятъ ли то, что онъ хотѣлъ показать? Почувствуютъ ли то, что любило его сердце? И кто будетъ его читатель? Отъ этого зависитъ такъ много... И прежде всего — состоится ли у него желанная, духовная встрѣча съ тѣми далекими, но близкими, для которыхъ онъ втайнѣ писалъ свою книгу?

Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ читающіе владѣютъ искусствомъ чтенія: глаза бѣгаютъ по буквамъ, «изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово» (Гоголь) и всякое слово что-нибудь да «значить»; слова и ихъ значенія связываются другъ съ другомъ и читатель представляетъ себѣ что-то — «подержанное», расплывчатое, иногда непонятное, иногда пріятно-мимолетное, что быстро уносится въ позабытое прошлое... И это называется «чтеніемъ». Механизмъ безъ духа. Безотвѣтственная забава. «Невинное» развлеченіе. А на самомъ дѣлѣ — культура верхоглядства и потокъ пошлости.

Такого «чтенія» ни одинъ писатель себѣ не желаетъ. Такихъ «читателей» мы всѣ опасаемся. Ибо настоящее чтеніе происходитъ совсѣмъ иначе и имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ...

Какъ возникло, какъ созрѣло написанное?

Кто то жилъ, любилъ, страдалъ и наслаждался; наблюдалъ, думалъ, желалъ, — надѣялся и отчаивался. И захотѣлось ему повѣдать намъ о чемъ-то такомъ, что для всѣхъ насъ важно, что намъ необходимо духовно увидѣть, прочувствовать, продумать и усвоить. Значить — что-то значительное о чемъ то важномъ и драгоценномъ. И вотъ онъ началъ отыскивать вѣрные образы, ясно-глубокія мысли и точныя слова. Это было не легко, удавалось не всегда и не сразу. Отвѣтственный писатель вынашиваетъ свою книгу долго; годами, иногда — всю жизнь; не разстается съ нею ни днемъ, ни ночью; отдастъ ей свои лучшія силы, свои вдохновенные часы; «болѣетъ» ея темою и «исцѣляется» писаніемъ. Ищетъ сразу и правды, и красоты, и «точности» (по слову Пушкина), и вѣрнаго стиля, и вѣрнаго ритма и все для того, чтобы рассказать, не искажая, видѣніе своего сердца... И наконецъ произведеніе готово. Послѣдній просмотръ строгимъ, зоркимъ глазомъ; послѣднія исправленія — и книга отрывается, и уходитъ къ читателю, неизвѣстному, далекому, можетъ быть — легковѣсно-капризному, можетъ быть —

враждебно-придирчивому . . . Уходить — безъ него, безъ автора. Онъ выключаетъ себя и оставляетъ читателя со своею книгою «наединѣ».

И вотъ, мы читатели, беремся за эту книгу. Передъ нами накопленіе чувствъ, постиженій, идей, образовъ, волевыхъ разрядовъ, указаній, призывовъ, доказательствъ, цѣлое зданіе духа, которое дается намъ прикровенно, какъ бы при помощи шифра. Оно скрыто за этими черными мертвыми крючками, за этими общезвѣстными, поблекшими словами, за этими общедоступными образами, за этими отвлеченными понятіями. Жизнь, яркость, силу, смыслъ, духъ—долженъ изъ за нихъ добыть с а м ъ ч и т а т е л ь. Онъ долженъ возсоздать въ себѣ созданное авторомъ; и если онъ не умѣетъ, не хочетъ и не сдѣлаетъ этого, то з а н е г о не сдѣлаетъ этого никто: все будетъ его «чтеніе» и книга пройдетъ мимо него. Обычно думаютъ, что чтеніе доступно всякому грамотному . . . Но, къ сожалѣнію, это совсѣмъ не такъ. Почему?

Потому, что настоящій читатель отдаетъ книгѣ свое свободное вниманіе, всѣ свои душевныя способности, и свое умѣніе вызывать въ себѣ ту вѣрную духовную установку, которая необходима для пониманія э т о й книги. Настоящее чтеніе не сводится къ бѣгству напечатанныхъ словъ черезъ сознаніе; оно требуетъ сосредоточеннаго вниманія и твердаго желанія вѣрно услышать голосъ автора. Одного разсудка и пустого воображенія для чтенія недостаточно. Надо чувствовать сердцемъ и с о з е р ц а т ь и з ь с е р д ц а. Надо пережить страсть — страстнымъ чувствомъ; надо переживать драму и трагедію живою волею; въ нѣжномъ лирическомъ стихотвореніи надо внять всѣмъ вздохамъ, вострепетать своею нѣжностью, взглянуть во всѣ глубины и дали; а великая идея можетъ потребовать не болѣе и не менѣе какъ в с е г о человѣка.

Это означаетъ, что читатель призванъ вѣрно воспроизвести въ себѣ душевный и духовный актъ писателя, зажить этимъ актомъ и довѣрчиво отдаться ему. Только при этомъ условіи состоится желанная встрѣча между обоими и читателю откроется то важное и значительное, чѣмъ болѣлъ и надъ чѣмъ трудился писатель. Истинное чтеніе есть своего рода х у д о ж е с т в е н н о е я с н о в и дѣ н і е, которое призвано и способно вѣрно и полно воспроизвести духовныя видѣнія другого человѣка, жить въ нихъ, наслаждаться ими и обогащаться ими. Искусство чтенія побѣждаетъ одиночество, разлуку, даль и эпоху. Это есть сила духа—оживлять буквы, раскрывать перспективу образовъ и смысла за словами, заполнять внутреннія «пространства» души, созерцать нематеріальное, отождествляться съ неизвестными или даже умершими людьми и вмѣстѣ съ авторомъ художественно и мыслительно постигать сущность богозданнаго міра.

Читать — значитъ и с к а т ь и н а х о д и т ь: ибо читатель какъ бы отыскиваетъ скрытый писателемъ духовный кладъ, желая найти его во всей его полнотѣ и присвоить его себѣ. Это есть т в о р ч е с к і й процессъ, ибо воспроизводить значитъ творить. Это есть борьба за духовную встрѣчу; это есть с в о

б о д н о е е д и н е н і е съ тѣмъ, кто впервые пріобрѣлъ и за-
копалъ искомый кладъ. И тому, кто никогда этого не добивался
и не переживалъ, всегда будетъ казаться, что отъ него требуютъ
«невозможнаго».

Искусство чтенія надо пріобрѣтать и вырабатывать въ себѣ.
Чтеніе должно быть углублено; оно должно стать творческимъ
и созерцательнымъ. И только тогда намъ всѣмъ откроется его
духовная цѣнность и его душеобразующая сила. Тогда мы пой-
мемъ, что слѣдуетъ читать и чего читать не стоить; ибо есть
чтеніе, углубляющее душу человѣка и строящее его харак-
теръ, а есть чтеніе разлагающее и обезсиливаетъ.

По чтенію можно узнавать и опредѣлять человѣка. Ибо
каждый изъ насъ есть то, ч т о онъ читаетъ; и каждый чело-
вѣкъ есть то, к а к ъ онъ читаетъ; и всѣ мы становимся неза-
мѣтно тѣмъ, что мы вычитываемъ изъ прочтеннаго, — какъ бы
букетомъ собранныхъ нами въ чтеніи цвѣтовъ...

Книга, для которой я пишу это предисловіе, выношена въ
сердцѣ, написана отъ сердца и говоритъ о сердечномъ пѣніи.
Поэтому ее нельзя понять въ безсердечномъ чтеніи. Но я вѣрю,
что она найдетъ своихъ читателей, которые вѣрно поймутъ ее
и увидятъ, что она написана для русскихъ о Россіи.

1. ПЕРВЫЕ ЛУЧИ.

- 1. Безъ любви**
- 2. О справедливости**
- 3. Его ненависть**
- 4. Моя вина**
- 5. О дружбѣ**

1.

БЕЗЪ ЛЮБВИ.

(ИЗЪ ПИСЬМА КЪ СЫНУ).

Итакъ ты думаешь, что можно прожить безъ любви: сильною волею, благою цѣлью, справедливостію и гнѣвной борьбой съ вредителями? Ты пишешь мнѣ: «О любви лучше не говорить: ея нѣтъ въ людяхъ. Къ любви лучше и не призывать: кто пробудитъ ее въ черствыхъ сердцахъ?»...

Милый мой! Ты и правъ, и не правъ. Собери пожалуйста свое нетерпѣливое терпѣніе и вступи въ мою мысль.

Нельзя человѣку прожить безъ любви, потому что она сама въ немъ просыпается и имъ овладѣваетъ. И это дано намъ отъ Бога и отъ природы. Намъ не дано произвольно распоряжаться въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, удалять однѣ душевныя силы, замѣнять ихъ другими и насаждать новыя, намъ не свойственныя. Можно воспитывать себя, но нельзя сломать себя и построить заново по своему усмотрѣнію. Посмотри, какъ протекаетъ жизнь человѣка. Ребенокъ примѣняется къ матери — потребностями, ожиданіемъ, надеждою, наслажденіемъ, утѣшеніемъ, успокоеніемъ и благодарностью; и когда все это слагается въ первую и нѣжнѣйшую, любовь, то этимъ опредѣляется его личная судьба. Ребенокъ ищетъ своего отца, ждетъ отъ него привѣта, помощи, защиты и водительства, наслаждается его любовью и любить его отвѣтно; онъ гордится имъ, подражаетъ ему и чувствуетъ въ себѣ его кровь. Этотъ голосъ крови говоритъ въ немъ потомъ всю жизнь, связываетъ его съ братьями и сестрами, и со всѣмъ родствомъ. А когда онъ позднѣе загорается взрослою любовью къ «ней» (или, соотвѣтственно, она къ «нему»), то задача состоитъ въ томъ, чтобы превратить это «пробужденіе природы» въ подлинное «посѣщеніе Божіе» и принять его, какъ свою судьбу. И не естественно ли ему любить своихъ дѣтей тою любовью, которой онъ въ своихъ дѣтскихъ мечтаніяхъ ждалъ отъ своихъ родителей?... Какъ же обойтись безъ любви? Чѣмъ замѣнить ее? Чѣмъ заполнить страшную пустоту, образующуюся при ея отсутствіи?

Нельзя человѣку прожить безъ любви и потому, что она есть главная выбирающая сила въ жизни. Жизнь подобна огромному, во всѣ стороны безконечному потоку, который обрушивается на насъ и несетъ насъ съ собою. Нельзя жить въ сѣмѣ, что онъ несетъ; нельзя отдаваться это-

му крутящемуся хаосу содержаній. Кто попытается это сдѣлать, тотъ растратитъ и погубитъ себя: изъ него ничего не выйдетъ, ибо онъ погибнетъ во всесмѣшеніи. Надо в ы б и р а т ь : отъ казыватья отъ очень многого ради сравнительно немногo; это немногое надо привлекать, беречь, цѣнить, копить, растить и совершенствовать. И этимъ строить свою личность. Выбирающая же сила есть л ю б о в ь : это она «предпочитаетъ», «пріемлетъ», «прилѣпляется», цѣнить, бережетъ, помогаетъ и блюдетъ вѣрность. А воля есть лишь о р у д і е л ю б в и въ этомъ жизненномъ дѣланіи. Воля безъ любви пуста, черства, жестка, насильственна и, главное, б е з р а з л и ч н а къ д о б р у и з л у . Она быстро превратитъ жизнь въ к а т о р ж н у ю д и с ц и п л и н у п о д ѣ к о м а н д о й п о р о ч н ы х л ю д е й . На свѣтѣ есть уже цѣлый рядъ организаций, построенныхъ на такихъ началахъ. Храни насъ Господь отъ нихъ и отъ ихъ вліянія... Нѣтъ, намъ нельзя безъ любви: она есть великій даръ—у в и д ѣ т ь л у ч ш е е , и з б р а т ь е г о и ж и т ь и м ѣ . Это есть необходимая и драгоценная способность сказать «да», принять и начать самоотверженное служеніе. Какъ страшна жизнь человѣка, лишеннаго этого дара! Въ какую пустыню, въ какую пошлость превращается его жизнь!

Н е л ь з я ч е л о в ѣ к у прожить безъ любви и потому, что она есть г л а в н а я т в о р ч е с к а я с и л а ч е л о в ѣ к а .

Вѣдь человѣческое творчество возникаетъ не въ пустотѣ и протекаетъ не въ произвольномъ комбинированіи элементовъ, какъ думаютъ теперь многіе верхогляды. Нѣтъ, творить можно только п р и н я в ѣ б о г о з д а н н ы й м і р ѣ , войдя въ него, вросши въ его чудесный строй и слившись съ его таинственными путями и закономерностями. А для этого нужна вся сила любви, весь даръ художественнаго перевоплощенія, отпущенный человѣку. Человѣкъ творитъ не изъ пустоты: онъ творитъ изъ у ж е с о т в о р е н н а г о , изъ сущаго, создавая новое въ предѣлахъ даннаго ему естества—внѣшне-матеріальнаго и внутренне-душевнаго. Творящій человѣкъ долженъ внять міровой глубинѣ и самъ запѣть изъ нея. Онъ долженъ научиться с о з е р ц а т ь с е р д ц е м ѣ , видѣть любовью, уходить изъ своей малой личной оболочки въ свѣтлыя пространства Божіи, находить въ нихъ В е л и к о е — с р о д н о е — с о п р и н а д л е ж а щ е е , вчувствоваться въ него и создавать н о в о е изъ д р е в н я г о и н е в и д а н н о е изъ п р е д в ѣ ч н а г о . Такъ обстоитъ во всѣхъ главныхъ сферахъ челоѣческаго творчества: во всѣхъ искусствахъ и въ наукѣ, въ молитвѣ и въ правовой жизни, въ общеніи людей и во всей культурѣ. Кульгура безъ любви есть мертвое, обреченное и безнадежное дѣло. И все великое и гениальное, что было создано ч е л о в ѣ к о м ѣ — было создано изъ с о з е р ц а ю щ а г о и п о ю щ а г о с е р д ц а .

Н е л ь з я ч е л о в ѣ к у прожить безъ любви, потому что с а м о е г л а в н о е и д р а г о ц ѣ н н о е в ѣ г о

ж и з н и о т к р ы в а е т с я и м е н н о с е р д ц у. Т о л ь к о созерцающая любовь открываетъ намъ ч у ж у ю д у ш у для вѣрнаго, проникновеннаго общенія, для взаимнаго пониманія, для дружбы, для брака, для воспитанія дѣтей. Все это недоступно безсердечнымъ людямъ. Только созерцающая любовь открываетъ человѣку его р о д и н у, т. е. его духовную связь съ роднымъ народомъ, его національную принадлежность, его душевное и духовное лоно на землѣ. Имѣть родину есть счастье, а имѣть ее можно только любовью. Не случайно, что люди ненависти, современные революціонеры, оказываются интернационалистами: мертвые въ любви они лишены и родины. Только созерцающая любовь открываетъ человѣку доступъ къ р е л и г і о з н о с т и и къ Б о г у. Не удивляйся, мой милый, безвѣрію и маловѣрію западныхъ народовъ: они приняли отъ римской церкви невѣрный религиозный актъ, начинающій съ воли и завершающійся разсудочной мыслью, и, принявъ его, пренебрегли сердцемъ и утратили его созерцаніе. Этимъ былъ предопредѣленъ тотъ религиозный кризисъ, который они нынѣ переживаютъ.

Ты мечтаешь о сильной волѣ. Это хорошо и необходимо. Но она страшна и разрушительна, если не вырастаетъ изъ созерцающаго сердца. Ты хочешь служить благой цѣли. Это вѣрно и превосходно. Но какъ ты увидишь свою цѣль, если не сердечнымъ созерцаніемъ? Какъ ты узнаешь ее, если не совѣстью своего сердца? Какъ соблюдешь ей вѣрность, если не любовью? Ты хочешь справедливости и мы всѣ должны ее искать. Но она требуетъ отъ насъ художественной индивидуализаціи въ воспріятіи людей; а къ этому способна только любовь. Гнѣвная борьба съ вредителями бываетъ необходима и неспособность къ ней можетъ сдѣлать человѣка сентиментальнымъ предателемъ. Но гнѣвъ этотъ долженъ быть р о ж д е н ѣ л ю б о в ь ю, онъ долженъ быть самъ е я в о п л о щ е н і е м ѣ для того, чтобы находить въ ней оправданіе и мѣру...

Вотъ почему я сказалъ, что ты «и правъ и не правъ».

И еще: я понимаю твое предложеніе «лучше о любви не говорить». Это вѣрно: н а д о ж и т ь е ю, а не говорить о ней. Но вотъ, посмотри: въ мірѣ раздалась открытая и безумная пропаганда ненависти; въ мірѣ поднялось упорное и жестокое гоненіе на любовь—походъ на семью, отрицаніе родины, подавленіе вѣры и религіи. Практическая безсердечность однихъ увѣнчалась прямою проповѣдью ненависти у другихъ. Черствость нашла своихъ апологетовъ. Злоба стала доктриною. А это означаетъ, что пришелъ часъ з а г о в о р и т ь о л ю б в и и встать на ея защиту.

Да, въ людяхъ мало любви. Они исключили ее изъ своего культурнаго акта: изъ науки, изъ вѣры, изъ искусства, изъ этики, изъ политики и изъ воспитанія. И вслѣдствіе этого современное человечество вступило въ духовный кризисъ, невиданный по своей глубинѣ и по своему размаху. Видя это, понимая это, намъ естественно спросить себя: кто же пробудитъ любовь въ черствыхъ сердцахъ, если она не пробудилась отъ жизни и

слова Христа, Сына Божія? Какъ браться за это намъ, съ нашими малыми человѣческими силами?

Но это сомнѣніе скоро отпадаетъ, если мы вслушаемся въ голосъ нашего сердечнаго созерцанія, увѣряющаго насъ, что Христосъ и въ насъ и съ нами...

Нѣтъ, мой милый! Нельзя намъ безъ любви. Безъ нея мы обречены со всей нашей культурой. Въ ней наша надежда и наше спасеніе. И какъ нетерпѣливо я буду ждать теперь твоего письма съ подтвержденіемъ этого.

2.

О СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Съ незапамятныхъ временъ люди говорятъ и пишутъ о справедливости: можетъ быть даже съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вообще начали говорить и писать... Но до сихъ поръ вопросъ, повидимому, не рѣшенъ, — что такое справедливость и какъ ее осуществить въ жизни? Трудно людямъ согласиться въ этомъ дѣлѣ, потому что они чувствуютъ жизненное практическое значеніе этого вопроса, предвидятъ невыгодныя послѣдствія для себя и потому спорятъ, какъ заинтересованные, безпокойно и подозрительно: того гляди «согласишься» «на свою голову» — и что тогда?

Каждый изъ насъ желаетъ справедливости и требуетъ, чтобы съ нимъ обходились справедливо; каждый жалуется на всевозможныя несправедливости, причиненныя ему самому и начинаетъ толковать справедливость такъ, что изъ этого выходитъ явная несправедливость въ его пользу. При этомъ онъ убѣжденъ, что толкованіе его правильно и что онъ «совершенно справедливо» относится къ другимъ; но никакъ не хочетъ замѣтить, что всѣ возмущаются его «справедливостью» и чувствуютъ себя притѣсненными и обойденными. Чѣмъ скуднѣе, тѣснѣе и насильственнѣе жизнь людей, тѣмъ острѣе они переживаютъ все это и тѣмъ труднѣе имъ договориться и согласиться другъ съ другомъ. Въ результатъ оказывается, «справедливостей» столько, сколько недовольныхъ людей и единой, настоящей Справедливости найти невозможно. А вѣдь, строго говоря, только о ней и стоить говорить.

Это означаетъ, что интересы и страсти искажаютъ великій вопросъ, умъ не находитъ вѣрнаго рѣшенія и все обрастаетъ дурными и ловкими предразсудками. Изъ предразсудковъ возникаютъ ложныя ученія; они ведутъ къ насилию и революціи; а революціи приносятъ только страданія и кровь, чтобы разочаровать и отрезвить людей, оглушенныхъ своими страстями. Такъ цѣлыя поколѣнія людей живутъ въ предразсудкахъ и томятся въ разочарованіи; и иногда бываетъ такъ, что самое слово «справедливость» встрѣчается иронической улыбкой и насмѣшкой.

Однако, все это не компрометируетъ и не колеблетъ старую, благородную идею справедливости и мы попрежнему должны противопоставлять ее всякой безсовѣстной эксплуатаціи, всякой классовой борьбѣ и всякому революціонному уравнительству. Мы можемъ быть твердо увѣрены, что ей принадле-

жить будущее. И все дѣло въ томъ, чтобы вѣрно постигнуть ея сущность.

Французская революція восемнадцатаго вѣка провозгласила и распространила вредный предразсудокъ, будто люди отъ рожденія или отъ природы «равны» и будто вслѣдствіе этого со всѣми людьми надо обходиться «одинаково»... Этотъ предразсудокъ естественнаго равенства является главнымъ препятствіемъ для разрѣшенія нашей основной проблемы. Ибо сущность справедливости состоитъ именно въ неодинаковомъ обхожденіи съ неодинаковыми людьми.

Если бы люди были дѣйствительно равны, т. е. одинаковы тѣломъ, душою и духомъ, то жизнь была бы страшно проста и находить справедливость было бы чрезвычайно легко. Стоило бы только сказать: «одинаковымъ людямъ—одинаковую долю», или «всѣмъ всего поровну»—и вопросъ былъ бы разрѣшенъ. Тогда справедливость можно было бы находить арифметически и осуществлять механически; и всѣ были бы довольны, ибо люди и въ самомъ дѣлѣ были бы, какъ равные атомы, какъ механически перекатывающіеся съ мѣста на мѣсто шарики, до неразличимости одинаковые и внутренне и внѣшне. Что можетъ быть наивнѣе, упрощеннѣе и пошлѣе этой теоріи? Какое верхоглядство—или даже прямая слѣпота—приводятъ людей къ подобнымъ мертвымъ и вреднымъ воззрѣніямъ? Послѣ французской революціи прошло 150 лѣтъ. Можно было бы надѣяться, что этотъ слѣпой материалистическій предразсудокъ отжилъ давно свой вѣкъ. И вдругъ онъ снова появляется, завоевываетъ слѣпые сердца, торжествуетъ побѣду и обрушивается на людей цѣлую лавину несчастя...

На самомъ дѣлѣ люди не равны отъ природы и не одинаковы ни тѣломъ, ни душою, ни духомъ. Они рождаются существами различнаго пола; они имѣютъ отъ природы не одинаковый возрастъ, не равную силу и различное здоровье; имъ даются различныя способности и склонности, различныя влеченія, дары и желанія; они настолько отличаются другъ отъ друга и тѣлесно и душевно, что на свѣтѣ вообще невозможно найти двухъ одинаковыхъ людей. Отъ разныхъ родителей рожденные, разной крови и наслѣдственности, въ разныхъ странахъ выросшіе, по разному воспитанные, къ различнымъ климатамъ привыкшіе, не одинаково образованные, съ разными привычками и талантами,—люди творятъ неодинаково и создаютъ неодинаковое и неравноцѣнное. Они и духовно неодинаковы: всѣ они—различнаго ума, различной доброты, несходныхъ вкусовъ; каждый со своими воззрѣніями и со своимъ особымъ правосознаніемъ. Словомъ, они различны во всѣхъ отношеніяхъ. И справедливость требуетъ, чтобы съ ними обходились согласно ихъ личнымъ особенностямъ, не уравнивая неравныхъ и не давая людямъ необоснованныхъ преимуществъ. Нельзя возлагать на нихъ одинаковыя обязанности: старики, больные, женщины и дѣти не подлежатъ воинской повинности. Нельзя давать имъ одинаковыя права: дѣти, сумасшед-

шіе и преступники не участвуют въ политическихъ голосованіяхъ. Нельзя взыскивать со всѣхъ одинаково: есть малолѣтніе и невмѣняемые, съ нихъ взыскивается меньше; есть призванные къ власти, съ нихъ надо взыскивать строже и т. д. И вотъ, кто отложить предразсудки и безпристрастно посмотреть на жизнь, тотъ скоро убѣдится, что люди неравны отъ природы, неравны по своей силѣ и способности, неравны и по своему социальному положенію; и что справедливость не можетъ требовать одинаковаго обхожденія съ неодинаковыми людьми; напротивъ, она требуетъ неравенства для неравныхъ, но такого неравенства, которое соотвѣтствовало бы дѣйствительному неравенству людей.

Здѣсь то и обнаруживается главная трудность вопроса. Людей—безконечное множество; всѣ они различны. Какъ сдѣлать, чтобы каждый получилъ въ жизни согласно своей особливости? Какъ угнаться за всѣми этими безчисленными своеобразіями? Какъ «воздать каждому свое» (по формулѣ римской юриспруденціи)? Они не одинаковы; значить и обходиться съ ними надо не одинаково—согласно ихъ своеобразію... Иначе возникнетъ несправедливость...

Итакъ, справедливость совсѣмъ не требуетъ равенства. Она требуетъ предметно-обоснованнаго неравенства. Ребенка надо охранять и беречь; это даетъ ему цѣлый рядъ справедливыхъ привилегій. Слабаго надо щадить. Уставшему подобаетъ снисхожденіе. Безвольному надо больше строгости. Честному и искреннему надо оказывать больше довѣрія. Съ болтливымъ нужна осторожность. Съ одареннаго человѣка справедливо взыскивать больше. Герою подобаютъ почести, на которыхъ не-герой не долженъ претендовать. И такъ — во всемъ и всегда...

Поэтому справедливость есть искусство неравенства. Въ основѣ ея лежитъ вниманіе къ человѣческой индивидуальности и къ жизненнымъ различіямъ. Но въ основѣ ея лежитъ также живая совѣсть и живая любовь къ человѣку. Есть особый даръ справедливости, который присущъ далеко не всѣмъ людямъ. Этотъ даръ предполагаетъ въ человѣкѣ доброе, любящее сердце, которое не хочетъ умножать на землѣ число обиженныхъ, страдающихъ и ожесточенныхъ. Этотъ даръ предполагаетъ еще живую наблюдательность, обостренную чуткость къ человѣческому своеобразію, способность вчувствоваться въ другихъ. Справедливые люди отвергають механическое трактованіе людей по отвлеченнымъ признакамъ. Они созерцательны, интуитивны. Они хотять разсматривать каждого человѣка индивидуально и постигаютъ скрытую глубину его души...

Вотъ почему справедливость есть начало художественное: она созерцаетъ жизнь сердцемъ, улавливаетъ своеобразие каждого человѣка, старается оцѣнить его вѣрно и обойтись съ нимъ предметно. Она «внимательна», «береж-

на, «соціальна»; она блюдетъ чувство мѣры; она склонна къ состраданію, къ деликатному снисхожденію и прощенію. Она имѣетъ много общаго съ «тактомъ». Она тѣсно связана съ чувствомъ отвѣтственности. Она по самому существу своему л ю б о в н а : она родится отъ сердца и есть живое проявленіе любви.

Безумно искать справедливости, исходя изъ ненависти; ибо ненависть завистлива, она ведетъ не къ справедливости, а къ всеобщему уравниенію. Безумно искать справедливости въ революціи; ибо революція дышитъ ненавистью и мстью, она слѣпа, она разрушительна; она врагъ справедливаго неравенства; она не чтитъ «высшихъ способностей» (Достоевскій). А справедливость сама по себѣ есть одна изъ высшихъ способностей чело в ѣ к а и призваніе ея состоитъ въ томъ, чтобы у з н а в а т ь и б е р е ч ь в ы с ш і я с п о с о б н о с т и . . .

Люди будутъ осуществлять справедливость въ жизни тогда, когда в с ѣ или по крайней мѣрѣ очень многіе станутъ ея ж и в ы м и х у д о ж н и к а м и и усвоятъ искусство предметнаго неравенства. И тогда справедливый строй будетъ сводиться не къ механикѣ справедливыхъ учрежденій, а къ органическому интуитивному нахожденію предметныхъ сужденій и предметныхъ обхожденій для непрерывнаго жизненнаго потока чело в ѣ ч е с к и хъ с в о е о б р а з і й. Справедливость не птица, которую надо поймать и запереть въ клѣтку. Справедливость не отвлеченное правило для всѣхъ случаевъ и для всѣхъ людей, ибо такое правило у р а в н и в а е т ь , а не «о п р е д м ѣ ч и в а е т ь» (отъ слова «предметъ») жизнь. Справедливость не слѣдуетъ представлять себѣ по схемамъ «разъ навсегда», «для всѣхъ людей», «повсюду». Ибо она именно не «разъ навсегда», а живой потокъ индивидуальных отступленій. Она не «для всѣхъ людей», а д л я к а ж д а г о в ѣ о с о б е н н о с т и . Она не «повсюду», а ж и в е т ь и с к л ю ч е н і я м и .

Справедливость нельзя найти ни въ видѣ общихъ правилъ, ни въ видѣ государственныхъ учреждений. Она не «система», а жизнь. Ее нужно представлять себѣ въ видѣ потока ж и в о й и п р е д м е т н о й л ю б в и к ѣ л ю д я м ѣ . Только такая любовь можетъ разрѣшить задачу: она будетъ т в о р и т ь ж и з н е н н у ю с п р а в е д л и в о с т ь , создавать въ жизни и въ отношеніяхъ людей все новое и новое п р е д м е т н о е н е р а в е н с т в о .

Вотъ почему въ жизни важнѣе всего не «н а й д е н н а я р а з ѣ н а в с е г д а » справедливость: это иллюзія, химера, вредная и неумная утопія. Въ жизни важнѣе всего ж и в о е с е р д ц е , и с к р е н н о ж е л а ю щ е е т в о р ч е с к о й с п р а в е д л и в о с т и ; и еще — в с е о б щ а я у в ѣ р е н н о с т ь , что люди дѣйствительно искренно хотятъ творческой справедливости и честно ищутъ ее. И если это е с т ь , тогда люди будутъ легко мириться съ неизбѣжными

несправедливостями жизни,—условными, временными или случайными, и будутъ охотно покрывать ихъ жертвеннымъ настроеніемъ. Ибо каждый будетъ знать, что впереди его ждетъ истинная, т. е. художественно-любовная справедливость.

3.

ЕГО НЕНАВИСТЬ.

Какъ тягостно, почти невыносимо бываетъ это ощущеніе, что «онъ меня ненавидитъ»... Какое чувство собственнаго безсилія овладѣваетъ душою... Хочется не думать объ этомъ; и это иногда удается. Но, и не думая, чувствуешь черезъ духовный эфиръ эту струю, этотъ токъ чужого отвращенія, презрѣнія и зложелательства. И не знаешь, что начать; и не можешь совсѣмъ забыть; и несешь на себѣ черезъ жизнь это проклятіе.

Каждый человѣкъ,—знаетъ онъ объ этомъ или не знаетъ,—есть живой излучающій личный центръ. Каждый взглядъ, каждое слово, каждая улыбка, каждый поступокъ излучаютъ въ общій духовный эфиръ бытія особую энергію тепла и сѣта, которая хочетъ дѣйствовать въ немъ, хочетъ быть воспринятой, допущенной въ чужія души и признанной ими, хочетъ вызвать ихъ на отвѣтъ и завязать съ ними живой потокъ положительнаго, созидающаго общенія. И даже тогда, когда человѣкъ по видимому ни въ чемъ не проявляетъ себя или просто отсутствуетъ, мы осязаемъ посылаемые имъ лучи, и притомъ тѣмъ сильнѣе, тѣмъ опредѣленнѣе и напряженнѣе, чѣмъ значительнѣе и своеобразнѣе его духовная личность.

Мы получаемъ первое воспріятіе чужой антипатіи, когда чувствуемъ, что посылаемые нами жизненные лучи не принимаются другимъ человѣкомъ, какъ бы отталкиваются или упорно не впускаются имъ въ себя. Это уже непріятно и тягостно. Это можетъ вызвать въ насъ самихъ нѣкоторое смущеніе или даже замѣшательство. Въ душѣ возникаетъ странное чувство неудачи, или собственной неумѣлости, или даже неумѣстности своего бытія; воля къ общенію пресѣкается, лучи не хотятъ излучаться, слова не находятся, жизненный подъемъ прекращается и сердце готово замкнуться. Замкнутые и малообщительные люди нерѣдко вызываютъ такое чувство у общительныхъ и экспансивныхъ людей, даже тогда, когда объ антипатіи не можетъ быть еще и рѣчи. Но антипатія, разъ возникнувъ, можетъ обостриться до враждебности, «сгуститься» въ отвращеніе и углубиться до ненависти, и притомъ совершенно независимо отъ того, заслужили мы эту ненависть чѣмъ нибудь опредѣленнымъ или нѣтъ...

Тотъ, кто разъ видѣлъ глаза, горящіе ненавистью, никогда ихъ не забудетъ... Они говорятъ о личной злобѣ и предвѣщаютъ бѣду; а тотъ кто ихъ видитъ и чувствуетъ себя въ фокусѣ этихъ лучей, не знаетъ, что дѣлать. Лучъ ненависти есть

лучь, ибо онъ горитъ и сверкаетъ, онъ заряженъ энергіей, онъ направленъ отъ одного духовнаго очага къ другому. Но ненавидящій очагъ горитъ какъ бы чернымъ огнемъ и лучи его мрачны и страшны; и энергія ихъ не животворна, какъ въ любви, а смертоносна и уничтожающа. За ними чувствуется застывшая судорога души; мучительная вражда, которая желаетъ причинить другому муку и уже несетъ ее съ собою. И когда пытаешься уловить, что же такъ мучаетъ ненавидящаго, то съ ужасомъ убѣждаешься, что онъ мечтаетъ увидѣть тебя погибающимъ въ мукахъ, и мучается отъ того, что это еще не свершилось... Я смотрю въ эти ненавидящія глаза и вижу, что «онъ» меня не переноситъ; что «онъ» съ презрительнымъ отвращеніемъ отталкиваетъ мои жизненные лучи; что «онъ» провелъ черту разлуки между собою и мною, и считаетъ эту черту знакомъ окончательнаго разрыва: по ту сторону черты—онъ въ неутомимомъ зложелательствѣ, по сую сторону—я, ничтожный, отвратительный, презираемый, вѣчно недо-погубленный; а между нами—бездна... Зайдя въ тупикъ своей ненависти, онъ ожесточился и ослѣпъ; и вотъ встрѣчаетъ всякое жизненное проявленіе съ моей стороны—убійственнымъ «нѣтъ». Этимъ «нѣтъ» насыщены всѣ его лучи, направленные ко мнѣ; а это означаетъ, что онъ не пріемлетъ лучей отъ меня, не прощаетъ мнѣ моего бытія и не терпитъ моего существа—совсѣмъ и никакъ. Если бы онъ могъ, то онъ испепелилъ бы меня своимъ взглядомъ. Онъ одержимъ почти маниакальной идеей—моего искорененія: я осужденъ, совсѣмъ и навсегда, я не имѣю права на жизнь. Какъ это выражено у Лермонтова: «намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста»^{*)}... Въ общемъ и цѣломъ — духовная рана, уродство, трагедія...

Откуда это все? За что? Чѣмъ я заслужилъ эту ненависть? И что же мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ освободиться отъ этого цѣпнящаго проклятія, предвѣщающаго мнѣ всякія бѣды и грозящаго мнѣ преднамѣреннымъ погубленіемъ? Могу ли я пребречь его ожесточеніемъ, пройти мимо и постараться забыть объ этой черной злобѣ? Имѣю ли я право на это? Какъ избавиться мнѣ отъ этого угнетающаго сознанія, что мое существо вызвало въ комъ то такое духовное заболѣваніе, такую судорогу отвращенія?

Да, но развѣ вообще возможно, распорядиться чужими чувствами? Развѣ возможно проникнуть въ душу своего ненавистника и погасить или преобразить его ненависть? И если возможно, то какъ приступить къ этому? И гдѣ взять для этого достаточную силу и духовное искусство?...

Когда я встрѣчаюсь въ жизни съ настоящею ненавистью ко мнѣ, то во мнѣ просыпается прежде всего чувство большого несчастья, потомъ огорченіе и ощущеніе своего безсилія; а вслѣдъ затѣмъ я испытываю настойчивое желаніе уйти отъ своего ненавистника, исчезнуть съ его глазъ, никогда больше съ нимъ не встрѣчаться и ничего о немъ не знать. Если это удастся, то я быстро успокаиваюсь, но потомъ скоро замѣчаю, что въ душѣ

^{*)} Слова Грушницкаго. «Герой нашего времени».

осталась какая то удрученность и тяжесть, ибо черные лучи его ненависти все-таки достигают меня, проникая ко мнѣ черезъ общее эфирное пространство. Тогда я начинаю невольно вчувствоваться въ его ненавидящую душу и вижу себя въ ея черныхъ лучахъ,—ихъ объектомъ и жертвою. Это ощущение трудно выдерживать подолгу. Его ненависть есть не только его несчастье, но и мое, подобно тому, какъ несчастная любовь составляетъ несчастье не только любящаго, но и любимаго. Отъ его ненависти страдаетъ не только онъ, ненавидящій, но и я — ненавидимый. Онъ уже униженъ своимъ состояніемъ, его человѣческое достоинство уже пострадало отъ его ненависти; теперь это униженіе должно захватить и меня. На это я не могу дать согласія. Я долженъ взяться за это дѣло, выяснить его, преодолѣть его и постараться преобразить и облагородить эту больную страсть. Въ духовномъ эфирѣ міра образовалась рана; надо исцѣлить и зарастить ее.

Мы, конечно, не можемъ распоряжаться чужими чувствами; и, дѣйствительно, совсѣмъ не легко найти вѣрный путь и надлежащую духовную силу для того, чтобы разрѣшить эту претрудную задачу... Но одно я знаю навѣрное, именно, что этотъ мрачный огонь долженъ угаснуть. Онъ долженъ простить меня и примириться со мною. Онъ долженъ не только «подарить мнѣ жизнь» и примириться съ моимъ существованіемъ; онъ долженъ испытать радость отъ того, что я живу на свѣтѣ и дать мнѣ возможность радоваться его бытію. Ибо по слову великаго православнаго мудреца, Серафима Саровскаго, «человѣкъ — человѣку — радость»...

Прежде всего мнѣ надо найти и установить, чѣмъ и какъ я могъ заслужить эту ненависть? Какъ могла его возможная любовь ко мнѣ — превратиться въ отвращеніе, а его здоровое уваженіе ко мнѣ — въ презрѣніе? Вѣдь мы всѣ рождены для взаимной любви и призваны ко взаимному уваженію... Нѣтъ ли и моей вины въ томъ, что мы оба теперь страдаемъ, онъ, ненавидящій, и я, ненавидимый? Можетъ быть я нечаянно задѣлъ какую-нибудь старую, незажившую рану его сердца и теперь на меня обрушилось накопившееся наслѣдіе его прошлаго, его бывшихъ обидъ и непрощенныхъ униженій? Тогда помочь можетъ только сочувственное, любовное пониманіе его души. Но, можетъ быть, я какъ-нибудь незамѣтно заразилъ его моей собственной, скрытой ненавистью, которая жила во мнѣ, забытая, и излучалась изъ меня безсознательно? Тогда я долженъ прежде всего очистить свою душу и преобразить остатки моей забытой ненависти въ любовь. И если даже моя вина совсѣмъ ничтожна и непреднамѣренна, то и тогда я долженъ начать съ признанія и устраненія ея; хотя бы мнѣ пришлось для этого — искренно и любовно — добыть себѣ прощеніе отъ него.

Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ надо простить ему его ненависть. Я не долженъ, я не смѣю отвѣчать на его черный лучъ такимъ же чернымъ лучемъ презрѣнія и отверженія. Мнѣ не слѣдуетъ уклоняться отъ встрѣчи съ нимъ, я не имѣю права на бѣгство. Надо встрѣтить его ненависть лицомъ къ лицу и дать на нее духов-

но вѣрный отвѣтъ сердцемъ и волею. Отнынѣ я буду встрѣчать лучъ его ненависти бѣлымъ лучемъ, яснымъ, кроткимъ, добрымъ, прощающимъ и добивающимся прощенія, подобно тому лучу, которымъ князь Мышкинъ встрѣчалъ черный лучъ Парфена Рогожина. Мой лучъ долженъ говорить ему: «Братъ, прости мнѣ, я уже все простилъ и покрылъ любовью, примиришь съ моимъ существованіемъ такъ, какъ я съ любовью встрѣчаю твое бытіе»... Именно съ любовью, ибо простить—значитъ не только не мстить, не только забыть рану, но и полюбить прощенного.

Два человѣка всегда связаны другъ съ другомъ двумя нитями: отъ него ко мнѣ и отъ меня къ нему. Его ненависть обрываетъ первую нить. Если она оборвалась, то страдаютъ оба: онъ — потому, что его сердце судорожно сжалось и ожесточилось, и я — потому, что я долженъ смотреть, какъ онъ изъ-за меня мучается; и еще потому, что я самъ, ненавидимый имъ, страдаю изъ-за него. Спасать положеніе можно только такъ: поддерживать вторую нить, — отъ меня къ нему, — крѣпить ее и возстановливать черезъ нее первую. Нѣтъ другого пути. Я долженъ убѣдить его въ томъ, что я не отвѣчаю ненавистью на его ненависть; что я не вмѣняю ему его вражду и злобу; что я признаю свою возможную вину и стараюсь ее искупить и погасить; что я понимаю его, страдаю вмѣстѣ съ нимъ и готовъ подойти къ нему съ любовью; и, главное, что моей духовной любви хватитъ для того, чтобы выдерживать напоръ и пыль его ненависти, чтобы встрѣтить ее духовно и постараться преобразить ее. Я долженъ обходиться съ моимъ ненавистникомъ такъ, какъ обходятся съ тяжело больнымъ человѣкомъ, не подвергая его новымъ, добавочнымъ страданіямъ. Я долженъ посылать ему въ моихъ лучахъ пониманіе, прощеніе и любовь до тѣхъ поръ, пока онъ не возстановитъ оборванную имъ нить, ведущую ко мнѣ.

Это навѣрное совершится не легко; вѣроятно его ненависть будетъ упорствовать и не захочетъ такъ скоро уюмониться и преобразиться. Но я буду настойчивъ и сохраняю увѣренность въ побѣдѣ; это залогъ успѣха. Ненависть исцѣляется любовью и только любовью. Лучъ настоящей любви укрощаетъ дикихъ звѣрей; то, что по этому поводу разсказываютъ о святыхъ — не фантазія и не благочестивая легенда. Излученіе любви дѣйствуетъ умиряюще и обезоруживающе; напряженіе злобы разсѣивается; злой инстинктъ теряется, уступаетъ и вовлекается въ атмосферу мира и гармоніи. Все это не пустые слова: любовь закликаетъ бури и умиротворяетъ духовный эфиръ вселенной; и даже врата адовы ей не препятствіе.

А если однажды это состоится, ненависть его преобразится и рана духовнаго эфира исцѣлится и зарастетъ, тогда мы оба будемъ радоваться радостью избавленія и услышимъ, какъ высоко надъ нами все ликуетъ и празднуетъ до самаго седьмого неба, ибо Божія ткань любви едина и цѣлостна во всей вселенной.

4.

МОЯ ВИНА.

Нѣтъ, я еще не научился распознавать и нести свою вину. Мнѣ надо для этого больше мужества и смиренія. Но можетъ быть я однажды еще достигну этого.

Какъ тягостно, подчасъ мучительно трудно бываетъ устновить и признать свою вину. Душа начинаетъ безпокойно метаться, а потомъ просто ожесточается и не желаетъ видѣть правду. Хочется непремѣнно оправдать себя, отвергнуть свою виновность, свалить вину на другого или на другихъ, а главное, — доказать не только другимъ людямъ, но и себѣ самому, да, именно самому себѣ, что «я тутъ ни при чемъ» и что я нисколько не виноватъ въ этомъ. Виноваты всѣ окружающіе, въ конечномъ счетѣ — весь міръ, но только не я: — враги и друзья, природа и человѣкъ, родители и воспитатели, несчастное стеченіе обстоятельствъ и тяжелыя условія, «среда» и «вліяніе», небо и адъ, но не я! И это можно доказать, и это необходимо удостовѣрить, потому что въ этомъ «не можетъ быть никакого сомнѣнія»...

Ахъ, эта предательская «потребность» въ самооправданіи... Она то и выдаетъ меня съ головой... Эта погоня за доказательствами... Зачѣмъ они мнѣ, если я твердо и окончательно увѣренъ, что я «тутъ ни при чемъ»? Кто же требуетъ отъ меня доказательствъ? Кто заподозрѣваетъ меня, если не я самъ? Но это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ глубинѣ души я все таки считаю себя виноватымъ; что есть нѣкій тихій голосъ, который тайно твердитъ мнѣ объ этомъ и не оставляетъ меня въ покоѣ...

И вдругъ, подъ вліяніемъ этихъ неожиданныхъ соображеній, мое бѣгство отъ собственной вины прекращается... Конечъ малодушной тревогѣ. Я готовъ примириться съ мыслью о своей виновности, изслѣдовать, въ чемъ именно я виноватъ и признать свою вину. Вѣдь эта трусость многихъ уже запутала въ тяжелыя внутреннія противорѣчія, въ раздоръ съ самимъ собою, въ раздвоеніе личности, а иныхъ доводила и до галлюцинацій. Но я готовъ. Пусть говоритъ мой обвинитель.

Да, нужно мужество, чтобы спокойно изслѣдовать свою вину и не искать спасенія отъ нея въ бѣгствѣ. И еще нужно смиреніе. Если человѣкъ не переоцѣниваетъ своихъ силъ и своихъ качествъ, если онъ не кажется самъ себѣ «умнѣйшей» и «добрѣйшей» личностью, то онъ будетъ всегда готовъ предположить свою вину. Зачѣмъ разсматривать всѣ свои по-

ступки съ ихъ наилучшей, наиблагороднѣйшей стороны? Что за наивность . . . Откуда эта потребность изображать себя — передъ собой и передъ другими — всепредвидящимъ и неопибающимся праведникомъ? Зачѣмъ идеализировать свои побужденія и успокаиваться только тогда, когда небывалый образъ «чистоты» и «величія» возсіяетъ подъ моимъ именемъ? Кто изъ насъ свободенъ отъ безупречныхъ желаній и побужденій? Кто изъ насъ правъ отъ рожденія и святъ отъ утробы матери? . . .

Нѣтъ, мнѣ надо еще научиться тому, что есть вина, и какъ ее распознавать и нести въ жизни. Какъ же научиться этому?

Прежде всего надо удостовѣриться въ томъ, что всѣ люди, безъ исключенія, пока они живутъ на землѣ, соучаствуютъ во всеобщей міровой винѣ; желаніемъ и нежеланіемъ, но также и безволіемъ, и трусливымъ уклоненіемъ отъ волевого рѣшенія; дѣланіемъ и недѣланіемъ, но также и полудѣланіемъ или пилатовскимъ «умовеніемъ рукъ»; чувствами и мыслями, но также и деревяннымъ безчувственіемъ и тупымъ безмысліемъ. Мы соучаствуемъ въ винѣ всего міра — непосредственно, и черезъ посредство другихъ, обиженныхъ или зараженныхъ нами, и черезъ посредство третьихъ, неизвѣстныхъ намъ, но воспринявшихъ наше дурное вліяніе. Ибо все человѣчество живетъ какъ бы въ единомъ пространствѣ и въ единомъ эфирѣ, который всѣхъ насъ включаетъ въ себя и связуетъ насъ другъ съ другомъ. Мы какъ бы вдыхаемъ и выдыхаемъ этотъ общій духовный воздухъ бытія; и посылаемъ въ него свои «волны» или «лучи», даже и тогда, когда не думаемъ объ этомъ и не хотимъ этого, и воспринимаемъ изъ него чужіе лучи, даже и тогда, когда ничего не знаемъ объ этомъ. Каждая лукавая мысль, каждое ненавистное чувство, каждое злое желаніе — незримо отравляютъ этотъ духовный воздухъ міра и передаются черезъ него дальше и дальше. И каждая искра чистой любви, каждое благое движеніе воли, каждая одинокая и безсловесная молитва, каждый сердечный и совѣстный помыслъ — излучается въ эту общую жизненную среду и несетъ съ собою свѣтъ, теплоту и очищеніе. Безсознательно и полусознательно читаемъ мы другъ у друга въ глазахъ и въ чертахъ лица, слышимъ звукъ и вибрацію голоса, видимъ въ жестахъ, въ походкѣ и въ почеркѣ многое сокровенное, несовершенно, неслезанное, и, воспринявъ, беремъ съ собою и передаемъ другимъ. Каждый безсмертный не даромъ обдумываетъ свои коварные замыслы. Баба Яга не напрасно развозитъ въ ступѣ свою злобу. Сатанисты не безцѣльно и не безслѣдно предаются своимъ медитаціямъ. Но и одинокая молитва Симеона Столпника свѣтитъ міру благодатно и дѣйственно. А невѣдомые праведники, коими держатся города и царства, образуютъ истинную, реальную основу человѣческой жизни.

Вотъ почему на свѣтѣ нѣтъ «виновныхъ» и «невинныхъ» людей. Есть лишь такіе, которые знаютъ о своей виновности и умѣютъ нести свою и всеміровую вину, и такіе, которые въ слѣпотѣ своей не знаютъ объ этомъ и

стараятся вообразить себя и изобразить другим свою мнимую невинность.

Первые имѣютъ достаточно мужества и смиренія, чтобы не закрывать себя глаза на свою вину. Они знаютъ истинное положеніе въ мірѣ, знаютъ объ общей связанности всѣхъ людей и стараются очищать и обезвреживать посылаемые ими духовные лучи. Они стараются не отравлять, не заражать духовный воздухъ міра, наоборотъ—давать ему свѣтъ и тепло. Они помнятъ о своей виновности и ищутъ вѣрнаго познанія ея, чтобы гасить ея дурное воздѣйствіе и не увеличивать ея тяжесть. Они думаютъ о ней спокойно и достойно, не впадая въ аффектацію преувеличенія и не погрязая въ мелочахъ. Ихъ самопознаніе служитъ міру и всегда готово служить ему. Это — носители мировой вины, очищающіе міръ и укрѣпляющіе его духовную ткань.

А другіе — вѣчные бѣглецы, безнадежно «спасающіеся» отъ своей вины: ибо вина несется за ними, на подобіе древней Эриніи. Они воображаютъ, что отвѣчаютъ лишь за то, что они обдуманно и намѣренно осуществили во внѣшней жизни и не знаютъ ничего о единомъ мировомъ эфирѣ и объ общей мировой винѣ, въ которой всѣ нити сплелись въ нерасплетаемое единство. Они ищутъ покоя въ своей мнимой невинности, которая имъ, какъ и всѣмъ остальнымъ людямъ, разъ навсегда недоступна. Какъ умно и послѣдовательно они размышляютъ, какъ изумительна ихъ сила сужденія, когда они обличаютъ своихъ ближнихъ, показываютъ ихъ ошибки, обвиняютъ ихъ, приговождаютъ ихъ къ позорному столбу... И все потому, что имъ чудится, будто они тѣмъ самымъ оправдываютъ себя. Но какъ только дѣло коснется ихъ самихъ, такъ они тотчасъ становятся близоруки, подслѣповаты, наивны и глупы. И если бы они знали, какъ они вредятъ этимъ себя и міру... Они стремятся доказать себя, что они сами «очень хороши» и «совершенно невиновны», что, слѣдовательно, имъ не въ чемъ мѣняться и не надо совершенствоваться. Но именно вслѣдствіе этого лучи, посылаемые ими въ міръ, остаются безъ контроля и очищенія, и мировой воздухъ, уже отравленный и больной, впитываетъ въ себя снова и снова источаемые ими яды пошлости, ненависти и злобы...

Если я увидѣлъ и понялъ все это, то я стою на вѣрномъ пути. Каждый изъ насъ долженъ прежде всего подмести и убрать свое собственное жилище. Съ этого начинаю и я.

Итакъ, я не ищу спасенія въ бѣгствѣ. Я принимаю свою вину и несую ее отнынѣ — спокойно, честно и мужественно. Навѣрное будутъ и тяжелые, болѣзненные часы; но эта боль — очистительная и полезная. Я буду искать и находить свою вину не только въ томъ, что я совершилъ внѣшне, въ словахъ и поступкахъ, но и дальше, глубже, интимнѣе, въ моихъ свиду не выразившихся, а можетъ быть и неизреченныхъ состояніяхъ души, тамъ, гдѣ начинается мое полнѣйшее одиночество и куда не проникаетъ мое самопознаніе. Вездѣ — гдѣ у меня не достаетъ любви и прощенія; вездѣ — гдѣ я забываю о единомъ «простѣ

ранствѣ» и общемъ «эфирѣ» духа; вездѣ гдѣ я перестаю служить Богу и дѣлать Его Дѣло, или гдѣ я во всякомъ случаѣ нецѣленъ въ этомъ служеніи.

Если я однажды понялъ мою вину, то мое сожалѣніе о ней должно стать истиннымъ страданіемъ, вплоть до раскаянія и до готовности искупить ее; и, главное, — вплоть до рѣшенія впредь стать инымъ и поступать иначе. Такъ вырастаетъ во мнѣ настоящее чувство отвѣтственности, которое будетъ отнынѣ стоять какъ бы на стражѣ каждого новаго поступка.

Изслѣдуя мою личную вину, я нахожу и распутываю сто другихъ различныхъ нитей, сцѣплений и отношеній къ другимъ людямъ. Медленно разворачивается передо мною ткань общественной жизни; я постепенно привыкаю воспринимать и созерцать общій эфиръ духовнаго бытія, — и вотъ я начинаю постигать, что я въ дѣйствительности «посылаю» въ этотъ общій воздухъ и что я изъ него «получаю». Это научаетъ меня вѣрно измѣрять мою виновность и не падать подъ ея реальнымъ бременемъ. Суровая, но драгоценная школа. Каждый шагъ становится для меня ступенью, ведущей къ укрѣпленію духа и вѣрнаго характера. Не впадая въ замѣшательство и не отчаиваясь, я вижу всю мою жизнь, какъ длинную цѣпь виновныхъ состояній и дѣяній — и почерпаю отсюда все больше мужества и смиренія.

И по мѣрѣ того, какъ я достигаю этого, я получаю право изслѣдовать вопросъ о чужой винѣ; не для того, чтобы изобличать другихъ и предавать ихъ осужденію, — потребность въ этомъ все болѣе исчезаетъ во мнѣ — но для того, чтобы вчувствоваться въ ихъ жизненные положенія и въ ихъ душевныя состоянія такъ, какъ если бы я каждый разъ оказывался на мѣстѣ виновнаго человѣка и какъ если бы его вина была моею. Это значительно увеличиваетъ и углубляетъ мой опытъ виновности и я постепенно научаюсь нести не только свою вину, но и чужую: — нести, т. е. преодолевать ее духомъ и любовью.

Но, по правдѣ говоря, мнѣ еще далеко до этого... Овладею ли я когда нибудь этимъ искусствомъ, не знаю... Можетъ быть и нѣтъ... Но одно не подлежитъ для меня никакому сомнѣнію, а именно, что это — вѣрный путь...

5.

О ДРУЖБѢ.

У каждого изъ насъ бываютъ въ жизни такія времена, когда естественная, отъ природы данная намъ одинокость вдругъ начинаетъ казаться намъ тягостною и горькою: чувствуешь себя всѣми покинутымъ и безпомощнымъ, ищешь друга, а друга нѣтъ... И тогда изумленно и растерянно спрашиваешь себя: какъ же это такъ могло случиться, что я всю жизнь любилъ, желалъ, боролся и страдалъ, и, главное, служилъ великой цѣли—и не нашелъ ни сочувствія, ни пониманія, ни друга? Почему единство идеи, взаимное довѣріе и совмѣстная любовь не связали меня ни съ кѣмъ въ живое единство духа, силы и помощи?...

Тогда въ душѣ просыпается желаніе узнать, какъ же складывается жизнь у другихъ людей: находятъ они себѣ настоящихъ друзей или нѣтъ? Какъ же жили люди раньше, до насъ? И не утрачено ли начало дружбы именно въ наши дни? Иногда кажется, что именно современный человѣкъ рѣшительно не созданъ для дружбы и не способенъ къ ней... И въ концѣ концовъ неизбежно приходишь къ основному вопросу: что же есть настоящая дружба, въ чемъ она состоитъ и на чемъ держится?

Конечно, люди и теперь нерѣдко «нравятся» другъ другу и «водятся» другъ съ другомъ... Но, Боже мой, какъ все это скучно, поверхностно и безпочвенно. Вѣдь это только означаетъ, что имъ «пріятно и «забавно» совмѣстное времяпрепровожденіе, или же, что они умѣютъ «угодить» другъ другу... Если въ склонностяхъ и вкусахъ есть извѣстное сходство; если оба умѣютъ не задѣвать другъ друга рѣзкостями, обходить острые углы и замалчивать взаимныя расхожденія; если оба умѣютъ съ любезнымъ видомъ слушать чужую болтовню, слегка польстить, немножко услужить — то вотъ и довольно: между людьми завязывается такъ называемая «дружба», которая въ сущности держится на внѣшнихъ условностяхъ, на гладко-скользкой «обходительности», на пустой любезности и скрытомъ расчетѣ... Бываетъ «дружба» основанная на совмѣстномъ сплетничаніи или на взаимномъ изліяніи жалобъ. Но бываетъ и «дружба» лести, «дружба» тщеславія, «дружба» протекціи, «дружба» злословія. «дружба» преферанса, и «дружба» собутыльничества. Иногда одинъ беретъ займы, а другой даетъ займы — и оба считаютъ себя «друзьями». «Рука моетъ руку», люди вершатъ совмѣстно дѣла и дѣлишки, не слишкомъ довѣряя другъ другу, и думаютъ, что они «подружились». Но «дружбой» иногда

да называютъ и легкое, ни къ чему не обязывающее «увлеченіе», связывающее мужчину и женщину; а иногда и романтическую страсть, которая подчасъ разъединяетъ людей окончательно и навсегда. Всѣ эти мнимыя «дружбы» сводятся къ тому, что люди взаимно посторонніе и даже чуждые, проходятъ другъ мимо друга, временно облегчая себѣ жизнь поверхностнымъ и безкорыстнымъ соприкосновеніемъ: они не видятъ, не знаютъ, не любятъ другъ друга, и нерѣдко ихъ «дружба» распадается такъ быстро и исчезаетъ столь безслѣдно, что трудно даже сказать, были ли они раньше вообще «знакомы».

Люди сталкиваются другъ съ другомъ въ жизни и отскакиваютъ другъ отъ друга — подобно деревяннымъ шарамъ. Тайственная судьба взметаетъ ихъ, какъ земную пыль, и несетъ ихъ черезъ жизненное пространство въ неизвѣстную даль; а они разыгрываютъ комедію «дружбы» въ трагедіи всеобщаго одиночества... Ибо безъ живой любви люди подобны мертвому праху...

Но истинная дружба проламываетъ это одиночество, преодолеваетъ его и освобождаетъ человѣка къ живой и творческой любви. И с т и н н а я д р у ж б а... Если бы только знать, какъ она завязывается и возникаетъ... Если бы только люди умѣли дорожить ею и крѣпить ее...

На свѣтѣ есть только одна единственная сила, способная преодолѣть одиночество человѣка; эта сила есть л ю б о в ь. На свѣтѣ есть только одна возможность выйти изъ жизненной пыли и противостать ей вихрю; это есть д у х о в н а я ж и з н ь. И вотъ истинная дружба есть д у х о в н а я л ю б о в ь, соединяющая людей. А духовная любовь есть сущее п л а м я Б о ж і е. Кто не знаетъ Божьяго пламени и никогда не испыталъ его, тотъ не пойметъ истинной дружбы и не сумѣетъ осуществить ее; но онъ не пойметъ также ни вѣрности, ни истинной жертвенности. Вотъ почему къ истинной дружбѣ способны только л ю д и д у х а.

Нѣтъ истинной дружбы безъ любви, потому что именно любовь с в я з ы в а е т ь людей. А истинная дружба есть с в о б о д н а я с в я з ь: въ ней человѣкъ сразу — с в о б о д е н ь и с в я з а н ь; и связь эта не нарушаетъ и не уменьшаетъ свободы, ибо она осуществляетъ ее; и свобода эта, осуществляя себя въ привязанности, связываетъ человѣка съ человекомъ въ духѣ. Самая крѣпкая связь на землѣ есть свободная связь, если она слагается въ Богѣ, соединяетъ людей черезъ Бога и закрѣпляется передъ лицомъ Божиимъ. Вотъ почему въ основѣ каждого настоящаго брака и каждой здоровой семьи лежитъ свободная, духовная дружба. Истинная дружба, какъ и истинный бракъ, заключается въ небесахъ и не расторгается на землѣ.

Если мы видимъ гдѣ нибудь на землѣ истинную вѣрность и истинную жертвенность, то мы можемъ съ увѣренностью принять, что они возникли изъ настоящей духовной близости. Дружба свойственна только людямъ духа: это и х ѣ д а р ь, и х ѣ д о с т о я н і е, и х ѣ с п о с о б ѣ ж и з н и. Люди безъ сердца и безъ духа неспособны къ дружбѣ: ихъ холодные, своекорыст-

ные «союзы» всегда остаются условными и полупредательскими; ихъ расчётливыя и хитроумныя объединенія держатся на уровнѣ рынка и карьеризма. Истинное единеніе людей возможно только въ Божіемъ лучѣ, въ духѣ и любви.

Настоящій человѣкъ носить въ своемъ сердцѣ нѣкій скрытый жаръ, такъ, какъ если бы въ немъ жилъ таинственно раскаленный уголь. Бываетъ такъ, что лишь совсѣмъ немногіе знаютъ объ этомъ углѣ и что пламя его рѣдко обнаруживается въ повседневной жизни. Но свѣтъ его свѣтитъ и въ замкнутомъ пространствѣ, и искры его проникаютъ во всеобщій эфиръ жизни. И вотъ, истинная дружба возникаетъ изъ этихъ искръ.

Кто однажды видѣлъ пылинку радія, тотъ никогда не забудетъ этого чуда Божія. Въ маломъ замкнутомъ пространствѣ, въ темнотѣ, за стекломъ лупы, видно крошечное тѣло, изъ котораго непрерывно вылетаютъ во всѣ стороны подвижныя искорки и быстро исчезаютъ въ темнотѣ. Легкимъ поворотомъ винта можно слегка ослабить зажимъ пинцета, держащаго эту пылинку,—и тогда искры начинаютъ вылетать щедро и радостно; зажимъ усиливается — и искры летятъ скудно и осторожно. А естествоиспытатели утверждаютъ, что лучевой зарядъ этой пылинки будетъ дѣйствителенъ по крайней мѣрѣ двѣ тысячи лѣтъ...

На подобіе этого живеть и сверкаетъ человѣческій духъ; такъ посылаетъ онъ свои искры въ міровое «пространство». И изъ этихъ искръ возникаетъ истинная дружба.

Есть люди, для которыхъ слово «духъ» не пустой звукъ и не мертвое понятіе: они знаютъ, что въ жизни есть «Божіи цвѣты», и что жизнь ими красуется и свѣтится; они знаютъ, что человѣку дано внутреннее око, способное видѣть и узнавать эти цвѣты; они ищутъ ихъ, находятъ ихъ, радуются имъ и любятъ ихъ сердцемъ. Такіе люди носятъ въ своемъ сердцѣ духовный «зарядъ» и «душевный «жаръ». Ихъ личный духъ подобенъ пылинкѣ радія, излучающей свои искры въ міровое пространство. И въ каждой такой искрѣ сверкаетъ ихъ любовь и свѣтитъ сила любимаго ими божественнаго содержанія. И каждая такая искра ищетъ пріятія, признанія и отвѣта, ибо человѣческая любовь всегда требуетъ пониманія и взаимности.

Но излетѣвшая искра духа можетъ быть воспринята и постигнута только духовно живымъ и искрящимся духомъ, только такимъ сердцемъ, которое само любитъ и излучаетъ. Холодный мракъ поглощаетъ все безслѣдно. Мертвая пустота не можетъ дать отвѣта. Огонь стремится къ огню и свѣтъ тянется къ свѣту. И когда встрѣчаются два огня, то возникаетъ новое мощное пламя, которое начинаетъ шириться и пытается создать новую, живую «ткань» огня.

Истинная дружба начинается тамъ, гдѣ излетѣвшая искра духа касается чужой огненной купины и воспринимается ею. За воспріятіемъ слѣдуетъ отвѣтная искра, которая воспринимается первооплавленнымъ и вызываетъ въ немъ отвѣтъ на отвѣтъ. Тогда начинается свѣтовой обмѣнъ. Искры отнюдь не исчезаютъ въ окружающемъ мракѣ. Каждая достигаетъ цѣли и зажигаетъ.

Вспыхиваютъ цѣлые снопы свѣта, пламя разгорается, пожаръ растетъ. Свободные дары, творческое воспріятіе, свѣтлая благодарность... И ни тѣни зависти. Духъ наслаждается своей беззаветной откровенностью. Онъ знаетъ, что его встрѣтитъ духовное созерцаніе и вчувствующееся постиженіе. Сердце чутко вслушивается и радостно предвосхищаетъ дальнѣйшее. И пламя Божіе справляетъ на землѣ свой праздникъ...

Да, человѣческая душа одинока на землѣ и часто страдаетъ отъ этого. Она можетъ почувствовать себя покинутой и заброшенной. Но духъ человѣка не мирится съ одиночествомъ. Онъ укореняется въ Божественномъ, живетъ для Божьяго дѣла, свободно разсылаетъ свои искры и никакія «стыны» ему не страшны. Онъ не вѣритъ въ то, что атомное разединеніе или распыленная множественность составляетъ послѣднее слово человѣческаго бытія, непреодолимую форму жизни; онъ не вѣритъ, что люди обречены на одинокое блужданіе въ хаосѣ, что имъ никогда не найти другъ друга; онъ не вѣритъ въ торжество «міровой пыли». Гдѣ то, неизвѣстно гдѣ, когда то, неизвѣстно когда,—въ великомъ лонѣ Божіихъ замысловъ и творческихъ идей, онъ видѣлъ нѣкое видѣніе: единое, сплошное море пламени сонно почилило въ пророческомъ спокойствіи, такъ, какъ оно было задумано Богомъ изначала и призвано къ пробужденному бытію въ грядущемъ; онъ узрѣлъ это видѣніе — вступилъ въ новое, земное бытіе, чтобы проснуться въ видѣ обособленнаго, единичнаго «огонька» и начать на землѣ творческую борьбу за духовно пробужденное возсоединеніе человѣческаго огневого множества... Ибо человѣческія души, эти духовные огни Божіи, призваны пройти черезъ индивидуацію и одиночество, и вновь возсоединиться въ единое, сплошное море—но уже духовно пробужденнаго огня...

И вотъ, истинная дружба, какъ любовь, и притомъ какъ духовная любовь, создаетъ первоначальную ячейку этого единства; изъ такихъ ячеекъ духовнаго огня сложится однажды великое и единое пламя Божіе, свѣтлая и радостная ткань Божьяго Царства во вселенной...

Вотъ почему каждый духовно живой человѣкъ ищетъ истинной дружбы на землѣ и бываетъ счастливъ, если ему удастся найти ее и осуществить. Этимъ онъ исполняетъ завѣтъ своего Творца и участвуетъ въ совершеніи Его обѣтованія; этимъ онъ участвуетъ въ обновленіи и преображеніи Божьяго міра.

На свѣтѣ есть много людей, которые ничего не знаютъ объ истинной дружбѣ и тѣмъ не менѣе беспомощно толкуютъ о ней; и не находя къ ней пути, и не зная, какъ осуществить ее, удовлетворяются земною страстною «любовью», обычно вынося изъ нея разочарованіе и уныніе. Но именно они должны узнать и почувствовать, что они призваны къ ней и что она для нихъ достижима. Ибо самый слабый лучъ благожелательства, состраданія, бережнаго и чуткаго отношенія человѣка къ человѣку; — и малѣйшая искра духовнаго общенія, въ живой бесѣдѣ, въ искусствѣ, въ совмѣстномъ изслѣдованіи или созерцаніи; — и вся

кая попытка совместно помолиться единому Божеству единымъ воздыханіемъ, — содержать уже начатокъ, зерно истинной дружбы. Лѣстница начинается уже съ первой ступени; и пѣніе начинается свою мелодію уже съ перваго звука... И какъ грустно, если жизнь пресѣкается уже въ своемъ зернѣ, если лѣстница обламывается на первой ступени, если пѣснь обрывается на первомъ звукѣ!...

Поэтому каждый изъ насъ долженъ всю жизнь искать истинной дружбы, духовно строить ее и любовно беречь ее. Тогда онъ узнаетъ, въ чемъ состоитъ блаженство истинной вѣрности и легкая естественность настоящей жертвы.

II. ШКОЛА ЖИЗНИ.

- 6. Мыльный пузырь**
- 7. Облака**
- 8. О лишеніяхъ**
- 9. О здоровіи**
- 10. Міровая пыль**
- 11. О щедрости**
- 12. Раннимъ утромъ**
- 13. О возрастѣ**

6.

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ.

Одно мгновение живетъ этотъ блаженный шарикъ... Всего одинъ краткій мигъ — и конецъ... Радостный мигъ! Свѣтлое мгновение! Но его надо создать и уловить, чтобы насладиться какъ слѣдуетъ; иначе все исчезнетъ безвозвратно... О, легкій символъ земной жизни и человѣческаго счастья!...

Легкими стопами, тихими движеніями, сдерживая дыханіе надо приступать къ этому дѣлу: заботливо выбрать соломинку, непомятую, дѣвственную, безъ внутренней трещины; осторожно, чтобы не раздавить ее, надо надрѣзать одинъ конецъ и отвернуть ея стѣнки... И потомъ бережно окунуть ее въ мыльную муть, чтобы она вволю напилась и насытилась... Лучше не торопиться. Главное — не волноваться и не раздражаться. Все забыть; погасить всѣ мысли и заботы. Отпустить всѣ напряженные мускулы. И предаться легкому, душевному равновѣсію; вѣдь это игра... И захотѣтъ играющей красоты, заранѣе примирившись съ тѣмъ, что она будетъ мгновенная и быстро исчезнетъ...

Теперь можно бережно извлечь соломинку, отнюдь не страшивая ее и довѣряя ей, какъ вѣрному помощнику; затѣмъ набрать побольше воздуха, полную грудь... и тихо, тихо, чуть замѣтнымъ, скупымъ дуновеніемъ дать легчайшій толчокъ рожденію красоты...

Вотъ онъ появился, желанный шарикъ, сталъ наполняться и расти...

Не прерывать дыханія! Бережно длить игру. Ласково беречь рожденное созданіе. Чуткимъ выдыхомъ растить его объемъ. Пусть покачивается чуть замѣтнымъ ритмомъ на концѣ соломинки, пусть наполняется и растетъ...

Вотъ такъ! Развѣ не красиво? Законченная форма. Веселые цвѣта; все богаче и разнообразнѣе оттѣнки красокъ. И внутри играющее круговое движеніе. Шаръ все растетъ; все быстрѣе внутреннее круженіе; все сильнѣе размахъ качанія. Цѣлый міръ красоты, законченный и прозрачный...

А теперь созданіе завершилось. Оно желаетъ отдѣлиться, стать самостоятельнымъ и начать радостный и дерзновенный полетъ черезъ пространства... Надо остановить дыханіе и отвести соломинку отъ губъ. Окрестный воздухъ долженъ замереть! Ни рѣзкихъ жестовъ, ни вздоха, ни слова! Бережнымъ движеніемъ надо скользнуть соломинкой въ сторону и отпустить воздушный шаръ на волю...

О, дерзновенно-легкій полетъ навстрѣчу судьбѣ... О, мигъ беззаботнаго веселья...

И вдругъ — все погибло! И веселое созданіе разлетѣлось брызгами во всѣ стороны...

Ничего! Мы начнемъ сначала...

— «Что за ребячество»... «Какой смыслъ въ этой дѣтской забавѣ?»...

Да, это, конечно, «дѣтская забава»... И все же — не только «дѣтская», и не просто «забава». Признаюсь, я съ удовольствіемъ предаюсь этой игрѣ и многому научился при этомъ...

Помилуйте, да чему же можно научиться у мыльнаго пузыря?»

Всякая красота, даже само-малѣйшая, даже самая безцѣльная, такъ же какъ и всякій радостный мигъ жизни — имѣютъ большую, непреходящую цѣнность. Они смываютъ душевныя огорченія, они несутъ намъ легкое дыханіе жизни (даже и тогда, когда учать насъ бережно выпускать воздухъ) и даютъ намъ немножко счастья... И мы можемъ быть увѣрены: ни одинъ легкій, счастливый мигъ не пропадетъ даромъ въ человѣческой жизни, а слѣдовательно и въ міровой исторіи...

Совсѣмъ не надо ждать, чтобы легкая красота или этотъ счастливый мигъ сами явились и доложили намъ о себѣ... Надо звать ихъ, создавать, спѣшить имъ навстрѣчу... И для этого годится всякая невинно-наивная игра, состоящая хотя бы изъ соломинки и мыла... Такъ много легкаго и красиваго таится въ игрѣ и родится изъ игры. И недаромъ дыханіе игры живетъ въ искусствѣ, во всякомъ искусствѣ, даже въ самомъ серьезномъ и трудномъ...

Не отрицайте у взрослого человѣка игру: пусть играетъ и наслаждается. Въ игрѣ онъ отдыхаетъ, дѣлается радостнѣе, ласковѣе, добрѣе, становится, какъ дитя. А свободная, невинная цѣлесообразность, — безкорыстная и самозабвенная, — можетъ исцѣлить его душу.

Но мгновеніе красоты посѣщаетъ насъ рѣдко и гоститъ коротко. Оно исчезаетъ такъ же легко, какъ мыльный шарикъ. Надо ловить его и предаваться ему, чтобы насладиться. Обычно оно не повинуется человѣческому произволу; и насильственно вызвать его нельзя. Легкою поступью приходитъ къ намъ красота, часто неожиданно, ненарокомъ, по собственному почину. Придетъ, осязательно и исчезнетъ, повинувшись своимъ таинственнымъ законамъ. И къ законамъ этимъ надо прислушиваться, къ нимъ можно приспособиться, въ ихъ живой потокъ надо войти, повинувшись имъ, но не требуя отъ нихъ повиновенія...

Вотъ почему намъ надо научиться в н и м а т ь: съ застенчивымъ дыханіемъ внимать природѣ вещей, чтобы вступить въ ея жизненный потокъ и пріобщиться счастію природы и красоты міра. И потому всякій, кто хочетъ живой природы, легкаго искусства, радостной игры, долженъ освободить себя внутренне,

погасить въ себѣ всякое напряженіе, отдаться имъ съ дѣтскою непосредственностью и блюсти легкое душевное равновѣсіе, наслаждаясь красотою и радостью живого предмета.

Наши преднамѣренныя, произвольныя хотѣнія имѣютъ строгій предѣлъ. Они должны смолкнуть и отступить. И творческая воля челоуѣка должна научиться по в и н о в е н і ю : послушаніе прирoдѣ есть путь къ радости и красотѣ. Мы не выше ея; она мудрѣ насъ. Она сильнѣ насъ, ибо мы сами — природа и она владѣетъ нами. Ей нельзя предписывать; ея живой потокъ не слѣдуетъ прерывать; и тотъ, кто дуетъ противъ вѣтра или въ перебой его полету, не будетъ имѣть успѣха. Порывъ не терпитъ перерыва; и прерванный порывъ — уже не порывъ, а безсиліе.

Но прежде чѣмъ предаться этому играющему порыву и приступить къ созданію новой красоты, надо возымѣть до вѣ р і е къ себѣ самому; надо погасить всякія отговорки и побочныя соображенія, надо отдаться непосредственно, не наблюдать за собою, не прерывать себя, не умничать, не обезсиловать себя разными «намѣреніями» и «претензіями»... Надо забыть свои личныя цѣли и свои субъективныя заданія, ибо всякая игра имѣетъ свою предметную цѣль и свое собственное заданіе. Этой цѣли мы и должны отдаться, чѣмъ наивнѣе, чѣмъ непосредственнѣе, чѣмъ цѣльнѣе, тѣмъ лучше.

А когда онъ настанетъ, этотъ радостный мигъ жизни, надо его беречь, ограждать, любить; — все забыть и жить имъ однимъ, какъ замкнутымъ, кратковременнымъ, но прелестнымъ мірозданищемъ...

Тогда намъ останется только — благодарно наслаждаться и въ наслажденіи красотою находить исцѣленіе.

А если однажды настанетъ нежеланный мигъ и наша радость разлетится «легкими брызгами», тогда не надо ронять, сокрушаться, или, Боже избави, отчаиваться. Тогда скажемъ угасшему мигу ласковое и благодарное «прости» — и весело, и спокойно начнемъ сначала...

Вотъ чему я научился у мыльного пузыря.

И если ктонибудь подумаетъ, что самый мой рассказъ не больше, чѣмъ мыльный пузырь, то пусть онъ попробуетъ научиться у моего рассказа той мудрости, которую мнѣ принесло это легкое, короткожизненное, но прелестное созданіе... Можетъ быть ему это удастся...

7.

О Б Л А К А .

Я полюбилъ облака еще ребенкомъ. Я не зналъ, за что, и не могъ бы тогда рассказать, чѣмъ они меня плѣняють. Но я могъ любоваться ими безъ конца. Они казались мнѣ живыми существами, которыя сами плывутъ въ блаженную даль и меня зовутъ съ собою: тамъ жизнь воздушна и свѣтла, легка и радостна. Какіе то желанные сны просыпались въ душѣ, какія то чудесныя сказки завязывались въ этихъ облакахъ. Я засматривался на эти воздушныя сказки, пока не заболѣвала шея и не начиналось тихое головокруженіе; кто-нибудь изъ старшихъ называлъ меня «ротозѣмъ» и я ходилъ нѣкоторое время словно пьяный. О, любимые друзья моихъ дѣтскихъ мечтаній, кроткіе, ласковые, озаренные... Мы ничего не требовали другъ отъ друга, мы ничего не общались другъ другу; они только плыли надо мною, а я наслаждался ими и забывалъ мои дѣтскія огорченія...

Я уже давно выросъ, но ребенокъ живетъ во мнѣ по прежнему и радуется на своихъ старыхъ и всегда юныхъ друзей. А говорятъ, будто на свѣтѣ нѣтъ вѣчной привязанности... Какъ только жизнь становится мнѣ въ тягость, какъ только земныя обстоянія кажутся мнѣ непосильными, — я обращаюсь къ облакамъ, я ухожу въ ихъ созерцаніе и утѣшаюсь.

Совсѣмъ незамѣтно и неожиданно оказываешься въ другомъ мірѣ, живущемъ по инымъ законамъ и радостно принимающемъ тебя въ свой составъ. Какая дивная вознесенность надо всѣмъ, и какъ она легка; она дается имъ сама собою, безъ малѣйшаго труда: она у нихъ врожденная. И потому они сами такъ легки, такъ скромны, такъ свободны отъ всякихъ притязаній; они навѣрное не знаютъ ничего о своей величавости и вознесенности. Или можетъ быть они все же смутно ощущаютъ ту могучую, неизмѣримую, божественную высоту, которая простирается надъ ними?...

И потомъ, — эта тишина, это спокойствіе, эта дивная беззвучность! Она изливается отъ нихъ и воспринимается нами, какъ облегченіе, какъ отпущеніе и освобожденіе. И въ глубинѣ души рождается Лермонтовская мечта, стать какъ они: приобщиться ихъ беззаботности, безстрастію ихъ воздушныхъ игръ, безболию и безволюю этихъ свѣторожденныхъ созданий.

Какъ быстро они возникаютъ! Какъ покорно они сливаются, растекаются и таютъ; какъ охотно они исчезаютъ совсѣмъ, принимая свою судьбу и поддаваясь легчайшему вѣтерку. И все-таки

чудится иногда, что они увѣренно и настойчиво плывутъ къ своей цѣли, какъ если бы они точно знали, куда спѣшать.

И вѣчно мѣняется ихъ образъ, ихъ очертаніе, ихъ строеніе. Каждый мигъ обновляетъ ихъ; каждый часъ дѣлаетъ ихъ неузнаваемыми; каждый день несетъ намъ небывалое и неповторимое. Неисчерпаемое богатство воздушныхъ формъ; неподвижныя сочетанія бытія и небытія, пустоты и полноты; неожиданные, неописуемые оттѣнки свѣта и тѣни, тусклой сѣрости и ликующихъ красокъ. То простота млечнаго покроя; то прозрачность тончайшей сѣти; то сложнѣйшее нагроможденіе тяжелыхъ массъ. И подчасъ ихъ обликъ такъ странно напоминаетъ наши земныя формы. Не горы ли вознеслись тамъ вдали, закрывая горизонтъ? А здѣсь — не развалины ли небеснаго замка? Какъ таинствененъ этотъ входъ въ огромную пещеру!... Проплываютъ и исчезаютъ драконы. Проплываютъ лежащіе ели. Слабѣютъ и уносятся крылья ангеловъ. Вихрями вьются легкія кудри. Плывутъ воздушные корабли. Встаютъ грозныя, играющія видѣнія. И все исчезаетъ, и вотъ — на голубомъ небѣ ни облачка. Сколько чудесныхъ иллюзій, сколько блаженныхъ возможностей, сколько мгновенныхъ поэмъ, вызываемыхъ къ жизни и отзываемыхъ невѣдомымъ поэтомъ мірозданія. И все — всегда — прекрасно; прекрасно и значительно; даже и тогда, когда все сольется въ сѣрую, сумрачную, безнадежную пелену. Великое зрѣлище. Щедрый даръ. Небесная картина. Божія бсѣда и Божіе утѣшеніе.

Этотъ даръ дается намъ для того, чтобы намъ было куда спастись изъ этого перенапряженного, замученнаго міра, съ его злобою и тяготою, съ его чрезмѣрными требованіями. Здѣсь намъ открывается дверь въ царство легкой безотвѣтственности и прекраснаго безразличія. Тутъ отъ насъ никто ничего не требуетъ, никто ничѣмъ не грозитъ и ни къ чему не принуждаетъ. Намъ не нужно желать, добиваться, судить, отвергать, сосредоточиваться и помнить. Здѣсь не надо бороться и негодовать. Здѣсь можно забыться. Пусть задремлетъ утомленная воля, пусть исчезнутъ напряженные помыслы, пусть успокоится огорченное или раненое сердце. Человѣкъ предается легкому и свободному взиранію; ему дается счастье чистаго и безкорыстнаго созерцанія; онъ вступаетъ въ нѣкій божій театръ, древній какъ міръ и благостный какъ его Творецъ.

Облака даютъ намъ самозабвеніе, уводятъ насъ отъ дневной заботы, смягчаютъ и утоляютъ нашъ гнѣвъ, разрѣшаютъ всѣ судороги души, уташаютъ ея жадность, разрѣиваютъ ея сумраки и смягчаютъ ея упрямство, — столь безстрастно и свободно по ихъ теченію, столь кротко и благодушно ихъ легкое естество. Успокаивается ожесточенная воля, — и сладостно становится человѣку ничего не желать и имѣть право на безволіе. Отдыхаетъ утомленная мысль, — и упоителенъ оказывается покой бездумія, разсродоточеннаго и наивнаго неразумія. Изболѣвшееся сердце перестаетъ любить или не любить, звать или возмущаться, — цѣлбно льется въ него безстрастіе тишины, смиренія и благодарности. И вся душа очищается, созерцая этотъ символъ зем-

ной отрѣшенности и небесной благодати, — все покрывающей и прощающей щедрости.

Если бы мы чаще и дольше созерцали облака, то мы навѣрное сами стали бы лучше. Вѣдь это живыя сказки, сказки о томъ, какъ сбываются несбыточные желанія... Или можетъ быть это вѣрныя тѣни высшихъ, небесныхъ силъ? Можетъ быть это дымъ кадильный, клубами овѣвающій незримый алтарь Божій? Почему сердце мое трепещетъ отъ предчувствія, когда заходящее солнце освѣщаетъ это мощное, грозное облако, какъ бы благословляя его и даруя ему невиданную красоту? Почему я чувствую иногда, что по этимъ облакамъ, во всей силѣ и славѣ ихъ, могъ бы шествовать самъ Господь Вседержитель? Можетъ быть это просыпается во мнѣ довременная память о томъ, что совершалось въ древлемъ бытіи вещей? Или можетъ быть я самъ нѣкогда былъ облакомъ и нынѣ радостно узнаю моихъ древнихъ братьевъ?

Кто созерцаетъ облака и живетъ въ нихъ сердцемъ, тотъ видитъ сны на яву, сны о возможномъ и приближающемся совершенствѣ... Можетъ быть это снятся намъ дивныя помыслы Божіи, легкимъ дуновеніемъ покинувшіе лоно Его?...

О ЛИШЕНІЯХЪ.

Когда мнѣ стукнуло восемь лѣтъ, бабушка подарила мнѣ на елку красивую тетрадь въ синемъ сафьянномъ переплетѣ и сказала: «вотъ тебѣ альбомъ, записывай въ него все, что тебѣ покажется умнымъ и хорошимъ; и пусть каждый изъ насъ напишетъ тебѣ что-нибудь на память»... Вотъ было разочарованіе!... Мнѣ такъ хотѣлось оловянныхъ солдатиковъ, они даже по ночамъ мнѣ снились... И вдругъ—альбомъ. Какая скучища... Но дѣдушка взялъ мою сафьянную тетрадь и написалъ на первой страницѣ: «Если хочешь счастья, не думай о лишеніяхъ; учись обходиться безъ лишняго»... Да, хорошо ему было говорить: «не думай»... А мнѣ было до слезъ обидно. Но пришлось помириться...

Я тогда и не замѣтилъ, какъ глубоко меня задѣлъ этотъ постылый жизненный совѣтъ, данный мнѣ дѣдомъ. Сначала я и слышать о немъ не хотѣлъ: это была прямая насмѣшка надо мною и надъ моими солдатиками. Но позднѣе... И потомъ еще много спустя... У меня было такъ много лишеній въ жизни... И всегда, когда мнѣ чего-нибудь остро недоставало, или когда приходилось терять что-нибудь любимое, я думалъ о сафьянной тетради и объ изрѣченіи дѣда. Я и сейчасъ называю его «правиломъ счастья» или «закономъ оловянного солдата». Кажется, тутъ замѣшана и сказка Андерсена: «Стойкій оловянный солдатикъ»: храбрый былъ малый — прошелъ черезъ огонь и воду, и даже глазомъ не моргнулъ...

А теперь этотъ законъ кажется мнѣ выраженіемъ настоящей жизненной мудрости. Жизнь есть борьба, въ которой мы должны побѣждать; а побѣдителемъ становится тотъ, кто осуществляетъ благое и справедливое. Конечно, тутъ являются искушенія и опасности; и каждая опасность есть въ сущности угроза. Если разсмотрѣть всѣ эти угрозы, то всѣ онѣ приблизительно одинаковы: онѣ грозятъ лишеніями. Потому, что такъ называемыя «униженія» суть тоже лишенія въ вопросахъ независимости, признанія со стороны другихъ и жизненного успѣха; эти лишенія бываютъ, конечно, наиболѣе тягостными. Нельзя примириться съ утратой истиннаго достоинства и уваженія къ себѣ, но нельзя принимать къ сердцу отсутствіе успѣха у другихъ, а также поношеніе и клевету. Мы должны умѣть обходиться безъ жизненнаго «успѣха», безъ «почета» и безъ такъ называемой «славы».

И вотъ, если я буду бояться такихъ и имъ подобныхъ лишений, то мнѣ придется отказаться отъ главнаго, предметнаго успѣха въ жизни и отъ побѣды въ жизненной борьбѣ. А если я хочу предметной побѣды, то я долженъ пренебрегать лишеніями и презирать угрозы. То, что иногда называютъ «крѣпкими нервами», есть не что иное, какъ мужественное отношеніе къ возможнымъ или уже начавшимся лишеніямъ. Все, что мнѣ грозитъ, и притомъ часто только грозитъ и даже не осуществляется, есть своего рода лишеніе, — лишеніе въ области ѣды, питья, одежды, тепла, удобства, имущества, здоровья и т. д. И вотъ, человѣкъ, поставившій себѣ серьезную жизненную задачу, имѣющій великую цѣль и желающій предметнаго успѣха и побѣды, долженъ не бояться лишеній; мужество передъ лишеніями и угрозами есть уже половина побѣды, или какъ бы выдержанный «экзаменъ на побѣду». Тотъ, кто трепещетъ за свои удобства и наслажденія, за свое имущество и «спокойствіе», тотъ показываетъ врагу свое слабое мѣсто, онъ подставляетъ ему «ахилесову пяту» и будетъ скоро раненъ въ нее: онъ будетъ ущемленъ, обезсиленъ, связанъ и поработенъ. Ему предстоитъ жизненный провалъ...

Всю жизнь намъ грозятъ лишенія. Всю жизнь насъ беспокоятъ мысли и заботы о возможныхъ «потеряхъ», «убыткахъ», униженіяхъ и бѣдности. Но именно въ этомъ и состоитъ школа жизни: въ этомъ — подготовка къ успѣху, закалъ для побѣды. То чего требуетъ отъ насъ эта школа, — есть духовное преодоленіе угрозъ и лишеній. Способность легко переносить заботы и легко обходиться безъ того, чего нехватаетъ, входитъ въ искусство жизни. Никакіе убытки, потери, лишенія не должны выводить насъ изъ душевнаго равновѣсія. «Не хватаетъ»?—«Пусть себѣ не хватаетъ. Я обойдусь»... Нельзя терять священное и существенное въ жизни; нельзя отказываться отъ главнаго, за которое мы ведемъ борьбу. Но все несущественное, повседневное, всѣ мелочи жизни — не должны насъ ослѣплять, связывать, обезсиливать и парализовать...

Искусство сносить лишенія требуетъ отъ человѣка двухъ условій.

Во-первыхъ, у него должна быть въ жизни нѣкая высшая, все опредѣляющая цѣнность, которую онъ дѣйствительно больше всего любитъ и которая на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ этой любви. Это и есть то, чѣмъ онъ живетъ и за что онъ борется; то, что освящаетъ его жизнь и направляетъ его творческую силу; то, передъ чѣмъ все остальное блѣднѣетъ и отходитъ на задній планъ... Это есть священное и освящающее солнце любви, передъ лицомъ котораго лишенія не тягостны и угрозы не страшны... Именно таковъ путь всѣхъ героевъ, всѣхъ вѣрующихъ, исповѣдниковъ и мучениковъ...

И во-вторыхъ, человѣку нужна способность сосредоточивать свое вниманіе, свою лю-

б о в ъ, свою волю и свое воображеніе — не на томъ, чего не хватаетъ, чего онъ «лишенъ», но на томъ, что ему дано. Кто постоянно думаетъ о недостающемъ, тотъ будетъ всегда голоденъ, завистливъ и заряженъ ненавистью. Вѣчная мысль объ убыткахъ можетъ свести человѣка съ ума или уложить въ гробъ;*) вѣчный трепетъ передъ возможными лишеніями унижаетъ его и готовить его къ рабству. И наоборотъ: тотъ, кто умѣетъ съ любовью вчувствоваться и вживаться въ дарованное ему, тотъ будетъ находить въ каждой жизненной мелочи новую глубину и красоту жизни, какъ бы нѣкую дверь, ведущую въ духовные просторы; или — входъ въ сокровенный Божій садъ; или — колодезь, щедро льющій ему изъ глубины бытія родниковую воду. Такому человѣку довольно простого цвѣтка, чтобы коснуться божественнаго міротворенія и изумленно преклониться передъ нимъ; ему, какъ Спинозѣ, достаточно наблюденія за простымъ наукомъ, чтобы постигнуть строй природы въ его законмѣрности; ему нуженъ простой лучъ солнца, какъ Диогену, чтобы испытать очевидность и углубиться въ ея переживание. Когда то ученики спросили Антонія Великаго, какъ это онъ видитъ Господа Бога? Онъ отвѣтилъ имъ приблизительно такъ: «Раннимъ утромъ, когда я выхожу изъ моей землянки въ пустыню, я вижу, какъ солнце встаетъ, слышу, какъ птички поютъ, тихій вѣтерокъ обдуваетъ мнѣ лицо — и сердце мое видитъ Господа и поетъ отъ радости»...

Какимъ богатствомъ владѣетъ бѣднякъ, если онъ умѣетъ быть богатымъ...

Это значить еще, что лишенія призываютъ насъ къ сосредоточенному созерцанію міра, такъ, какъ если бы нѣкій сокровенный голосъ говорилъ намъ: «Въ томъ, что тебѣ уже дано, сокрыто истинное богатство; проникни въ него, овладѣй имъ и обходись безъ всего остального, что тебѣ не дано, ибо оно тебѣ не нужно»... Во всѣхъ вещахъ міра есть измѣреніе глубины. И въ этой глубинѣ есть потаенная дверь къ мудрости и блаженству. Какъ часто за «богатствомъ» скрывается сущая скудость, жалкое убожество; а бѣдность можетъ оказаться сущимъ богатствомъ, если человѣкъ духовно овладѣлъ своимъ скуднымъ состояніемъ...

Поэтому не хорошо человѣку обходиться безъ лишеній: они нужны ему, они могутъ принести ему истинное богатство. котораго онъ иначе не постигнетъ. Лишенія выковываютъ характеръ, по суворовски воспитываютъ человѣка къ побѣдѣ, учатъ его самоуглубленію и общають ему открыть доступъ къ мудрости.

И я не ропщу на лишенія и утраты, постигшія меня въ жизни. Но о моей синей сафьянной тетради, научившей меня когда то «закону оловяннаго солдатака» я вспоминаю съ благодарностью: она отняла у меня когда то желанную игрушку, но открыла мнѣ доступъ къ истинному богатству. И е я — я не хотѣлъ бы лишиться въ жизни...

*) Срв. рассказъ Чехова «Скрипка Ротшильда».

О ЗДОРОВЬИ.

«Какъ это томительно, все время думать о своемъ здоровьи... вѣчно беречься, всего опасаться, обходиться безъ запрещеннаго и все спрашивать: не повредить ли мнѣ то-то и то-то? Вся жизнь наполняется страхомъ и опасеніями... Все время наблюдаешь за собой, живешь съ оглядкой, становишься самъ себѣ тюремнымъ наблюдателемъ... Радость жизни исчезаетъ. Душой овладѣваетъ мнительность, ипохондрія. Не жизнь, а прозябаніе. Кому и зачѣмъ нужна такая жизнь?»...

Такъ жаловался я однажды въ письмѣ къ моему дѣду, когда у меня начался процессъ въ легкихъ и я долженъ былъ лечь въ санаторію на много мѣсяцевъ. Вотъ была тоска! Одинъ этотъ градусникъ три раза въ день, который я называлъ тогда «тюрьмометромъ»... Я былъ молодъ, подвиженъ, разговорчивъ и какъ разъ началъ интересную научную работу, которая требовала постоянныхъ справокъ въ библіотекѣ и выписокъ. И еще одно: я былъ влюбленъ... и не увѣренъ въ ея отношеніи ко мнѣ. Ахъ, какъ я тогда терзался!...

Милый мой дѣдъ... Онъ давно уже скончался... Но я сохранилъ его отвѣтное письмо. Оно настолько значительно и глубокомысленно, что его слѣдовало бы непременно напечатать. У моего дѣда философія вырастала изъ сердца, питалась созерцаніемъ и сливалась съ жизнью; но большихъ философскихъ трудовъ послѣ него не осталось.

Вотъ его письмо отъ слова до слова.

«Ахъ ты, мой нетерпѣливецъ», писалъ онъ мнѣ. «Чего ты томишься? Вѣдь я по письму твоему слышу, какъ ты тоскуешь. Пожалуйста успокойся и не мѣшай своему Врачу. Да нѣтъ, не санаторному, Богъ съ нимъ; онъ все равно будетъ дѣлать свое дѣло. Я разумѣю твоего собственнаго, внутренняго Врача, съ которымъ ты не въ ладахъ. А ты о немъ ничего и не знаешь? Тогда я долженъ разсказать тебѣ про него. Но ты изволь спокойно лечь, поудобнѣе. Вотъ такъ, на спину... Удобно? Ну и не напрягайся, не дѣлай угрюмага лица! Если будешь предаваться мрачнымъ мыслямъ, то ничего не услышишь и не поймешь изъ моего разсказа. Пожалуйста, не хмурь бровей. Дыши спокойно и глубоко, будто заснуть хочешь. Ну вотъ, а теперь слушай меня сердцемъ и внутренне провѣряй каждое мое слово.

«У всякаго изъ насъ есть свой собственный, внутренній Врачъ. Его нельзя ни видѣть, ни слышать. Онъ ведетъ скрытую, таинственную жизнь и не отвѣчаетъ на прямые вопросы. Но къ нему можно и должно «прислушиваться». Изрѣдка мы его видимъ во снѣ, но обыкновенно не знаемъ, что это о н ѣ. Тогда намъ снится какой то симпатичный, дружелюбный человѣкъ, къ которому мы питаемъ полное довѣріе; онъ очень благожелателенъ, сопровождаетъ насъ, молча помогаетъ намъ въ дѣлахъ и устраниваетъ всякія непріятности; обычно мы не видимъ даже его облика, онъ живетъ какъ будто въ тѣни; мы чувствуемъ только доброе и заботливое существо, и просыпаемся съ чувствомъ благодарности, ободренные и обласканные... Это и есть нашъ внутренній Врачъ, который намъ данъ на всю жизнь и съ которымъ мы должны жить въ ладахъ...

«Ты, конечно, спросишь, какъ до него добираться? А видишь ли, у насъ есть особый даръ внутренняго созерцательнаго вниманія и намъ надо упражнять его. Надо прислушиваться къ жизни нашего собственного инстинкта, той великой и умной подземной силы, безъ которой наша жизнь была бы совсѣмъ невозможна. Эта сила раститъ и строитъ человѣческій организмъ, — это удивительное сожительство или «земное единокитство» личнаго тѣла и личной души. Онъ печется о насъ, ведетъ насъ и охраняетъ, присутствуетъ во всѣхъ органахъ нашего естества. Можно было бы сказать, что каждому человѣку данъ отъ Бога нѣкій внутренній «строитель». Это о н ѣ «просыпаетъ» тебя по утрамъ, потому что ты «достаточно» поспалъ; онъ именно «просыпаетъ» тебя изнутри, тогда какъ другіе люди могутъ тебя только разбудить. Ты видалъ вѣроятно людей, которыхъ никакъ не добудишься? Понятно почему: ты ихъ насильно и произвольно будишь, а «ихъ» органически-внутренно «спитъ»... Ты поскользнешься на ходу, — а онъ уже позаботился о томъ, чтобы ты не упалъ: онъ поддержалъ твое равновѣсіе. Ты порѣзалъ палецъ, и уже все сдѣлано для того, чтобы ты не истекъ кровью; и пока ранка не заживетъ, она будетъ изнутри залѣчиваться твоимъ заботливымъ Врачемъ. Чтобы ты не предпринялъ, онъ все время заботится о тебѣ. Ты сегодня много поработалъ и хотѣлъ бы просидѣть надъ книгами еще всю ночь; онъ считаетъ это вреднымъ и заявляетъ объ этомъ въ формѣ усталости и сонливости. И если ты будешь настаивать на своемъ, начнешь много курить и пить крѣпкій кофе, то ты окажешься съ нимъ въ разладѣ и онъ можетъ устроить тебѣ внутреннюю «забастовку». Трудный и напряженный день прошелъ, тебѣ пора спать, и онъ сигнализируетъ тебѣ объ этомъ: глаза твои слипаются, ты начинаешь зѣвать и становиться вялъ и сонливъ. Это отъ него идутъ чувства голода, жажды, холода, скуки и тоски: ты не бережешь себя, ты не знаешь, что тебѣ нужно, а онъ знаетъ всѣ потребности твоего организма и бережетъ тебя. Это онъ предупреждаетъ тебя о томъ, что тебѣ нужно больше углеводовъ (сахаръ), меньше соли, гораздо больше витаминовъ; это отъ него «морозъ по кожѣ», чиханіе, зубная боль, повышенная температура, обложеніе

ный языкъ. Если ты не считаешься съ этимъ — тѣмъ хуже для тебя; онъ не можетъ и не будетъ «уговаривать» тебя, а сдѣлаетъ тебя слабымъ и больнымъ, — одумывайся и опоминайся, забрелъ въ тупикъ — ищи выхода...

«О каждомъ излишествѣ (вино), о каждомъ упущеніи (отморозилъ носъ) — онъ все время даетъ тебѣ знать. Живой человѣкъ есть цѣлая система равновѣсій: равновѣсіе тепловое, пищевое, сонно - бодрственное; равновѣсіе въ напряженіи мускуловъ и нервовъ; кровообращеніе; мѣра движенія и покоя, мѣра горя и радости, мѣра чувственныхъ наслажденій и мѣра цѣломудрія, мѣра сосредоточенной мысли и мѣра отвлеченія и развлеченія. Это онъ блюдетъ во всемъ необходимую мѣру и надлежащее равновѣсіе, и знаетъ что тебѣ необходимо; это онъ сокращаетъ твою работоспособность, посылаетъ тебѣ мигрень, или бессонницу, или желаніе прыгать и бѣгать; или валить тебѣ на теплую лежанку, или устраиваетъ тебѣ длительный нейрозъ.

«Это онъ побуждаетъ беременную женщину ѣсть мѣлъ или древесный уголь, потому что они ей необходимы для ребенка. Когда ты въ темнотѣ подходишь къ незримой для тебя опасности, — онъ предупреждаетъ тебя замираніемъ сердца и чувствомъ непонятнаго ужаса. Надо пріучиться прислушиваться ко всему этому. Тайнственный Врачъ твоего инстинкта мудрѣе и дальновиднѣе тебя. Онъ во всемъ требуетъ равновѣсія, цѣлесообразности и мѣры. Онъ есть воплощеніе молчаливой творческой мудрости. А отъ насъ онъ требуетъ — вниманія и повиновенія; и за это онъ посылаетъ намъ здоровье: само себя поддерживающее равновѣсіе жизни, и легкое, бодрое самочувствіе...

Это искусство прислушиваться къ безсловесному голосу своего инстинктивного Врача — современный человѣкъ къ сожалѣнію утратилъ. Первобытный человѣкъ обладалъ этимъ даромъ и былъ счастливъ. Но теперешній злосчастный умникъ не способенъ къ этому. Онъ гордится своимъ разсудочнымъ мышленіемъ и воображаетъ, что сознательная мысль составляетъ главную суть и силу жизни. Онъ воображаетъ, что «культура» одолѣла природу и подчинила ее себѣ. Онъ самодовольный разсудочникъ и гордецъ; и думаетъ, что его произволь призванъ покорить богозданную природу и можетъ быть даже въ послѣдствіи замѣстить ее. Онъ доходитъ до того, что выдумываетъ всякія протівоестественныя теоріи и способы жизни, и ставитъ все вверхъ ногами. А его безбожіе ослѣпляетъ его все болѣе и болѣе, и завлекаетъ его все дальше и дальше. Грѣхъ протівоестественности становится все глубже у современнаго человѣка — и ему уже не избѣжать справедливаго возмездія. Упорное неповиновеніе природѣ можетъ сломать человѣку хребетъ; ибо тотъ, кто возстаетъ протівъ богозданной природы, — бунтуетъ протівъ Бога.

Поэтому намъ надо кое въ чемъ вернуться назадъ — къ богозданной природѣ, чтобы вернуть себѣ дары небѣ. Мы должны научиться ладить съ нашимъ инстинктивнымъ

строителемъ и таинственнымъ Врачемъ. Мы должны научиться вопрошать его, не надѣясь на словесный отвѣтъ: чего бы ему «хотѣлось», чего бы онъ желалъ «избѣжать», что ему подходитъ и что — нѣтъ, и что онъ рѣшительно отклоняетъ, какъ вредное. Тутъ не слѣдуетъ умничать, не надо ничего изобрѣтать самому. Совѣтоваться со своимъ Врачемъ совсѣмъ не значитъ потакать своимъ страстямъ и вождельнѣямъ. Это — совсѣмъ иное: чело-
вѣкъ внутренне сосредоточивается и прислушивается къ голосу своего организма; онъ внемлетъ голосу своего инстинкта, но не его слѣпотѣ и страстности, не его противодуховной жадности, а его духовной мудрости, данной ему отъ Бога и взеле-
лѣянной отъ природы. Человѣкъ какъ бы возрождается въ себѣ тотъ актъ, при которомъ духъ владѣетъ инстинктомъ до самой его глупости и изъ самой его глубины. Онъ совѣщается съ духомъ своего инстинкта и олицетворяетъ его въ образѣ своего «Врача». Это пробуждаетъ въ душѣ древнюю, первозданную глубину, которая можетъ быть уже совсѣмъ заглохла, а можетъ быть только засушена разсудкомъ. Человѣкъ какъ бы стучится въ дверь своего богоданнаго и естественнаго Врача, чтобы приобщиться его самодѣятельной мудрости и возобновить въ себѣ органическое самочувствіе природы. Врачъ отвѣчаетъ безъ словъ; его мудрость не «логична», а «органична»; онъ молча указываетъ нужное, «одобряетъ - подтверждаетъ» или «отводитъ - несоветуетъ». И именно тамъ, въ этой глубинѣ инстинктивной духовности живетъ творческое зерно здоровья, тотъ дивный даръ органическаго самоцѣленія, съ которымъ мы должны вступить въ связь.

Вотъ въ этомъ то и дѣло, мой нетерпѣливый мальчикъ! Ты тоже утратилъ живую непосредственную связь съ твоимъ строителемъ и Врачемъ; и вслѣдствіе этого ты заболѣлъ. Теперь тебѣ надо во что бы то ни стало возстановить эту связь. Тебѣ нужно не просто вылѣчиться отъ кашля и заростить «раненое» легкое; тебѣ нужно начать новый образъ жизни. Ты долженъ вступить въ живой ритмъ природы, какъ бы окунуться въ потокъ самоцѣленія и естественнаго самоподдержанія. Это нельзя сдѣлать насильно, простымъ рѣшеніемъ, въ кратчайшее время. Ты долженъ постепенно освоиться съ мыслью, что здѣсь надо не приказывать, а повиноваться; не эксплуатировать свои силы по произволу, а блюсти мѣру напряженія и равновѣсія во всей жизни. Только повинувшись природѣ можешь ей повѣловать. Кто живетъ и творитъ вмѣстѣ съ ней, изъ нея, того она несетъ охотно и радостно, какъ своего господина. Ибо природа, подобно судьбѣ, ведетъ послушнаго и насильно тащить непокорнаго. Поэтому если ты будешь довѣрять своему инстинктивному Врачу и слушаться его тихихъ указаній и предупрежденій, то тебѣ не надо будетъ постоянно тревожиться о своемъ здоровьи: онъ будетъ дѣлать это за тебя. Ты будешь жить, любить и творить, а онъ будетъ поддерживать твое здоровье. Ты будешь блюсти его органиче-

скія пожеланія, а онъ будетъ итти навстрѣчу всѣмъ твоимъ духовнымъ требованіямъ. Вы будете сообща — живымъ, здоровымъ единствомъ. И ты будешь здоровъ и будешь наслаждаться прекраснымъ, увѣреннымъ спокойствіемъ за себя и за свое дѣло.

«Такъ то, мой милый. Здоровье есть нѣчто большее, чѣмъ люди обычно думаютъ... Здоровье есть предначертанная Богомъ и угодная Ему гармонія между личною природою и личнымъ духомъ. Каждый человѣкъ созданъ для здоровья и призванъ къ тому, чтобы быть здоровымъ. Въ больномъ видѣ мы не соотвѣствуемъ нашему назначенію и Божьему замыслу; какъ Ему радость отъ нашихъ уродствъ и мученій?... Онъ посылаетъ намъ недугъ для того, чтобы мы выздоровѣли, — какъ путь къ здоровью. Поэтому болѣзнь есть какъ бы таинственная записка, которую намъ надо расшифровать: въ ней записано о нашей прежней, невѣрной жизни и потомъ о новой, предстоящей намъ, мудрой и здоровой жизни. Этотъ «шифръ» мы должны разгадать, истолковать и осуществить. Въ этомъ—с м ы с л ь б о л ѣ з н и.

«И все это есть ч у д о, живое чудо природы, великое чудо Божіе, котораго мы по привычкѣ не замѣчаемъ; мы проходимъ мимо него и наше заглухшее сердце остается холоднымъ и безразличнымъ. Подумай только, какъ это дивно: въ каждомъ изъ насъ заложена способность осуществлять въ себѣ задуманную Богомъ гармонію духа, души и тѣла...; каждому изъ насъ данъ таинственный строитель и Врачъ, призванный къ осуществленію этой гармоніи...; каждый изъ насъ обладаетъ даромъ погрузиться въ себя духомъ и воззвать къ этой предначертанной и обѣтованной гармоніи... Это значитъ сразу—вернуться к ѣ п р и р о д ѣ и п р е д а т ь с е б я в о л ѣ Б о ж і е й...

«Но не вѣрь мнѣ на слово. Постарайся увидѣть это все самостоятельно. Воспользуйся для этого своей болѣзню: она должна не только исцѣлить тебя (ибо въ этомъ ея призваніе), но и умудрить. А мудрость дается только черезъ испытаніе и страданіе. Поэтому не сердись на свою болѣзнь; «дай себѣ отпускъ»; представь себѣ, что ты уѣхалъ въ путешествіе и долженъ привести съ собою — дружбу со своимъ Врачемъ, даръ здоровья и органическую мудрость. Переживъ все это самъ, провѣрь, удовлетворишься и доведи себя до очевидности. Для этого нужно терпѣніе. Все прекрасное на свѣтѣ растетъ и развивается медленно. А ты вѣдь хочешь именно прекраснаго — предначертанной отъ Бога жизненной гармоніи. Взрасти ее и вся жизнь твоя озарится по новому: и любовь, и семья, и творчество, и старость»...

Съ тѣхъ поръ я и въ самомъ дѣлѣ пережилъ все это, провѣрилъ, удостоверился и дошелъ до очевидности. А письмо дѣда я читалъ и перечитывалъ много разъ, такъ что теперь знаю его почти наизусть...

МІРОВАЯ ПЫЛЬ.

Притаившись, мягкимъ пластомъ лежитъ она въ колеяхъ проселочной дороги и ждетъ только повода, чтобы взмыть и полетѣть: вѣтеръ ли заиграетъ, лошадь ли подниметъ ее копытомъ или колесомъ, — ей все равно, взлетитъ и облѣпитъ путника, и онъ не такъ легко отдѣлается отъ нея. А если налетитъ настоящій вихрь и начнетъ вертѣть, то она понесется смерчемъ, вздымаясь и торжествуя... Куда не взглянешь — пыль повсюду. И въ солнечномъ лучѣ летаютъ и золотятся миллионы легкихъ пылинокъ: сверкнуть, покрасуются и исчезнуть въ тѣни; значить и тѣнь полна ими... Гдѣ молотятъ или вѣютъ, тамъ ей свободный полетъ: ее отдуваетъ въ сторону, а тяжелое зерно, тихо струится въ мѣшки и закрома. И напрасно хозяйки стараются отдѣлаться отъ нея, выбивая ее изъ ковровъ и стирая ее съ мебели: онѣ только будятъ ее ото сна и наполняютъ ею воздухъ. Пыль осѣдаетъ на черныхъ лицахъ трубочистовъ и угольщикова; слеживается пластами на забытыхъ книгахъ; ищетъ себѣ пристанища въ міровомъ пространствѣ. А когда самумъ поднимаетъ песокъ пустыни и несетъ его ураганомъ навстрѣчу страннику, то она заслоняетъ ему самое солнце и дышитъ ему въ лицо гибелью.

Кто вдумается и оглядится, тотъ найдетъ ее повсюду: и въ золѣ отъ костра, и на свѣжемъ яблокѣ, и въ человѣческихъ легкихъ, и въ людской болтовнѣ, въ скучающей душѣ и въ глубокой книгѣ, въ хвостѣ кометы и въ распадающемся обществѣ, и особенно во всѣхъ гражданскихъ войнахъ и революціяхъ. Всѣ вѣтры бытія кружатъ ее во всѣхъ пространствахъ, отпавшую, беспочвенную и заблудшую; съ виду безвредную, но въ сущности — обременительную и несчастную, безпризорную и безпокойную. Ибо она выпала изъ мірового строя, не нашла себѣ мѣста въ слаженномъ порядкѣ бытія и стала живымъ символомъ мірового хаоса и міровой угрозы. Пыль — это неустроенное множество, это хаосъ міровой безработицы, это надвигающійся распадъ и разложенье.

Весь міръ ищетъ единенія и устроенія; вся жизнь его проходитъ въ борьбѣ за живой, творческій порядокъ; и смыслъ мірового множества въ томъ, чтобы найти себѣ вѣрную сопринадлежность, цѣлесообразное взаимослуженіе, творческое равновѣсіе. Такъ обстоитъ на всѣхъ ступеняхъ бытія: и въ малой клѣткѣ и величавомъ теченіи планетъ, и въ полевой былинкѣ и

въ личной душѣ, въ произведеніи искусства и въ человѣческомъ обществѣ. Всюду міръ живетъ не о б х о д и м ы м ъ и выбрасываетъ и з л и ш н е е; и тамъ гдѣ лишнее бываетъ извергнуто, оно или распадается въ міровой прахъ или смыкается въ болѣзненное новообразование, грозящее разстройствомъ и гибелью.

И вотъ, въ этомъ великомъ созидательномъ вращеніи міра малый атомъ имѣетъ свое призваніе: онъ долженъ вѣрно постигнуть свою природу и свое отношеніе къ цѣлому, утвердить свою внутреннюю свободу и свое бытіе и добровольно включиться въ общую связь вселенной, въ ея трудовой порядокъ. Если это удастся ему, то жизнь его сложится вѣрно и счастливо: онъ будетъ развиваться и цвѣсти, и этимъ расцвѣтомъ своимъ служить великому дѣлу вселенной. Если же это ему не удастся, то онъ не найдетъ ни своего служенія, ни своего ранга; онъ окажется отпавшимъ и безпочвеннымъ, одинокимъ и неустроеннымъ, и присоединится къ міровой пыли. Одинокая и безработная пылинка, безцѣльно вращаясь въ жизни, носится туда и сюда, какъ отвергнутый изгой, какъ праздный вертопрахъ, какъ безпризорное дитя міра. Жизнь ея лишена смысла и цѣли, ибо у нея нѣтъ питающей почвы и нѣтъ органической сопринадлежности; ей остается только слоняться въ бездѣліи, томиться и бунтовать... Существо, отколовшееся отъ міра, не участвуетъ въ великомъ хорѣ вселенной и его личный голосъ не ведетъ свою самостоятельную и вѣрную мелодію. Оно не несетъ совместно съ другими бремя мірового бытія; и именно поэтому для него становится невыносимымъ и личное бремя жизни. Счастіе примиренія, включенности, вселенскаго братства не дается ему. Его судьба иная: вѣчная безпріютность, вѣчная жалоба, вѣчный протестъ, пока оно не найдетъ своего призванія, своего органическаго мѣста, своего служенія, а потому и счастія: ибо на свѣтѣ нѣтъ счастья внѣ служенія и нѣтъ покоя въ одинокоствѣ. Атомъ міра, нашедшій себѣ въ мірѣ — уже не жертва «случая» и не дитя хаоса: онъ обрѣтаетъ свою личную свободу въ служеніи міровой необходимости и вступаетъ во вселенный хоръ, поющій осанну...

Правда, есть въ мірѣ «мудрость», которая пользуется и пылью, какъ пассивнымъ орудіемъ, какъ слѣпымъ и притомъ страдающимъ средствомъ, — пусть оторвавшимся и несчастнымъ, но все же полезнымъ цѣлому, — пусть несогласнымъ и бунтующимъ, но вынужденнымъ повиноваться; такъ, что и хаосъ нѣкоторымъ образомъ таинственно служитъ космосу. Но эта безжалостная «мудрость» не даетъ оторвавшемуся атому ни удовольствія, ни покоя, предоставляя ему слѣпо страдать и проклиная свою судьбу. Отверженное дитя міра, отовсюду выколачиваемое и выметаемое, блуждающее въ пространствѣ на подобіе вѣчнаго жида, не можетъ утѣшиться мыслью о томъ, что и пыль, и грязь, и бактеріи, и злодѣи играютъ какую то неясную роль во всеобщей «экономіи міра»: эта мысль не даетъ ему ни избавленія, ни счастія. Всѣ неустроенные атомы міра — образуютъ единую, великую проблему мірозданія, великое бѣдствіе и

грозящую опасность. Рано или поздно они начинают объединяться и поднимают возстаніе, — то въ космическомъ пространствѣ, то въ пустынѣ, охваченной самумомъ, то въ формѣ болѣзненнаго «новообразованія» организма, то въ видѣ соціальной революціи или гражданской войны . . .

Такова великая «организационная» задача міра: пыль должна быть принята и включена въ живой порядокъ вселенной и общества, она требуетъ отъ насъ избавленія и исцѣленія, — счастья черезъ свободное служеніе. Это не задача «мига» или «часа», это не случайное заболѣваніе, исцѣляемое по какому то единому рецепту: нѣтъ, это заданіе всегдашнее, вѣчное, требующее постоянныхъ усилій, все новыхъ и новыхъ мудрыхъ и въ то же время бережныхъ мѣръ. Ибо въ великомъ врачеваніи и формированіи міра всегда будутъ вновь и вновь появляться отпавшіе и неустроенные атомы, выброшенные, не приспособившіеся, «потерявшіе голову» и неспособные вложиться въ работу цѣлаго. И всегда будетъ возможность, что такіе блуждающіе атомы, протестующіе и ожесточенные, сгрудятся и затынутъ мрачный гимнъ злобы и отверженія, — протестуя противъ неустроившаго ихъ Творца, грозя космосу завистью и ненавистью, неся другимъ людямъ месть, уравненіе и поработеніе . . .

. . . Однако великая проблема «пыли» имѣетъ еще иную сторону и иное значеніе. Ибо во внутренней жизни человѣка имѣется свое распыленіе и своя особая пыль. Живя изо дня въ день, мы совсѣмъ не замѣчаемъ, какъ душу нашу засыпаетъ пыль ничтожныхъ, повседневныхъ мелочей и какъ самая душа наша начинаетъ отъ этого мельчать, распыляться и вырождаться. Каждая человѣческая душа имѣетъ призваніе стать нѣкимъ гармоническимъ единствомъ, живущимъ и дѣйствующимъ изъ единого духовнаго центра. Человѣкъ долженъ обладать духовно укорененнымъ характеромъ. Онъ долженъ быть подобенъ городу съ единымъ крѣпкимъ кремлемъ, въ которомъ покоятся почитаемыя имъ святыни. Или еще: онъ долженъ быть подобенъ художественному произведенію искусства, въ которомъ все обосновано единою, главною идеею. Поэтому онъ не долженъ позволять жизни заносить себя пылью и распылять себя по мелочамъ.

Вотъ почему намъ надо постоянно отличать духовно-существенное отъ неважнаго, главное отъ неглавнаго, руководящее отъ пустяшнаго, священное и значительное отъ мелочнаго и празднаго; и притомъ для того, чтобы все время перелagать ритмическій акцентъ жизни на значительное и священное. Тутъ дѣло не въ бѣгствѣ отъ пустяковъ, не въ важничаньѣ, не въ педантизмѣ или ханжествѣ, а въ укрѣпленіи духовнаго вкуса и распознаваніи вещей. Надо постоянно приводить наши жизненные содержанія въ связь съ нашимъ духовнымъ центромъ, измѣряя ихъ его свѣтомъ и его содержаніемъ, такъ, чтобы они освѣщались изъ него и обличали свое истинное жизненное значеніе: то, что устоитъ въ свѣтѣ этого центрального огня и оправдается, то есть благо, то подлежитъ избранію и предпочтенію, а все иное не оправдавшееся, само будетъ обличаться

и отпадать. Это и есть процессъ очищенія отъ душевной пыли. Не все потребно духовному организму для его внутренняго строительства; то что не можетъ служить ему, пусть выдѣляется и не живетъ въ нашемъ внутреннемъ пространствѣ. Жить—значить различать, цѣнить и выбирать; кто этому не научится, тотъ будетъ засыпанъ пылью жизни. Жить значить — укорениться въ главномъ и организовывать изъ него свой характеръ и свое міровоззрѣніе; кто не способенъ къ этому, тотъ самъ распадется въ прахъ и потеряетъ самъ себя...

Всѣ ничтожныя мелочи нашего существованія; — всѣ эти несчастья, низмѣнныя и пустыя «обстоятельства» жизни, которыя желаютъ имѣть «вѣсь» и «значеніе», а на самомъ дѣлѣ лишены всякой высшей существенности; — всѣ эти праздныя, безпризорныя жизненныя содержанія, несущіяся на насъ непрерывнымъ потокомъ, всѣ эти засыпающія насъ пошлости, которыя претендуютъ на наше время и на наше вниманіе, которыя раздражаютъ насъ, возбуждаютъ и разочаровываютъ, развлекаютъ, утомляютъ и истощаютъ, — все это п ы л ь, злосчастная и ничтожная пыль жизни... И если мы не сумѣемъ избавиться отъ нея и будемъ жить ею, отдавая ей пламя нашего существа; если мы не воспитаемъ въ себѣ лучшаго вкуса и не противопоставимъ ей болѣе сильную и благородную глубину духа, то пошлость поглотитъ насъ: наши жизненныя дѣянія утратятъ высшій смыслъ, станутъ бессмысленными и безответственными; нашъ жизненный уровень станетъ низменнымъ; наша любовь станетъ капризною, нечистою и нетворческою; наши поступки станутъ случайными, невѣрными, предательскими — и духъ нашъ задохнется въ пыли бытія...

Тогда наша жизнь окажется поистинѣ «даромъ напраснымъ, даромъ случайнымъ» (Пушкинъ); она утратитъ свой смыслъ и свое священное измѣреніе. Человѣкъ, дожившій до этого, блуждаетъ какъ бы въ туманѣ и видитъ, по слову Платона, лишь пустыя тѣни бытія. Занесенный прахомъ, онъ самъ поднимаетъ прахъ, цѣлая облака пыли, и именно поэтому онъ, по слову епископа Бѣркли, изъ-за поднятой имъ пыли не видитъ солнца. А когда имъ овладѣваютъ страсти, то влага этихъ страстей, смѣшиваясь съ прахомъ его ничтожной жизни, становится липкой грязью, которою онъ и наслаждается, по словамъ Гераклита...

Притаившись у дороги нашей жизни, лежитъ вокругъ насъ эта коварная пыль; и лучше намъ не тревожить ее и не посыпать ею клубы по вѣтру. Незамѣтно забивается она во внутреннюю горницу нашей души и осѣдаетъ на всемъ, что въ ней укрыто; вотъ почему намъ необходимо умѣніе очищать отъ нея наши душевныя пространства, и тотъ, кто этимъ искусствомъ пренебрегаетъ, рискуетъ однажды задохнуться въ своей собственной пыли. Ибо отъ пыли вырождается въ человѣкѣ все: и мышленіе, условно «комбинирующее» относительныя, отвлеченныя понятія (логическая пыль); и беспочвенная, безпредметно играющая образами фантазія (эстетическая пыль); и воля, оторвавшаяся отъ своихъ священныхъ корней, циничная, властолю-

бывая и жестокая, воспринимающая человечество, какъ безличную, политическую пыль; и холодное и омертвѣвшее сердце, разучившееся любить и засыпаемое нравственно безразличнымъ прахомъ существованія . . .

А если сердце заглохло, то человѣкъ наполовину мертвъ; и не справиться ему съ жизненной пылью. И современный міровой кризисъ есть кризисъ заглогшаго сердца и возставшаго праха.

О ЩЕДРОСТИ.

Вы не знали моего прадеда? ... Жаль ... Это былъ добрый и привлекательный человекъ ... Ему было уже 76 лѣтъ, когда Господь отозвалъ его въ Свои селенія. Онъ былъ рѣщикъ по дереву, большой мастеръ; и тонкія работы удавались ему прямо удивительно: кружево да и только, и съ какимъ вкусомъ! А больше всего онъ радовался, когда могъ подарить какую-нибудь изящнѣйшую вещь значительному, талантливому человеку. Тогда онъ приговаривалъ: «вѣдь этимъ я вошелъ въ его жизнь, я помогъ ему найти въ жизни хоть маленькую радость»... — и улыбался счастливой улыбкой.

А, значитъ вы его все-таки встрѣчали? ... Да, да, это былъ онъ: съ длинными, бѣлыми волосами ... Высокій лобъ, мечтательные, немножко отсутствующіе глаза и незабываемая улыбка: будто все вокругъ улыбнулось ... Да, и послѣдніе годы онъ ходилъ немного сторбившись. Вотъ, о немъ то я и хотѣлъ вамъ рассказать.

Видите ли, когда я наблюдаю современную жизнь, то мнѣ часто кажется, что люди придаютъ чрезмѣрное значеніе всякому имуществу и богатству, какъ будто большое состояніе равносильно большому счастью. А это совсѣмъ не вѣрно. Кто такъ думаетъ и чувствуетъ, тотъ навѣрно проживетъ несчастливую жизнь. И этому я научился у моего покойнаго прадеда.

Ему всю жизнь приходилось зарабатывать себѣ пропитаніе и это давалось ему подчасъ не легко; и несмотря на это онъ былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ людей на свѣтѣ. Вы спросите, какъ это ему удавалось? ... А это онъ и называлъ «искусствомъ владѣнія» — или щедростью.

Онъ былъ седьмымъ въ своей семьѣ и притомъ младшимъ; одни мальчики. Старшіе братья были всѣ черствые и жадные. На него они смотрѣли свысока и ничего ему не давали. Родители у него умерли рано и онъ едва могъ дотянуть до конца городского училища. Тогда братья заявили ему: «изволь самъ себѣ зарабатывать пропитаніе». Ссориться и пререкаться онъ не любилъ и сталъ учиться тому, къ чему его особенно тянуло: рѣзбѣ по дереву и игрѣ на скрипкѣ. Съ рѣзбою у него сразу пошло; вещи его очень нравились. И онъ объяснялъ это такъ: «я о т ѣ д у ш и это дѣлаю, с ѣ л ю б о в ѣ ю, а люди это чувствуютъ; вѣдь они всѣ ищутъ въ жизни любви, прямо голодаютъ по ней; вотъ имъ и нравится» ...

Черезъ годъ онъ не только зарабатывалъ себѣ на хлѣбъ (жизнь то тогда была дешева), но платилъ самъ и за скрипичные уроки. Тогда онъ ушелъ отъ братьевъ и сталъ жить у бездѣтнаго дяди. Тамъ его тетка очень любила; такъ и называла его «голубчикъ мой». А въ немъ и вправду было что то голубиное. А ужъ образованіе свое онъ позднѣе пополнялъ ненасытнымъ чтеніемъ.

Бывало, только возьметъ въ руки смычекъ, такъ мелодія и польется. Всѣ сидятъ и слушаютъ, какъ очарованные, и у всѣхъ глаза влажные. И горечь жизни забудешь: будто всѣ заботы и тягости съ тебя сняли и только сердце поетъ. Какъ онъ игралъ русскія народныя пѣсни, да еще въ настоящихъ древне-народныхъ тонахъ и гармоніяхъ... Онъ потомъ съ Мельгуновымъ водился и съ гусярами все дружилъ... Бывало, самъ стоитъ серьезный, благоговѣйный; и только глаза сіяютъ блаженствомъ.

Вы спрашиваете про «искусство владѣнія»? — Сейчасъ, сейчасъ расскажу... Бѣдности онъ не зналъ. Но и богатымъ никогда не былъ. Два раза ему сватали богатыхъ невѣстъ. Онъ самъ мнѣ объ этомъ рассказывалъ: «Обѣ были изъ твердаго дерева и грубой рѣзбы. Такихъ нельзя любить. И никакого пѣнія въ нихъ не было. А во владѣніи онѣ тоже ничего не понимали: обожали свое богатство, оно изъ нихъ такъ и смотрѣло. Вѣдь у каждого изъ насъ свое главное изъ глазъ глядитъ, а у нихъ глядѣла жадность». Позднѣе онъ женился на моей прабабушкѣ и жилъ съ ней душа въ душу. Она была необычайной доброты, бѣдна, но умна и первая пѣвунья на свадьбахъ; всѣ старинныя свадебныя пѣсни знала и какъ заляется, такъ всѣ слушаютъ и не дышать.

Когда прадѣдъ начиналъ бывало рассказывать или совѣты давать, я могъ слушать часами, неотрывно. Потомъ я сталъ даже кое-что записывать для памяти. Вотъ и про владѣніе.

«Слушай, малышъ», говорилъ онъ мнѣ не разъ: «есть особое искусство владѣть вещами; и въ немъ секретъ земного счастья. Тутъ главное въ томъ, чтобы не зависѣть отъ своего имущества, не присягать ему. Имущество должно служить намъ и повиноваться. Оно не смѣетъ забирать верхъ и господствовать надъ нами. Одно изъ двухъ — или ты имъ владеешь, или оно на тебѣ поѣдетъ. А оно — хитрое. Только замѣтитъ, что ты ему служишь, такъ и начнетъ подминать тебя и высасывать. И тогда ужъ держись: проглотить тебя с душою и тѣломъ. И тогда тебѣ конецъ: оно займетъ твое мѣсто и станетъ твоимъ господиномъ, а ты будешь его холопомъ. Оно станетъ главнымъ въ жизни, а ты будешь его привѣскомъ. Вотъ самое важное: человѣкъ долженъ быть свободенъ; да не только отъ гнета людей, но и отъ гнета имущества. Какая же это свобода: отъ людей независимъ, а имуществу своему рабъ? Свободный человѣкъ долженъ быть свободнымъ и въ богатствѣ. Я распоряжаюсь; мое имущество покоряется. Тогда я имъ дѣйствительно владѣю, ибо власть въ моихъ рукахъ. Тутъ нельзя бояться и трепетать.

Кто боится за свое богатство, тотъ трепещеть передъ нимъ: какъ бы оно не ушло отъ него, какъ бы оно не поглотило его въ бѣдность. Тогда имущество, какъ ночной упырь, начнетъ высасывать человѣка, унижать его, и все таки однажды, хотя бы въ часъ смерти, покинетъ его навсегда...

«Вотъ я вырѣзаю по дереву. Это удастся мнѣ потому, что я владѣю моимъ скобелемъ и могу дѣлать съ деревомъ все, что захочу. Поэтому я могу вложить въ мою рѣзбу все мое сердце и показать людямъ, какая бываетъ на свѣтѣ нѣжная красота и радость.

«Или вотъ — на скрипкѣ. Смычекъ и струны должны меня слушаться; они должны пѣть такъ, какъ у меня на душѣ поетъ. Любовь владѣетъ мною, а я владѣю скрипкой; вотъ она и поетъ вамъ всѣмъ про радость жизни и про Божью красоту.

«То же самое и съ имуществомъ. Оно дается намъ не для того, чтобы поглощать нашу любовь и истощать наше сердце. Напротивъ. Оно призвано служить нашему сердцу и выражать нашу любовь. Иначе оно станетъ бременемъ, идоломъ, каторгой. Недаромъ сказано въ Евангелии о маммонѣ. Кто вѣруетъ въ Бога, тотъ не можетъ вѣровать въ богатство; а кто разъ преклонился передъ чужимъ или передъ своимъ богатствомъ, тотъ самъ не замѣтитъ, какъ начнетъ служить дьяволу...

«Дѣло не въ томъ, чтобы отмѣнить или запретить всякое имущество; это было бы глупо, противоестественно и вредно. Дѣло въ томъ, чтобы не отмѣняя имущество, побѣдить его и стать свободнымъ. Эта свобода не можетъ придти отъ другихъ людей; ее нужно взять самому, освободить свою душу. Если мнѣ легко думать о моемъ имуществѣ, то я свободенъ. Я опредѣляю судьбу каждой своей вещи и дѣлаю это съ легкостью; а онѣ слушаются. Мое достоинство не опредѣляется моимъ имуществомъ; моя судьба не зависитъ отъ моего владѣнія; я ему не цѣпная собака и не ночной сторожъ; я не побируха, выпрашивающій копѣйку у каждого жизненнаго обстоятельства и прячущій ее потихоньку въ чулокъ. Стыдно дрожать надъ своими вещами; еще стыднѣе завидовать болѣе богатымъ. Надо жить совсѣмъ иначе: гдѣ нужно, тамъ легко списывать со счета; гдѣ сердце заговоритъ — съ радостью дарить; снабжать, гдѣ у другого нужда; съ радостью жертвовать, не жалѣя; не требовать возврата, если другому не въ моготу; и братски забывать о процентахъ. И главное,—слышишь, малышь, — никогда не трепетать за свое имущество: «Богъ далъ, Богъ и взялъ, да будетъ благословенна воля Его». Кто трясется за свое богатство, тотъ унижается, теряетъ свое достоинство; а низкому человѣку съ низкими мыслями лучше вообще не имѣть богатства...

«Въ умныхъ книгахъ пишутъ», сказалъ онъ мнѣ разъ, «что имущество есть накопленный трудъ; а по моему и трудъ и имущество отъ духа и для духа. А духъ есть прежде всего — любовь. Поэтому у настоящаго человѣка иму»

щество есть запасъ сердца и орудіе любви. Богатому человѣку нужно много сердца; тогда можно считать, что онъ заслужилъ свое богатство. Много денегъ и мало сердца—значить тяжелая судьба и дурной конецъ».

Бывало, поговорить такъ и возьмется за свою скрипку и начнетъ играть старинныя русскія пѣсни, одну за другой: «Вѣрный нашъ колодецъ» и «Не пой соловушка» и еще много другихъ; а я сижу счастливый и слушаю...

И все это онъ навсегда врѣзалъ мнѣ въ душу. И пѣсни эти я и сейчасъ не могу слышать равнодушно. Эхъ, сколько свободы и доброты въ русскомъ человѣкѣ! Какая ширина, и глубина, и искренность въ его пѣсняхъ!

И кажется мнѣ, что прадѣдъ мой думалъ и жилъ, какъ настоящій мудрецъ...

РАННИМЪ УТРОМЪ.

Отчего это я проснулся сегодня такъ рано? Можетъ быть это ночная бабочка заметалась на разсвѣтъ? Или донеслись тихіе раскаты далекой грозы? Или души моей коснулся тотъ молчаливый укоръ просыпающагося міра, который настагаетъ всякаго погруженнаго на зарѣ въ свои одинокіе сны? Не знаю. Но только я вскочилъ съ такимъ чувствомъ, какъ если бы проспалъ что то очень важное, и полусонный, растерянный — открылъ окно въ садъ. И тотчасъ же меня охватила струя ранняго воздуха, нѣжная прохлада, упоительная щедрость міра...

Еле свѣтало, но ночь шла уже къ концу. Высоко, высоко, въ блѣдномъ небѣ тихо гасли звѣзды. Неувѣренный, слабый свѣтъ разливался съ востока, какъ бы робко спрашивая, не пора ли? ... Ночныя тѣни уже таяли, но все еще пытались сохранить свои тайны. И каждое мгновеніе все мѣнялось...

Вчера, весь день было такъ душно... Все было подавлено и надломлено зноемъ. Земля поглотила такъ много солнечной жары, что возвращала ея избытокъ, а мы, жалкіе люди, томно слонялись въ изнеможеніи, ища прохлады. И даже вѣтеръ своимъ горячимъ, больнымъ дыханіемъ не давалъ облегченія... Гдѣ же это все? Куда исчезло? Воздухъ чистъ и легокъ; онъ струится весельемъ, играетъ. Онъ выздоровѣлъ, вернулъ себѣ свѣжесть, и упоенъ такою радостью, что сразу захватываетъ, будитъ и опьяняетъ свѣтлыми предчувствіями. И вся тварь Божія купается въ немъ, наслаждается, отвѣчаетъ благоуханіемъ или пѣніемъ.

Сладостно пахнетъ сирень, сама изнемогая отъ своей щедрости; чуть доносится струя отъ первыхъ ландышей; густыми волнами катится отъ черемухи; и отъ времени до времени все заполняется дыханіемъ соснового бора.

А у птицъ сущее ликованіе; высвистываютъ всѣ сразу съ такой прямодушной откровенностью, будто за ночь досыта намолчались и теперь хотятъ сообщить міру всѣ свои открытія; или будто онѣ ясно и окончательно разрѣшили всѣ вопросы жизни и должны провозгласить свои рѣшенія. Гдѣ то вдали чокается еще соловей, но уже слабо и утомленно. Зато остальное птичье населеніе предается безавѣтному веселью. Всѣ пространства полны нѣжнымъ щекотомъ, бодрымъ щебетомъ, близкимъ посвистомъ и далекимъ граемъ; говоръ, лепетъ, восклицанія и нежданный громкій вспискъ; тутъ и короткая долбня, и долгая

дудка, и капризное чивиканіе, и надождный трескъ; перебой и перекличка, обрывы и раскаты. Птичье праздничное гулянье; птичій сумасшедшій домъ. А съ высокаго каштана все покрываетъ своими авторитетными возгласами пѣвучая иволга. И всѣ эти звуки четки, какъ самый воздухъ. А воздухъ все свѣтлѣетъ, какъ бы разступается и показываетъ просыпающіяся краски міра. И только люди досыпаютъ свои тяжелые, то угнетающіе, то соблазнительные сны...

Вдругъ — легкое, но совсѣмъ особенное, прохладное дуновеніе, трепетъ и шелестъ въ вершинѣ большого тополя, скользящій шопотъ въ высокой травѣ — и въ чуть голубѣющемъ небѣ загорается маленькое сонное облачко... Новый день начался...

Почему такъ уподобенъ этотъ ранній утренній часъ? Откуда это счастье, наполняющее душу? Что видимъ мы, что постигаемъ мы въ эти дѣйственные минуты жизни?

Древняя старушка съ лучистыми глазами рассказывала мнѣ объ этомъ, когда я былъ еще ребенкомъ; и я повѣрилъ ей на всю жизнь.

«День то Божій», говорила она, «ужъ очень свѣтелъ да нѣженъ. Все освѣщаетъ. Все видитъ, все слышитъ и знаетъ. А это куда какъ тяжело... Сколько дурного на землѣ, сколько злобы и грѣха... Развѣ это вынесешь? Потому онъ и не можетъ долго длиться. Ему надо скрыться и уйти; онъ и прекращается. Всѣ обиды забираетъ онъ съ собой, все горе, всю боль человѣческую уносить. И приходитъ на его мѣсто тьма ночная, всѣхъ разгоняетъ, всѣ огни гаситъ, всѣ дневные грѣхи прекращаетъ, чтобы не видно было ничего и чтобы все поприкончилось. А день тѣмъ временемъ отдыхаетъ и выздоравливаетъ. А когда ночь настанетъ, загораются звѣзды Божіи, кротко свѣтятъ, чистоту изливаютъ, землѣ миръ даруютъ, человѣкамъ благоволеніе. Вотъ отъ этой звѣздной чистоты и доброты все и очищается: уютомъ шумъ человѣческій, ложится пыль земная, всѣ яды душевные истребляются, вся духота грѣховная исчезаетъ. Земной воздухъ становится опять легкимъ и пречистымъ. И Божій день опять можетъ начаться»...

Какъ она все это развѣдала, не знаю. Должно быть днями очень мучилась, а по ночамъ долго подслушивала. Но я повѣрилъ ей на всю жизнь. И когда меня посѣщаетъ опять счастливый часъ и мнѣ удастся увидѣть Божіе утро во всей его красотѣ и чистотѣ, тогда я твердо знаю, что она рассказала мнѣ правду міра.

Это истинная правда, что наши дневныя, человѣческія дѣла поднимаютъ цѣлую тучу земной пыли. Истинная правда, что наши дурныя человѣческія страсти засоряютъ и заражаютъ земную атмосферу. И еще большая правда, что въ пыльномъ, зараженномъ воздухѣ земли нельзя вести прекрасную жизнь, нельзя радоваться ни земной красотѣ, ни Божьему совершенству. И если благодатное исцѣленіе не дастся намъ свыше, и не очистить насъ отъ нашей скверны, — то откуда же ждать намъ спасенія?...

И развѣ не правда, что дневная жизнь все выводитъ на свѣтъ, обнажаетъ передъ нами все коварство, всю жестокость,

всю низость міра и наносить намъ рану за раной? О, впечатлительность дня! О, нѣжность дѣтскихъ воспріятій! О, это горе за огорченныхъ и стыдъ за нестыдящихся!... И бываетъ такъ, что уже въ первую половину дня накопится столько, что дышать нельзя отъ ядовитой пыли и что свѣтъ меркнетъ въ глазахъ. И тогда надо непременно прервать дневной потокъ сознанія и искать цѣлительнаго одиночества. И потому самые впечатлительные и нѣжные люди ищутъ облегченія въ дневномъ, хотя бы и кратчайшемъ снѣ...

День — забота и нужда, ночь — беззаботность и богатство. День — напряженность и напряженность, ночь — освобожденіе и просторъ. День — томленіе и утомленіе, ночь — забвеніе и самозабвеніе. День — борьба, ночь — покой. День — трудъ, ночь — желанная мечта. День — присутствіе, ночь — отпускъ и отсутствіе. День — общеніе, ночь — разобщеніе и тишина одиночества. И что стало бы съ нами, земнородными, если бы ночь не давала намъ облегченія, покрова и прощенія? А мы еще и въ снахъ не можемъ разстаться съ нашими соблазнами и затрудненіями... Что стало бы съ нами безъ этой тихой забвенности, безъ этой цѣлительной темноты, безъ этой благостной глубины, въ которую мы незамѣтно погружаемся, чтобы приобщиться блаженному покою и свободнымъ видѣніямъ?...

Все земное такъ скоро устаетъ: природа устаетъ отъ дневного напряженія; день утомляется отъ нашей пыли и нашего яда; а мы сами устаетъ отъ нашей собственной безпомощности и неумѣлости, отъ невѣрнаго отношенія къ другимъ, — нелюбовнаго, нетворческаго, жаднаго и опасливаго воспріятія людей. И если бы исцѣленіе и укрѣпленіе не давалось намъ свыше, то откуда было бы намъ ждать спасенія?...

Но именно поэтому помощь нисходитъ къ намъ свыше. Меркнетъ дневной свѣтъ. Наступаютъ сумерки. Темнѣетъ. Гаснутъ потускнѣвшія краски. Утомленные образы теряютъ свои очертанія. Легкое кажется массивнымъ; тяжелое становится почти невѣсомымъ. И тихій мракъ покрываетъ, наконецъ, неразличимую, исчезающую вселенную. Наступаетъ часъ разлуки: всѣ вещи расстаются другъ съ другомъ, чтобы отдохнуть другъ отъ друга, чтобы уйти въ себя, чтобы утратить себя въ блаженномъ одиночествѣ и вступить въ забвенную, таинственную связь съ заснувшимъ міромъ. И почерпнуть въ этомъ отдыхъ и очищеніе.

Тогда зажигаются въ небѣ Божіи звѣзды и посылаютъ свои лучи запыленной и усталой землѣ. Тихо изливаютъ они свою мудрость на землю, на всю природу и на человѣка, на всѣхъ усталыхъ, запыленныхъ и отравленныхъ, посылая имъ очищеніе и исцѣленіе, чтобы они могли уподобиться звѣздамъ: чтобы люди утихли и умиротворились, ибо шумъ и гнѣвъ не отъ Бога; чтобы они стали кроткими и нѣжными, ибо грубость и жестокость — отъ человѣческой испорченности; чтобы они стали чистыми и ясными, ибо пыль и грязь означаютъ болѣзнь и страданіе; чтобы они стали послушными и гармоничными, ибо въ небѣ нѣтъ ни бунта ни хаоса...

Такъ текутъ ночные часы. Сонный міръ дышитъ этой цѣлительной мудростью, воздухъ становится чистымъ и блаженнымъ, краски опять получаютъ свою жизненность и прелесть, цвѣты благоухаютъ нѣжно и благодарно, а птицы и звѣри внемлютъ сквозь сонъ небесной гармоніи.

Но именно потому человѣкъ бываетъ такъ счастливъ, когда проснется въ ранній часъ и пріобщится пробужденію исцѣленного міра; — когда подышитъ очистившимся воздухомъ, увидитъ обновленную природу, услышитъ ликованіе пернатой твари, получить прощальный привѣтъ отъ гаснущихъ звѣздъ и почувствуетъ въ начавшемся днѣ, въ восходящемъ солнцѣ и въ его первомъ, дивно-прохладномъ дуновеніи — дыханіе самого Бога. Тогда онъ начинаетъ день, какъ если бы вновь родился для жизни: ибо сердце его очистилось, и воля его живетъ надеждами; освѣжилось и обновилось его воображеніе и открылись его замыслы...

Каждый день несетъ намъ этотъ блаженный ранній часъ, ибо каждое утро есть Б о ж і е у т р о; а мы не помнимъ этого и проходимъ въ жизни мимо Божіей благодати, не умѣя находить и беречь ея дары.

О ВОЗРАСТѢ.

Развѣ человѣкъ бываетъ когда нибудь доволенъ тѣмъ, что у него есть? Ему всегда хочется чего то другого, — быть инымъ, имѣть больше, умѣть то, чего онъ не умѣетъ дѣлать. Всегда ему чего то нехватаетъ. Всегда онъ жалуется и претендуетъ. Онъ не умѣетъ цѣнить свое достояніе и извлекать изъ него все возможное; и слишкомъ часто ему кажется, что онъ непременно долженъ «достать» или «добыть» себѣ такое, чего у него нѣтъ. Всѣ мы, люди, существа насытыя и неблагодарныя, склонныя къ недовольству и ропоту.

Вотъ такъ — и съ возрастомъ...

Есть въ жизни человѣка такая раздѣльная черта, до которой онъ торопитъ теченіе времени и отъ которой онъ хотѣлъ бы его замедлить или остановить. Эту раздѣльную черту люди переступаютъ въ разные сроки. До нея человѣкъ говоритъ себѣ и другимъ: «ну, я совсѣмъ уже не такъ молодъ»... потому что ему все кажется, что его принимаютъ за ребенка... А послѣ нея человѣкъ всегда готовъ сказать и другимъ и себѣ: «но я совсѣмъ еще не такъ старъ»... — потому что онъ чувствуетъ бремя лѣтъ и не хочетъ поддаваться ему. Мы всѣ незамѣтно косимся на другихъ, — что они о насъ думаютъ, за кого насъ принимаютъ и какъ опредѣляютъ нашъ возрастъ? А эти «другіе» нигдѣ не учились вѣрному воспріятію людей и опредѣляютъ возрастъ по внѣшнимъ признакамъ; и признаки эти слишкомъ часто бываютъ обманчивы. Личность человѣка есть обстояніе внутреннее, внѣшними признаками неуловимое; а возрастъ относится именно къ внутреннему міру человѣка, ибо онъ есть качество духовное.

Бываютъ дѣти безъ сердца и воображенія, разсудительныя не по лѣтамъ и черствыя отъ рожденія: «тошій плодъ, до времени созрѣлый» (Лермонтовъ); они никогда не были молоды и приходятъ въ жизнь высохшими стариками. И бываютъ люди большихъ лѣтъ, съ глубокимъ сердцемъ и живымъ духомъ, подобные старому, благородному, огненному вину. У кого сердце поетъ, тотъ всегда юнъ; а у кого сердце никогда не пѣло, тотъ родился старикомъ. Истинная молодость есть свойство духа, — его сила, его творческая игра. И тамъ, гдѣ духъ вѣетъ и расцвѣтаетъ, гдѣ сердце поетъ, тамъ старость есть только безтактность времени и обманчивая видимость.

Къ сожалѣнію люди мало знаютъ объ этомъ. У нихъ не хватаетъ духовной силы, чтобы самостоятельно опредѣлять свой возрастъ; и нѣтъ у нихъ искусства, оставаться духовно молодыми. Поэтому они покоряются состояніямъ своего тѣла, озабоченно считаютъ про себя прожитые года, сокрушенно смотрятъ на свои падающіе волосы, стараются скрыть отъ другихъ свой настоящій возрастъ, сердятся на неосторожные вопросы, замалчиваютъ день своего рожденія и въ концѣ концовъ принимаютъ свои железы за главное въ жизни... Какъ часто мы бываемъ несчастны отъ близорукости и наивности, и не понимаемъ, что духовность есть ключъ къ истинному счастью...

Смолоду человѣкъ смотритъ впередъ и ждетъ небывалыхъ возможностей; ему нетерпится стать постарше и показать себя взрослымъ, а то ему слышатся отовсюду обидныя словечки («ребенокъ», «мальчишка», «молокосось») и ему все кажется, что люди обмѣниваются улыбками на его счетъ... Онъ все мечтаетъ выйти изъ дѣтскихъ лѣтъ и пріобщиться всѣмъ тайнамъ взрослости, которыя отъ него зачѣмъ то скрываютъ... Зачѣмъ?

Но вотъ, свершилось: испытанія дѣтства кончились и взрослые говорятъ съ нимъ, какъ съ взрослымъ; ребяческая обидчивость исчезаетъ, ни юношеской заносчивости, ни раздражительности больше нѣтъ. Ему кажется только, что старшее поколѣніе скучно и надоѣдливо, что въ немъ есть что то старомодное, устарѣлое, какая то даже закоренѣлость. «Эти старики» думаютъ, что у нихъ есть какой то особый «опытъ жизни», котораго онъ будто бы лишень; — что они все знаютъ и понимаютъ лучше и что все всегда должно оставаться «по старому, какъ мать поставила». И все они ссылаются на свой «авторитетъ», и не даютъ ему ходу. Но впрочемъ время идетъ и скоро онъ вступить въ свои права...

Незамѣтно для себя онъ переступаетъ потомъ ту роковую черту, тотъ жизненный водораздѣлъ, послѣ котораго человѣкъ перестаетъ торопиться, и опоминается лишь тогда, когда все уже совершилось. Теперь ему уже не хочется становиться все старше и старше, — довольно. Напротивъ, такъ пріятно было бы замедлить или пріостановить полетъ времени. Вотъ уже подростаетъ новое поколѣніе, со своими новыми вкусами, манерами и сужденіями. И ему уже кажется что это какая то странная молодежь, что у нея что то неладно и что сама она не знаетъ, чего хочетъ. «Трудно съ ними сговориться, они насъ не понимаютъ, а мы ихъ»... И скоро онъ уже жалѣетъ о прошломъ, и хотѣлъ бы его вернуть, и хотѣлъ бы сбросить съ плечъ лѣтъ десять-пятнадцать... Но къ сожалѣнію это невозможно...

Итакъ человѣкъ всегда недоволенъ;—и онъ не правъ въ этомъ, особенно въ томъ, что касается возраста. Надо не жаловаться и не роптать, не торопить и не земедлять, а уходить отъ своего возраста, не поддаваться ему. Возрастъ не опредѣляется долгою жизнью и состояніемъ тѣла; онъ опредѣляется другимъ мѣриломъ. Покорность и беспомощность здѣсь неумѣ-

стны; страхъ и притворство — унизительны. Надо добиваться и добиться независимости отъ своего возраста. Не надо спорить съ нимъ и тяготиться имъ; пусть приходитъ старость: она не должна гасить нашу молодость. Можно быть сразу старымъ и молодымъ. Надо духовно одолевать свой возрастъ и превращать его въ неважную мелочь существования...

Легко сказать... Но какъ же это дѣлается?

А вотъ какъ.

Во-первыхъ, надо опредѣлять возрастъ не по состоянію тѣла, а по состоянію духа. Во-вторыхъ, надо наслаждаться во всякомъ возрастѣ его благороднейшими радостями и разрѣшать выдвигаемыя имъ духовныя задачи. И въ третьихъ, надо жить во всякомъ возрастѣ тѣмъ, что не старѣется и не устарѣваетъ, что отъ вѣка и на вѣка. И все это входитъ въ искусство жизни.

Каждый возрастъ имѣетъ свои цвѣты. Каждый несетъ свои радости. Каждому доступна своя духовная красота. И надо умѣть наслаждаться всѣмъ этимъ.

Ребенокъ открываетъ глаза и видитъ передъ собою мірозданіе во всемъ его богатствѣ и великолѣпіи. Каждая былинка готова сообщить ему свою тайну, каждый цвѣтокъ смотритъ на него съ привѣтливой лаской; каждая стрекоза прельщаетъ его своимъ полетомъ; каждое дерево шепчетъ ему о величіи и силѣ. Это есть время естественнаго богатства, изумленія, радости, довѣрчивости и тайны. Дѣвственная воспримчивость души, радость новыхъ открытій, догадокъ и предчувствій, художественная серьезность въ игрѣ, непосредственное сліяніе съ природою, первыя пробужденія духа...

Юноша открываетъ любовь въ ея сладостномъ томленіи и въ ея мучительномъ блаженствѣ. Каждая женщина кажется ему сосудомъ съ нѣжною тайною, каждая сулитъ ему возможность будущаго, идеальнаго счастья. Это есть время мечтательныхъ поисковъ, влюбленности и застѣнчивости, дружбы и отреченія, время «вопросовъ» безъ отвѣта и время внутренней борьбы съ самимъ собой. Весна, цѣломудренная любовь, первыя бури, первый закалъ въ разочарованіяхъ, счастье искренней любви ко всей вселенной...

Взрослый человѣкъ находитъ свое жизненное призваніе и занимаетъ свое мѣсто въ мірѣ. Ему предстоитъ цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ и радостныхъ открытій. Онъ познаетъ жизнь во всей ея трудности, серьезности и отвѣтственности; онъ утверждаетъ свою духовную самостоятельность; онъ убѣждается въ томъ, что воля есть сила строящая и оформляющая. Это есть время завершенія личнаго характера, обнаруженіе своихъ силъ и способностей; это время увлекательныхъ замысловъ и перспективъ, время вступленія въ бракъ и рожденія перваго ребенка. Счастье начавшейся жизни, радость завершившейся любви.

Зрѣлый мужъ познаётъ радость и муку человѣческаго творчества и божественную значительность міра. Онъ уже видитъ и предметную глубину жизни, и предѣлы своихъ личныхъ силъ. Передъ нимъ раскрывается сущность вещей, и жизнь его вступаетъ въ періодъ плодоношенія. Это есть время опубликованія главныхъ трудовъ и воспитанія новаго поколѣнія, время заслугъ, признанія и восхожденія. Красота поздняго лѣта; благоуханіе сложенныхъ скирдовъ и собранныхъ яблокъ; счастье зрѣлыхъ и законченныхъ созданий.

Старость вкушаетъ покой и тишину сердца; она видитъ передъ собой дивный горизонтъ жизни и наслаждается властью свободнаго отреченія. Это есть время отстоявшагося созерцанія, сладостныхъ воспоминаній, высшей духовной зрѣлости. Чудесное безстрастіе дружбы; благодатное богатство осени; одинокое стояніе на сторожевой башнѣ; тихое учительство мудреца; міровая скорбь философа; молитва отшельника о страдающихъ людяхъ.

А древнему старцу дано еще большее и высшее: онъ приобщается таинственной цѣлесообразности міра во всей ея глубинѣ и благодати; онъ уже проникаетъ взоромъ въ потустороннюю жизнь и готовъ благословить свой земной конецъ. Тихое освобожденіе отъ всего слишкомъ-человѣческаго; безпристрастное и безкорыстное созерцаніе; благословляющая любовь; лучезарный закатъ солнца; предчувствіе близкаго преображенія жизни.

Подумать только: сколь же счастливъ человѣкъ, пріемлющій утѣхи старости и не утратившій даровъ юности... Сколь счастливъ онъ, если въ сердцѣ его по прежнему поетъ любовь, а изъ старческаго ока сверкаетъ дѣтская искренность...

А если онъ прожилъ свою жизнь въ служеніи вѣчному, — въ любви, въ духовномъ созерцаніи и въ божественной ткани міра, — то жизнь его была благословенная и счастливая... Это означаетъ, что онъ еще ребенкомъ радовался дуновеніямъ Божиимъ въ мірѣ, и что юношей онъ созерцалъ искру Божию въ своей возлюбленной; вступая въ жизнь, онъ уже постигалъ, Кѣмъ онъ призванъ и къ чему, а зрѣлымъ мужемъ — твердо зналъ, Кому и чему онъ хранить вѣрность. Тогда и поздняя мудрость его будетъ проникнута духовной любовью и онъ будетъ свѣтить своему народу, какъ духовный маякъ. И кто вступилъ въ его лучъ, тотъ почувствуетъ неземной источникъ этого луча. И покидая землю, онъ спокойно и радостно вступить въ тотъ вѣчный міръ, которому всю жизнь принадлежали его помыслы...

Если такъ жить, то жизнь станетъ цвѣтущимъ садомъ. Возрастъ будетъ преодоленъ, старость окажется одухотворенною... И не на что будетъ жаловаться и роптать.

III. ДАРЪ МОЛИТВЫ.

- 14. О духовной слѣпотѣ
- 15. Горное озеро
- 16. Возвращеніе
- 17. О молитвѣ
- 18. О міровой скорби
- 19. Горы

О духовной слѣпотѣ.

У людей не рѣдко бываетъ такъ: если кто чего нибудь лишень, то ему обидно видѣть, что другіе этимъ обладаютъ. «Чего у меня нѣтъ, того чтобы и у другихъ не было». Непріятно сознавать себя лишеннымъ и обойденнымъ. Чужое преимущество уязвляетъ и оскорбляетъ; и рѣдко кто умѣетъ «прощать» другимъ ихъ одаренность... Обида и недоброжелательство такъ легко превращаются въ зависть и злобу... Но если обойденный завистникъ добьется власти и можетъ быть даже неограниченной власти надъ другими, тогда его убожество можетъ стать для него совершенно нестерпимымъ и онъ сдѣлаетъ все, чтобы отнять у подвластныхъ ему людей ихъ «невыносимое» и «непростительное» преимущество. Отсюда въ исторіи не разъ возникали трагическія столкновенія между тиранами и талантами.

Если прислушаться къ тому, что говорятъ современные воинствующіе безбожники, то слогается впечатлѣніе, будто мы внемлемъ неистовымъ проповѣдникамъ, — проповѣдникамъ безбожія, — старающимся навязать людямъ новую религію. И въ самомъ дѣлѣ это есть религія безвѣрія и противобожія. Дѣло не только въ томъ, что эти люди сами утратили всякую связь съ Богомъ; они еще принимаютъ свое безбожіе за величайшее достиженіе, за «освобождающую истину», за «радостное благовѣстіе», словомъ — за новое откровеніе... Такое впечатлѣніе не случайно; оно исторически обосновано и вѣрно. И тотъ, кто вдумается въ это явленіе новаго времени, тотъ почувствуетъ глубокую скорбь и тревогу.

Эта скорбь будетъ сначала подобна тому тягостному чувству, которое мы всѣ испытываемъ передъ лицомъ слѣпорожденного или глухонѣмого. Мы видимъ несчастнаго человѣка, который лишень драгоценнаго и чудеснаго органа, обогащающаго и просвѣтляющаго душу. Этотъ органъ раскрываетъ намъ столь многое въ мірѣ, онъ даруетъ намъ, зрячимъ и слышащимъ, такое богатство жизненныхъ содержаній, такой потокъ значительныхъ, глубокихъ и чистыхъ переживаній, что мы не можемъ даже вообразить себя безъ нихъ. Передъ нами открывается особое и самоцѣнное измѣреніе міра и вещей; оно даетъ намъ безконечно много свѣта и радости. И вдругъ мы видимъ людей, которые лишены этихъ органовъ и которые, повидимому, даже не подозреваютъ, что мы черезъ нихъ воспринимаемъ и отъ нихъ получаемъ. Естественно, что передъ лицомъ этихъ обой-

обойденныхъ людей насъ охватываетъ чувство, смѣшанное изъ со-
страданія, тяжелой грусти и растерянности.

Таково приблизительно то первое чувство, которое мы испыты-
ваемъ, встрѣчая на жизненномъ пути духовно-слѣпорож-
деннаго безбожника. Какъ же онъ переживаетъ міръ безъ Бо-
га? Что же онъ видитъ въ природѣ и какъ онъ представляетъ
себѣ человѣческую душу? Какъ онъ справляется съ жизненны-
ми страданіями и соблазнами? Въ чемъ онъ видитъ назначеніе
и судьбу человѣка? Вѣдь міръ долженъ казаться ему совершен-
но мертвымъ, плоскимъ и пошлымъ, а судьба человѣческаго ро-
да безсмысленною, слѣпою и жестокою.

И вотъ въ насъ просыпается смутное чувство отвѣтственно-
сти и можетъ быть даже вины: мы — счастливы, онъ — несча-
стенъ; намъ дано духовное богатство, котораго онъ лишенъ; мы
созерцаемъ и видимъ, а онъ слѣпъ. Надо же помочь ему. Что
же мы сдѣлали для этого? Что надо сдѣлать, чтобы восстано-
вить въ его душѣ органъ духа? Какъ быть съ такими людьми?
И можно ли примириться съ ихъ духовною обреченностью?

И вдругъ намъ приходитъ въ голову, что онъ самъ не за-
мѣчаетъ своей слѣпоты и совсѣмъ не считаетъ ее слѣпотою: на-
противъ, онъ очень доволенъ тѣмъ, что у него нѣтъ этого див-
наго органа, этой духовной способности созерцать, видѣть и вѣ-
ровать. Онъ совсѣмъ и не хотѣлъ бы приобрѣсти его. Напро-
тивъ: эту лишенность онъ переживаетъ, какъ особое преиму-
щество, какъ начало «новой» жизни и новаго творчества, какъ
знакъ «высшаго призванія», какъ право на власть и на пропо-
вѣдь. Этотъ нищій принимаетъ себя за богача; этотъ опасно-
больной воображаетъ, что онъ то и есть человѣкъ образцоваго
здоровья; онъ принимаетъ себя за новое существо, которому
предстоитъ великое будущее. Онъ—«просвѣщенный мыслитель»,
а мы бродимъ во мракѣ, не то «обманутые», не то «злостные
обманщики». Именно поэтому онъ долженъ просвѣтить насъ,
освободить и показать намъ путь къ новому, истинному счастью.
Однимъ словомъ: онъ рожденъ властвовать, а мы предназна-
чены къ покорности.

И вдругъ мы видимъ, что все искажено, все перевернуто и
поставлено вверхъ ногами. Насъ охватываетъ легкое головокру-
женіе. Такъ бываетъ въ тяжелыхъ снахъ, которые мы потомъ
называемъ кошмарными: люди ходятъ спиной впередъ; или па-
даютъ не внизъ, а вверхъ; огромное богатство состоитъ изъ че-
репковъ и мусора; видишь себя слѣпымъ и испытываешь отъ
этого чувство радости и гордости; чувствуешь себя злымъ тара-
каномъ и все-таки собираешься управлять міромъ... И нако-
нецъ проснешься и благодаришь Бога за то, что эти сновидѣнія
кончились...

Подобное этому мы испытываемъ, когда прислушиваемся
къ проповѣди современныхъ безбожниковъ. Чувство состраданія
быстро исчезаетъ и уступаетъ мѣсто удивленію и негодованію.
Мы видимъ передъ собою людей въ высшей степени самоува-
ренныхъ и притязательныхъ, которые по глупости принимаютъ
свою духовную скудость за высшій даръ и свои плоскія фанта-

зи за новое «откровеніе»: они считаютъ насъ отсталыми, «мракобѣсами», рабами предразсудковъ и суевѣрій; они объявляютъ насъ своими врагами и вредителями народной жизни и предлагаютъ намъ — или «передумать» и согласиться съ ними, или же готовиться къ мукамъ и смерти. Вотъ что приблизительно они говорятъ намъ: «Мы, безбожники, не видимъ никакого Бога и не желаемъ ничего знать о Немъ. И это превосходно. Это начало новой свободы. И если это есть слѣпота, то пусть всѣ ослѣпнутъ подобно намъ. Только тогда всѣ станутъ свободны и начнется новая жизнь. Для насъ нѣтъ Бога, и вы, всѣ остальные, не смѣете вѣровать въ Него. Учитесь у насъ, ибо мы призваны учить и вести. А если вы не согласны, то мы постепенно уничтожимъ васъ, такъ чтобы на землѣ совсѣмъ не осталось вѣрующихъ»...

Мы знаемъ хорошо, что бываетъ, когда слѣпой ведетъ слѣпого: оба падаютъ въ яму. Но чтобы слѣпые люди брались вести зрячихъ, это неслыханно. Отвѣчать на это жалостью или состраданіемъ невозможно. Тутъ рѣшающимъ становится чувство отвѣтственности и негодованіе. Надо выступить на защиту праваго дѣла и возстановить естественный порядокъ вещей. Конечно, нельзя «запретить» безбожнымъ ихъ безбожіе; запретомъ тутъ не поможешь и ихъ самихъ не обезвредишь. Свобода вѣры обозначаетъ и свободу невѣрія. Нельзя принуждать человека ни къ безвѣрію, ни къ вѣрѣ. Обратиться къ Богу и увѣровать можно только свободно. Но мы должны принять ихъ вызовъ и дать имъ достойный отвѣтъ. Мы должны спокойно, предметно и убѣдительно доказать, что мы не нуждаемся въ ихъ «просвѣщеніи»; что мы уже видимъ духовный свѣтъ; что этотъ свѣтъ уже освободилъ насъ; что вѣра наша по существу своему предметна, свободна по своему акту и освобождаетъ насъ своею силою и своимъ содержаніемъ; и что н и к а к о г о о с в о б о ж д е н і я о т ъ э т о й с в о б о д ы н а м ъ н е н у ж н о. Мы должны доказать, что ихъ новое, мнимое «откровеніе» есть въ дѣйствительности слѣпота, самообманъ и мракъ; что оно не даетъ имъ никакого права на власть и ведетъ къ гибели.

Мы, вѣрующіе въ Бога, совсѣмъ не слѣпы. Мы видимъ все то, что видятъ безбожники, но мы это совсѣмъ иначе толкуемъ и оцѣниваемъ. Однако, сверхъ того, что они видятъ, мы видимъ еще и н о е, несравненно болѣе важное, драгоценное, глубокое и священное, чего они не видятъ. За это насъ нельзя объявлять ни «фантазерами», ни «лицемѣрами».

Лучше было бы совсѣмъ не говорить о лицемѣріи: ибо лицемѣры найдутся во всѣхъ направленіяхъ и теченіяхъ и самое существованіе этихъ притворщиковъ не говоритъ ничего противъ Истины и противъ Предмета. Надо считаться только съ и с к р е н н ы м и л ю д ь м и и с ѣ ч е с т н ы м и с о з е р ц а т е л я м и.

Но мы не признаемъ себя и фантазерами. Фантазеръ смотритъ въ пустоту, сочиняетъ небывлицы о несуществующемъ и самъ вѣрить вымысламъ своего воображенія. Напротивъ, мы

имѣемъ живое отношеніе къ подлинно сущимъ реальностямъ; намъ не надо ихъ выдумывать и намъ нѣтъ никакой нужды заселять пустоты собственными вымыслами. То, что мы видимъ, никакъ нельзя отнести къ галлюцинаціямъ. Галлюцинація есть обманъ чувственного видѣнія, а наши чувственные ощущенія остаются трезвыми, естественными и здоровыми и не переживаютъ ни экстаза, ни обмана. Тотъ, кто галлюцинируетъ, помѣшался; онъ видитъ чувственные сны наяву, онъ носится съ призраками и принимаетъ ихъ за матеріальную дѣйствительность. А мы свободны ото всего этого. Мы не безумцы и не сумасшедшіе; мы переживаемъ земное такъ же, какъ и всѣ здоровые люди, не искажая его ни иллюзіями, ни снами. Среди религіозно вѣрующихъ людей было немало гениальныхъ ученыхъ и изобрѣтателей, напр. Коперникъ, Бэконъ, Веруламскій, Галилей, Кеплеръ, Лейбницъ, Бойль, Либигъ, Рудольфъ Майеръ, Шлейденъ, Дюбуа-Реймонъ, Фехнеръ и многіе другіе. Развѣ не они создали нашу положительную науку? Когда и гдѣ носились они съ безпредметными фантазіями или предавались галлюцинаціямъ? Это были трезвые наблюдатели, зоркіе изслѣдователи, отвѣтственные мыслители, великіе мастера Предметности. И они вѣровали въ Бога; и открыто выговаривали свою вѣру. Въ силу какихъ основаній они признавали Бога? Почему? Потому, что ихъ созерцающій опытъ открывалъ имъ не только чувственно-земной и матеріальный міръ, но и великіе объемы духа и его реальностей.

Истинная вѣра возникаетъ не изъ субъективныхъ настроеній и не изъ произвольныхъ построеній. Она зарождается въ полноцѣнномъ опытѣ и бываетъ всегда укоренена въ предметномъ созерцаніи духа. Этотъ духовный опытъ имѣетъ дѣло съ реальностями не чувственного (совѣсть) или не только чувственного (художество) или прямо сверхъчувственного (религія) характера. Этотъ опытъ не «мечта» и не «помѣшательство». Онъ требуетъ духовнаго трезвѣнія и поддается духовной провѣркѣ. Онъ имѣетъ свою подготовку, свое очищеніе и особыя упражненія; онъ осуществляется въ предметномъ воспріятіи и добивается полной и окончательной очевидности. И тотъ, кто заранѣе все это отрицаетъ и не желаетъ этого знать,—тотъ не имѣетъ ни права, ни основанія критиковать вѣру и отрицать религію.

Что могъ бы сказать слѣпорожденный о краскахъ дивной картины или прелестнаго цвѣтка? Ничего... И вдругъ кто-нибудь сдѣлалъ бы отсюда заключеніе, что этой картины совсѣмъ не существуетъ, или что этотъ цвѣтокъ есть наша галлюцинація... Кто повѣритъ глухонѣмому, если онъ объявитъ, что никакой музыки нѣтъ, что все это «выдумки лицемеровъ»?... Человѣкъ, лишенный духовнаго ока и слуха, не имѣетъ никакого основанія и никакого права говорить о духовныхъ предметахъ. Человѣкъ съ заглушимъ сердцемъ или мерт-

вымъ чувствовалищемъ, не знаетъ ничего о любви; какъ же онъ можетъ воспринять Божію любовь? Смѣетъ ли онъ отрицать ее и кощунственно смѣяться надъ ней? Человѣкъ, не живущій нравственнымъ измѣреніемъ дѣлъ и ничего не знающій о силѣ и блаженствѣ совѣстнаго акта, не будетъ имѣть ни малѣйшаго представленія о добрѣ и злѣ, о грѣхѣ и милосердіи, о благодати Божіей и объ искупленіи... Какъ объяснить ему, что такое молитва? Какъ повѣрить онъ, что молитва бываетъ принята и услышана? Какъ онъ можетъ удостовѣриться въ томъ, что истинная вѣра возникаетъ совсѣмъ не изъ страха и что ей дано преодолѣть всякій страхъ? Какъ объяснить ему, не знающему ни духа, ни свободы, что вѣра въ Бога освобождаетъ душу и что проповѣдуемое имъ безбожіе несетъ людямъ худшее въ исторіи рабство — порабощеніе страстямъ, матеріи и безбожнымъ тиранамъ?...

Да, истинная вѣра имѣетъ дѣло съ великими и предивными реальностями, пробуждающими лучшія творческія силы человѣка. Общаясь съ этими реальностями, вѣрующіе люди освобождаются отъ лишкомъ-человѣческихъ страховъ; и не уступаютъ имъ даже тогда, когда начинается борьба за священные начала жизни и когда надо рѣшиться на исповѣдничество и мученичество. Тогда страхъ преодолевается силою духа и человѣкъ уходитъ изъ жизни побѣдителемъ. И современные безбожники съ ихъ гоненіемъ на религію могли убѣдиться въ этомъ множество разъ.

Эти великія и пресвѣтлыя реальности совсѣмъ не обрѣтаются въ какой то недостигаемой и страшной темнотѣ, какъ это рисуютъ себѣ безбожники. Богъ живетъ не только «по ту сторону» нашего чувственного міра, Онъ присутствуетъ и здѣсь, «по сю сторону», Онъ даетъ людямъ Свой свѣтъ и изливаетъ Свою силу, Онъ даруетъ имъ Себя въ откровеніи; и мы способны и призваны воспринимать Его живоносное дыханіе и Его волю повсюду и во всемъ. Всюду, гдѣ природа или человѣческая культура обнаруживаютъ нѣчто прекрасное, истинное или совершенное — всюду есть вѣяніе Духа Божія: и въ таинственной чудесности кристалла, и въ органическомъ расцвѣтѣ природы, и въ любви, и въ героическомъ дѣяніи, и въ художественномъ искусствѣ, и въ научномъ глубокомысліи, и въ совѣстномъ актѣ, и въ живой справедливости, и въ правовой свободѣ, и во вдохновенной государственности, и въ созидающемъ трудѣ, и въ простой человѣческой добротѣ, струящейся изъ человѣческаго ока... И тамъ, гдѣ мы сходимся во имя Его и молимся Ему, — тамъ Онъ среди насъ...

А когда безбожники ставятъ намъ вопросъ, почему же мы не видимъ Его тѣлеснымъ глазомъ, мы отвѣчаемъ: именно потому, что мы не галлюцинируемъ; мы воспринимаемъ Его не тѣлесно, не чувственно, а духомъ, духовнымъ опытомъ и духовнымъ окомъ; и напрасно думать, наивно и скудно вообразать, будто реально только то, что доступно нашимъ «пяти чувствамъ».

Подобно тому, какъ міръ не возникъ бы безъ Бога, такъ вся человѣческая культура сокрушилась бы, если бы Духъ Божій покинулъ ее. Не было бы жизни безъ солнца. Не бывать человѣческому духу безъ Бога. Человѣкъ, отвергнутый и покинутый Богомъ, утрачиваетъ свою творческую силу: онъ становится безсердечною, безвдохновенною, жестокою тварью, безъ сильною въ созерцаніи и созиданіи новыхъ, совершенныхъ формъ, но тѣмъ болѣе способною ко взаимному мучительству и всеобщему разрушенію; и жизнь его заполняется страхомъ, каторжнымъ трудомъ и взаимнымъ предательствомъ. Исторія дала тому достаточно свидѣтельствъ; неужели же нужны новыя подтвержденія и дальнѣйшія страданія? . . . Кто проповѣдуетъ безбожіе, тотъ готовитъ людямъ величайшія бѣдствія: разнузданіе, униженіе, рабство и муку . . .

Наше поколѣніе призвано къ тому, чтобы показать людямъ ожидающую ихъ грозную судьбу, чтобы удостовѣрить ихъ въ томъ, что путь безъ Бога ведетъ къ гибели . . . Но какъ показать это духовнымъ слѣпцамъ, которые не могутъ и не хотятъ видѣть? . . .

ГОРНОЕ ОЗЕРО.

Въ сторонѣ отъ общихъ исхоженныхъ дорогъ, тамъ, высоко, у подножія крутой стѣны, покоится горное озеро, погруженное въ свои видѣнія. Оно смотритъ чистымъ окомъ вверхъ, въ міровое пространство, и принимаетъ въ себя все, что посылаетъ ему небо, послушно и ясно отражая въ себѣ его дары... — земное зеркало высокихъ событій...

Не легко къ нему добратъся. Дологъ подъемъ, терпѣливо надо идти, шагъ за шагомъ, все вверхъ и вверхъ, въ твердой надеждѣ увидѣть необычайное. Все труднѣе становится восхождение, все строже и скуднѣе — природа, все прохладнѣе — бодрая воздухъ. Вокругъ застывшій хаосъ. Глубокимъ мхомъ обросли скалы. Чуть слышно шепчутъ рѣдкія сосны. Первобытная, священная тишина. И только два голубыхъ мотылька, беззаботно празднующъ свое счастье, носятся другъ за другомъ черезъ свѣтлыя пространства...

И вдругъ путникъ чувствуетъ его присутствіе... Его не видно еще, но душу охватываетъ увѣренность, что путь законченъ и что оно сейчасъ покажется... Это завершенное, благоговѣнное безмолвіе — вѣрный знакъ его близости; это легкое, чуть влажное, зовущее вѣяніе — можетъ исходить только отъ него; чувствуется вблизи нѣкое живое средоточіе, вокругъ котораго и для котораго существуетъ вся окрестность... И вотъ оно, наконецъ, во всемъ его тихомъ великолѣпіи...

Просты и строги его берега: ему не нужно окруженія, оно не ищетъ украшеній. Оно лежитъ открыто, чтобы видѣть все и на все отвѣчать. Неподвижна его прозрачная вода; законченною гладью смотритъ его поверхность. Нѣжно сіяетъ его глубина, въ неуловимыхъ, безчисленныхъ то голубыхъ, то зеленыхъ оттѣнкахъ; и все оно прозрачно до самаго дна. Тамъ внизу видны упавшія когда то скалы, — такъ глубоко, что глазъ не вѣрять разстоянію; видны столѣтніе стволы деревьевъ, утонувшіе дары горъ, — цѣлый міръ благостно принятыхъ и сохраненныхъ богатствъ, міръ блаженного бытія. Все покоится тамъ, какъ въ ясномъ снѣ, — навѣки сбереженное, нетлѣнное воспоминаніе; — какъ помыслы первозданнаго глубокомыслія; — какъ безмолвныя молитвы отшельника. И мало по малу душа постигаетъ, почему эта дивная тишина вокругъ, и почему не слышно горныхъ голосовъ, почему не щебечутъ даже птицы, и почему повоприбывшіе путники начинаютъ говорить между собой шо-

потомъ. Природа умѣетъ беречь свои тайны и хранить священное молчаніе. И требуетъ того же отъ людей. И тамъ гдѣ покоится Божественное, тамъ слышенъ бываетъ молчаливый ходъ вѣковъ.

Благоговѣнно обходитъ путникъ все озеро и вдругъ оставливается въ изумленіи. Все, что было видно въ его глубинѣ, исчезло. Въ немъ появилось новое и величавое, образъ захватывающей красоты, цѣлый горный хребетъ, съ утесами и ущельями, со снѣгомъ и льдомъ, съ разбѣянными ключьями облаковъ, все въ лучахъ солнца, все свѣтящееся, чудно опрокинутое, какъ бы свисающее въ водную гладь... Не призракъ ли?... Но этотъ призракъ не исчезаетъ, онъ длится, онъ пребываетъ и излучаетъ свѣтъ и радость... Можетъ быть это просто игра лучей и воды? Можетъ быть... Но отъ этой игры сердце трепещетъ радостью: оно вѣритъ и не вѣритъ своему ясновидѣнію; оно слышитъ гимнъ Богу; оно чувствуетъ разумность и красоту вселенной и трепетно ждетъ дальнѣйшихъ видѣній свѣта и глубины...

Потрясенный и счастливый, стоитъ путникъ у берега, и видитъ и не вѣритъ, и все хочетъ еще удостовѣриться и навсегда запомнить увидѣнное. Пока сердце, переполненное счастьемъ и благодарностью, не потребуетъ отдыха, и уставшіе глаза не залиются влагой. Тогда онъ садится отдыхать на первый попавшійся камень.

А когда уходитъ дневной свѣтъ и разливаются тихія сумерки, когда появляются первыя звѣзды и полумѣсяцъ показывается изъ-за крутой стѣны, — какая радость искать и находить всѣ эти образы въ потемнѣвшей глубинѣ озера!... Теперь эта глубина уже не прозрачна; она замкнулась въ себѣ; таинственно и сумрачно молчитъ ея почернѣвшая вода и въ этой черной глади колдуетъ лунный свѣтъ... И путникъ не помнитъ, какъ онъ добирался до ночлега и гдѣ онъ спитъ до самого утра... А тамъ — все уже проснулось и радуется Божьей зарѣ...

Какъ изумительны эти первыя, поддонныя богатства прозрачнаго озера, его собственные вѣчные помыслы... Какъ просто и достойно, съ какою ясностью и искренностью показываетъ оно глубину своего существа, посвящая всякаго человѣка въ свои тайны. О, чистота сердца! О, прозрачная, щедрая мудрость!

Но какъ великолѣпны, какъ ослѣпительны его отраженныя видѣнія... Какъ вѣрно воспринимаетъ его гладь эти дары, какъ охотно и радостно отдаетъ ихъ всякому оку... Оно радуется всему, исходящему отъ Отца Свѣта, — и голубому небу, и чуть виднымъ звѣздамъ, и замечавшемуся вечернему облачку, и вознесшейся голой стѣнѣ, и каждому дереву, и каждой скалѣ, которымъ дано счастье поглядѣться въ него. И передаетъ эту радость каждому новому гостю, каждому усталому страннику, который подойдетъ и благоговѣнно посмотритъ въ его глубину: никто не уйдетъ безъ отвѣта, всѣ унесутъ съ собою утѣшеніе, свѣтъ и жизненную радость... О, смиреніе духа! О, созерцательность покоя! О, радость служенія!

Такъ покоится оно въ своемъ простомъ и строгомъ окруженіи, это око міра, воспринимающее и хранящее Божіи дары, подобно тому праведнику, который ищетъ однихъ небесныхъ видѣній и свято блюдетъ, ради нихъ, чистоту и прозрачность своего сердца. Два міра встрѣчаются въ немъ, — внутренній міръ сокровенныхъ помысловъ и внѣшній міръ отъ Бога идущихъ видѣній, — и оба срастаются въ единое, свѣтлое и щедрое богатство мудрости.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Современное человечество переживает великую смуту. Колеблются все основы жизни. Замутились все истоки духа. Идет великий распад и грозят все новыя и новыя бѣды. Въ этихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ нашего времени, въ заливающихъ насъ искушеніяхъ, среди обставшихъ насъ страховъ—мы снова учимся молиться. Ибо мы утратили этотъ высокій даръ, и разучились этому дивному искусству. А безъ молитвы человѣкъ оказывается отпавшимъ отъ Бога и оторваннымъ отъ источника истинной жизни: онъ выданъ началу зла и не имѣетъ силы противъ востать ему.

Каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ и чѣмъ бы онъ въ жизни ни занимался, — мужчина или женщина, старикъ или молодой, образованный или необразованный, — долженъ обладать умѣніемъ собирать свои душевныя силы и сосредоточивать свое вниманіе. Въ этомъ первая задача всякаго воспитанія, начиная съ народной школы и кончая академическимъ преподаваніемъ. Жизнь, несется и проносится въ насъ, какъ потокъ всевозможныхъ ощущеній, желаній и страстей; или какъ множество всяческихъ заботъ и занятій; или же какъ туча пыли, состоящая изъ разрозненныхъ и ничтожныхъ содержаній. Въ этомъ потокѣ, въ этой мглѣ мы теряемъ себя и смыслъ нашей жизни. Насъ одолѣваютъ, нами овладѣваютъ единичные пустяки, лишеныя всякаго высшаго смысла. Пыль жизни засоряетъ намъ глаза и лишаетъ насъ вѣрнаго видѣнія. Насъ засасываетъ болото страстей и особенно тщеславія и жадности. Намъ надо непременно освободиться отъ всего этого, хотя бы только отъ времени до времени. Нельзя гибнуть въ этомъ болотѣ. Нельзя отдаваться этому потоку. Надо имѣть минуты и часы для свободнаго дыханія и созерцанія, когда заботы умолкаютъ, повседневныя жизненныя содержанія забываются и мы освобождаемъ себя отъ всего мелкаго, слишкомъ человѣческаго и пошлаго. Наши душевныя силы, — помыслы, желанія, чувствованіе и воображеніе, — освобожденные отъ обыденнаго и ничтожнаго, ищутъ иного, лучшаго, обращаются внутрь и сосредоточиваются на томъ, что составляетъ самую сущность нашей личности; что есть главное въ жизни человѣка; на томъ, что священно и свѣтоносно, что опредѣляетъ самый смыслъ нашего бытія. И это есть первый шагъ къ молитвѣ.

Если мнѣ удалось освободиться отъ повседневности и изъ хаоса жизненныхъ содержаній, то мое сердце и моя воля оказываются свободными для лучшаго и высшаго. Въ чемъ же это «лучшее»? Какъ найти это «высшее»? Какъ узнать его? И почему я задаю эти вопросы, такъ, какъ если бы я ничего не зналъ о немъ? Неужели я прожилъ на свѣтѣ столько лѣтъ и никогда не сгавилъ себѣ этого вопроса? Или ставилъ, но не умѣлъ разрѣшить его? Но чѣмъ же я жилъ доселѣ, если не знаю этого священнаго и свѣтоноснаго и не умѣю вызвать его въ себѣ? Чѣмъ же заполнена моя повседневная жизнь? Чѣмъ освѣщена она, если не этимъ свѣтомъ? Чѣмъ освящена она, если не этой святынею? Чѣмъ она осмыслена, если этотъ смыслъ не дается мнѣ даже въ минуты свободы и сосредоточенности?... И вотъ отъ всѣхъ этихъ вопросовъ душа моя приходитъ въ смятеніе и растерянность; она видитъ пустоту своей жизни и ничтожество своихъ содержаній, и отвѣчаетъ на это цѣлостнымъ порывомъ къ лучшему, къ священному, свѣтоносному, жизнеосмысливающему; и въ этомъ порывѣ постигается, что это можетъ быть только нѣчто совершенное, подлинно совершенное и притомъ не «фантазія» и не «иллюзія», а подлинно-реальное подлинное совершенство. Такъ рождается во мнѣ живое желаніе Бога и приближенія къ Нему. Ибо Богъ есть подлинно-реальное совершенство, а живой и цѣлостный порывъ къ Нему есть начавшаяся молитва.

Молитва есть сосредоточенный, искренній призывъ, обращенный къ Сущему Совершенству. Обращаясь къ Нему, призывая Его, мы открываемъ Ему нашу душу; и наша открытая душа поднимается къ Нему и вступаетъ съ Нимъ въ живое творческое единеніе. Въ этомъ сущность всякой молитвы — и самой мудрой и самой наивной, и безмолвной и обильно-словесной, и просящей, и благодарственной. И постольку люди всѣхъ религій могли бы молиться совмѣстно,

Но наша, христіанская молитва опредѣляется не этимъ. Ибо мы обращаемся не къ неосязаемому и непостижимому безличному Совершенству, но къ живому, совершенному Богу, къ нашему Небесному Отцу, который нераздѣльно съ Сыномъ Божіимъ и съ Духомъ Святымъ внимаетъ молитвамъ своихъ земныхъ дѣтей. Мы видимъ въ Богѣ прежде всего и больше всего неисчерпаемый источникъ любви, къ которому мы сами приближаемся и которому мы уподобляемся именно черезъ любовь. Слабый лучъ нашей любви находитъ Его любовь, укрѣпляется и утверждается въ ней; и воспринимаетъ излучаемую ею благодать и силу. Такъ даются намъ три величайшихъ утѣшенія: чувство непосредственного общенія съ Богомъ; чувство, что наша молитва можетъ быть услышана Имъ; и чувство, что Онъ насъ знаетъ, любитъ и бережетъ. Христіанину, который находитъ Бога любовью и слышитъ, какъ Богъ отвѣчаетъ ему Любовью на любовь, присуща особенная увѣренность въ томъ, что онъ не можетъ быть покинутъ Богомъ, но что онъ всегда находится въ Его любящей рукѣ и подъ Его

благостнымъ покровомъ. Поэтому христiанинъ молится прежде всего сердцемъ, открытымъ и искреннимъ сердцемъ; и предаетъ себя во власть любящаго Отца. И именно поэтому всѣмъ намъ естественно и необходимо, переживая эпоху нынѣшняго крушенія съ ея искушеніями, опасностями и страхами — искать Его покрова, Его помощи, Его свѣта и силы.

Но при этомъ мы должны соблюдать два основныхъ требованія.

Мы не должны воображать, будто мы можемъ призывать Бога любви и свѣта во всѣхъ нашихъ земныхъ дѣлахъ и затѣяхъ. Ибо наши земныя дѣла бываютъ низки и своекорыстны, часто — злы, коварны и губительны. Нельзя призывать Бога свѣта въ темныхъ и безсовѣстныхъ начинаніяхъ. Нельзя ждать помощи отъ Бога любви въ дѣлахъ хищныхъ и ненавистныхъ. Молитва имѣетъ оправданіе и смыслъ только въ борьбѣ за добро.

Если я дѣйствительно хочу добра, т. е. такого, что оправдано передъ лицомъ Его любви и совершенства, то я смѣло и увѣрено могу просить Его о помощи. И первая помощь, о которой я могу молиться, это умудреніе и озареніе души моей въ дѣлѣ выбора и служенія: чтобы мнѣ было дано — вѣрно отличать добро отъ зла и неошибочно желать лучшаго, совершеннаго; чтобы мнѣ было даровано чистое созерцаніе, вѣрное различеніе, истинное познаніе и окончательное предпочтеніе. Мнѣ необходима увѣренность въ томъ, что я дѣйствительно узналъ Его Дѣло и дѣйствительно служу Ему любовью и волею. И если я въ этомъ увѣренъ, тогда я могу просить о помощи, молиться «съ дерзновеніемъ» (Первое Посланіе Іоанна 5, 14) и спокойно надѣяться: «помоги мнѣ въ служеніи Дѣлу Твоему»... Человѣкъ, слѣдующій голосу своей христiанской совѣсти, молится съ великой увѣренностью: ибо онъ молится в м ѣ с т ѣ с о своей совѣстью, отъ нея и за нее.

Извѣстный римскій сатирикъ временъ язычества, стоикъ Персій Флаккъ, говоритъ, что люди часто просятъ у боговъ о такихъ низостяхъ, о такихъ жалкихъ и грязныхъ дѣлахъ, что они даже лучшему другу своему рѣшились бы сообщить свою просьбу только на ушко, потихоньку. Такая молитва не только кощунственна, ибо ищетъ въ Богѣ сообщника темному дѣлу, но и бессмысленна, ибо съ нею нельзя обращаться къ Богу свѣта и любви. Нельзя произносить такую молитву: «Господи помози мнѣ въ моихъ пошлыхъ и злодѣйскихъ начинаніяхъ, пошли мнѣ удачи въ моихъ преступленіяхъ и увѣнчай мои грѣхи успѣхомъ и счастьемъ»... И тотъ, кто ее произноситъ, молится не Богу, а господину своему — діаволу.

Таково первое требованіе настоящей молитвы. Но есть и второе.

Никакая молитва не исключаетъ м о и х ъ с о б с т в е н н ы х ъ у с и л і й и не дѣлаетъ ихъ излишними: моя любовь, мое желаніе, мой трудъ, моя борьба должны служить тому дѣлу, о которомъ я молюсь. Если это дѣло дѣйствительно хоро-

шее и вѣрное передъ лицомъ Божиимъ, то я долженъ вкладывать въ него свои силы, служить ему, бороться за него, идти противъ угрозъ и на всякую опасность. Тогда я молюсь самымъ служеніемъ моимъ; тогда со мною молятся моя любовь, моя воля, мое мужество, и мое вѣрное стояніе; тогда я увѣренъ, что служу всѣми силами Божьему дѣлу и что моя молитва будетъ услышана. Господь откроетъ мое духовное око, чтобы я могъ видѣть ясно и вѣрно; очистить мое сердце, чтобы я искренно любилъ совершенное; укрѣпить мою волю, чтобы я не изнемогъ на пути и не палъ духомъ; и направить мои шаги, чтобы я не попалъ на ложные пути и не заблудился. И если бы мои силы оказалось недостаточно, если бы всѣхъ нашихъ, человѣческихъ силъ не хватило бы, тогда, по молитвѣ нашей, небесная сила сдѣлала бы достижимымъ недостижимое мое.

Если же я молюсь о себѣ самомъ, о моей жизни и моемъ благѣ, то я долженъ имѣть увѣренность, что иду по вѣрнымъ путямъ жизни. Молитва, восходящая изъ чистой совѣсти, бываетъ чудодѣйственна. Съ великимъ дерзновеніемъ вызываетъ къ Богу человѣкъ, который въ борьбѣ за Божье дѣло не щадитъ себя самого. Тотъ, кто пренебрегаетъ своими личными дѣлами ради Божьяго Дѣла, тотъ чувствуетъ себя любимымъ и огражденнымъ; и молится Богу такъ, какъ возлюбленное дитя обращается къ любящему отцу. «Господи, не оставь безъ помощи дитя Свое. Научи и огради Своего вѣрнаго сына»...

Такъ слагается, такъ возникаетъ настоящая молитва къ Богу. Такая молитва есть цѣлое духовное искусство и это искусство мы должны возстановить въ себѣ передъ лицомъ настигшей насъ великой смуты. И всѣ бѣды и страхи нашего времени, все духовное землетресеніе переживаемое нами въ революціяхъ и войнахъ нашихъ дней — все это есть великое чистилище души, училище вѣры и молитвы.

О МОЛИТВѢ.

Человѣческій духъ не знаетъ болѣе дѣйствительнаго, болѣе чистаго утѣшенія, чѣмъ молитва. Она несетъ человѣку сразу очищеніе и укрѣпленіе, успокоеніе и радость, благословеніе и цѣленіе. И тотъ, кто этого не испыталъ, пусть лучше не судить о молитвѣ: ему самому предстоитъ еще добиться этого утѣшенія въ борьбѣ и страданіи. Тогда онъ почувствуетъ, что пріобщился новому источнику жизни и что въ немъ самомъ началось новое бытіе, о которомъ онъ прежде не имѣлъ даже предположенія.

Современный человѣкъ живетъ на землѣ въ вѣчныхъ заботахъ и опасеніяхъ, переходя отъ разочарованія къ болѣзни и отъ личнаго горя къ національнымъ бѣдствіямъ. И не знаетъ, что начать и какъ преодолѣть все это; и подчасъ съ ужасомъ думаетъ о томъ, что этотъ мутный потокъ будетъ нести и заливать его вплоть до самой смерти. Однако многое зависитъ отъ него самого: это онъ самъ увеличиваетъ себѣ бремя жизни и не умѣетъ понять истинный смыслъ несомимаго бремени. Ибо путь ему указанъ: ему стоить только почувствовать свою духовную свободу и открыть свое внутреннее око. Это и совершается въ молитвѣ.

Намъ всѣмъ хотѣлось бы, чтобы наша нескладная, угнетающая и часто унижительная жизнь началась по новому и сложилась иначе, чтобы она цвѣла взаимнымъ довѣріемъ, искреннимъ благожелательствомъ и вдохновеніемъ. Но какъ достигнуть этого, мы не знаемъ. Близоруко разсуждая, мы говоримъ о «счастьи», счастье незамѣтно вырождается у насъ въ «удовольствіе» и «наслажденіе»; а въ погонѣ за наслажденіями и удовольствіями, мы забредаемъ въ болото и не знаемъ, что начать. Но путь, ведущій къ жизненному обновленію, извѣстенъ и не такъ труденъ: мы должны почувствовать сердцемъ священное въ жизни, сосредоточиться на немъ нашимъ созерцаніемъ и защитить имъ, какъ драгоценнымъ и самымъ главнымъ. А это и есть путь молитвы.

Намъ нельзя тонуть въ несущественностяхъ быта. Тотъ, кто живетъ ими, тотъ привыкаетъ къ пошлому существованію и самъ превращается, по слову юнаго Гоголя, въ «существователя». И вотъ, намъ необходимо научиться вѣрно различать духовный рангъ жизнен-

н ы х ъ с о д е р ж а н і й и приучиться сосредоточивать свое внутреннее вниманіе на б о ж е с т в е н н о й с у щ н о с т и вещей, явленій и событій. Ибо жизненные содержанія не равны, не равноцѣнны, не равно-значительны. Среди нихъ есть ничтожныя и есть священные; есть такія, которыя возводятъ душу и сообщаютъ ей особую глубину и крѣпость, и есть такія, которыя незамѣтно разлагаютъ и обезсиливаютъ ее, дѣлаютъ ее мелкою, страстною и слѣпою. Есть такія, которыми стоить жить и есть такія, которыми не стоитъ жить. Надо научиться распознавать ихъ, выбирать существенно-священные и жить ими. Тогда и самъ человѣкъ станетъ «существеннымъ», онъ пойметъ смыслъ и цѣль жизни и войдетъ въ живую связь со священной сущностью зримаго міра. И путь къ этому умѣнію указываетъ и прокладываетъ молитва.

И пусть не думаютъ люди, что вступить на этотъ путь — зависитъ не отъ нихъ; что бываютъ чрезмѣрно тяжелыя времена, которыя затрудняютъ молитвенное обновленіе жизни; и что земная человѣческая власть можетъ лишить человѣка внутренней свободы и поработить его несущественностямъ быта. Ибо на самомъ дѣлѣ тягчайшія времена посылаются людямъ именно для того, чтобы они опомнились и обновились; и нѣтъ на свѣтѣ земной власти, которая могла бы погасить нашу внутреннюю свободу, — и прежде всего с в о б о д у м о л и т в ы, — и которая могла бы помѣшать нашему очищенію отъ пошлости.

Поэтому надо признать, что жизнь сама по себѣ есть какъ бы ш к о л а м о л и т в ы или в о с п и т а н і е къ м о л и т в ѣ. И даже тотъ, кто совсѣмъ никогда не молился, можетъ быть приведенъ къ молитвѣ самою жизнью. Ибо для каждаго невѣрующаго можетъ настать время величайшей бѣды, когда его захваченное врасплохъ и потрясенное сердце вдругъ начнетъ молиться изъ своей послѣдней глубины, — въ такой скорбной безпомощности, такими вздохами отчаянія, такими вдохновенными призывами, о коихъ онъ дотолѣ и не помышлялъ. Тогда онъ почувствуетъ какъ бы землетрясеніе во всемъ своемъ естествѣ, и невѣдомое пламя охватитъ его душу. Можетъ быть даже такъ, что человѣкъ при этомъ самъ не будетъ знать, къ К о м у онъ взываетъ, и уже совсѣмъ не будетъ представлять себѣ, откуда и какое можетъ придти спасеніе. Онъ взываетъ къ Кому то, Кто в с е можетъ, даже и невозможное; онъ молить этого Неизвѣстнаго о помощи, которая уже не въ человѣческихъ силахъ, — молить въ твердой увѣренности, что е с т ь на свѣтѣ истинная Благость и она внемлетъ ему. И къ этой невѣдомой, но всемогущей Благости онъ и обращается съ молитвой, которая, какъ водный потокъ, внезапно прорываетъ всѣ прежнія плотины... Онъ говоритъ съ этимъ Существомъ такъ, какъ если бы онъ видѣлъ Его передъ собою, какъ если бы онъ зналъ Его отъ вѣка...

И потомъ, когда проходитъ этотъ порывъ, у него остается такое чувство, что онъ в с е г д а вѣровалъ въ этого Всеблагого-Всемогущаго, всегда предполагалъ Его присутствіе — каждаго дыханіемъ своимъ, и вотъ, только теперь впервые нашель

Его. То, чего ему доселѣ не доставало, былъ душевный подъемъ къ молитвенному вдохновенію. Ему нужно было мужество сердца, чтобы противостоять всѣмъ своимъ и чужимъ предразсудкамъ; нужна была цѣльность души, возникшая нынѣ изъ инстинктивнаго отчаянія; ему нужна была мудрость сердца, которая восторжествовала бы надъ глупостью ума; — вдохновеніе, не пощажавшее душу въ пыли и грязи. Можетъ быть онъ уже и самъ замѣчалъ это, ибо чувствовалъ себя расколотымъ и нецѣльнымъ. Можетъ быть онъ даже мучился этимъ, но не умѣлъ или не хотѣлъ преодолѣть въ себѣ внутреннюю раздвоенность, и потому «запрещалъ» себѣ молитву по соображеніямъ «внутренней честности»... Въ этомъ обнаруживается вообще вліяніе нашей эпохи, «вѣрующей» въ умъ, въ анализъ, и культивирующей всяческое разложеніе... И только великія бѣдствія нашего времени даютъ людямъ способность преодолѣть эти внутреннія препятствія: они потрясаютъ все наше существо до корня, смываютъ предразсудки, обнажаютъ наше трепещущее чувствилище и превращаютъ жизнь въ дѣйствительную школу молитвы.

Дѣло въ томъ, что настоящая молитва требуетъ всего человѣка и захватываетъ его пѣликомъ. Она можетъ излиться и въ связанныхъ словахъ, но она можетъ и не найти ихъ, и молящійся будетъ вмѣстѣ съ Андреемъ Юродивымъ лишь восклицать въ слезахъ: «Господи! Господи!! Господи!!!...» И это единое, сердцемъ насыщенное слово будетъ вѣсить болѣе, чѣмъ множество душевно-полупустыхъ словъ. Молитва можетъ найти себѣ выраженіе и въ благочестивыхъ движеніяхъ и обрядахъ; но бываютъ и такія молитвы, при которыхъ внѣшнія движенія и свершенія отпадаютъ совсѣмъ. Тяжело раненый не можетъ даже перекреститься. Неподвижно лежащій въ окопѣ не смѣетъ даже пошевелиться. А люди, живущіе въ эпоху гоненія на вѣру, во время церковнаго террора, вырабатываютъ въ себѣ умѣніе молиться внутренней молитвой сердца, которая горитъ внутреннимъ огнемъ при совершенно неподвижномъ, ничего не выражающемъ лицѣ.

Это пламя внутренней молитвы и есть важнѣйшее и драгоцѣннѣйшее въ религіи. Оно требуетъ всю душу человѣка. Здѣсь всѣ цвѣта сливаются въ бѣлый цвѣтъ; всѣ способности души — въ единую силу. Феофанъ Затворникъ описываетъ это состояніе такъ: «собранный долженъ горѣть». Здѣсь мысль не думаетъ, не анализируетъ, не размышляетъ, не сомнѣвается, но отдаетъ свою пристальность, свою интенсивность въ общій и единый огонь. Здѣсь нѣтъ отдѣльныхъ волевыхъ рѣшеній, но вся стремящаяся сила воли направлена цѣликомъ къ единому Предмету. Сердце съ его глубокимъ и нѣжнымъ чувствилищемъ становится главнымъ горномъ души; именно въ немъ сосредоточивается и сила созерцанія, исходя изъ него и возвращаясь въ него.

Вотъ почему молитва есть нѣкій сердечный жаръ, который все вовлекаетъ въ себя, расплавляетъ и дѣлаетъ теку-

чимъ. Она есть нѣкій духовный свѣтъ, собирающій лучи, подобно увеличительному стеклу, въ единый центръ: въ этомъ центрѣ начинается горѣніе. Неопытному человеку нерѣдко кажется, что это горѣніе есть его личное, субъективное состояніе, которымъ все и ограничивается. Но на самомъ дѣлѣ это горѣніе вводитъ личную душу въ сверхличное Пламя, отзывающееся на личный призывъ и включающее въ Себя лично - возгорѣвшееся сердце. Человѣчскій огонь можетъ и долженъ пріобщаться въ молитвѣ Божьему Пламени — и въ этомъ состоитъ таинственный смыслъ и благодатная сила молитвы. Сердце человека воспламеняется божественнымъ Огнемъ и уподобляется «неопалимой купинѣ». Личный огонь растворяется въ Божіемъ и человекъ теряетъ себя въ Его Огнилищѣ. Въ настоящей молитвѣ человекъ забываетъ и теряетъ себя: онъ уже не помнитъ, что онъ «есть», не ощущаетъ своего земного естества; онъ видитъ и чувствуетъ себя какъ бы въ нѣкоемъ огненномъ столпѣ, восходящемъ вверхъ и слышитъ, какъ изъ души его восходятъ «неизреченныя въздыханія» «самого Духа» (Римл. 8. 26) ... И въ этомъ свѣтѣ и огнѣ онъ остается дотолѣ, доколѣ выносятъ его сердце и дыханіе.

Возвращаясь къ себѣ послѣ такой молитвы, человекъ чувствуетъ себя такъ, какъ если бы онъ удостоился посѣтить свою исконную и священную родину; или еще, — какъ если бы обновилось самое естество (субстанція) его духовной личности; какъ если бы его омылъ благодатный потокъ чистоты вѣдѣнія и вѣдѣнія, утѣшенія и покоя. Онъ удостоился въ томъ, что истинная благодать и истинная Сила суть едино; онъ чувствуетъ себя пріобщившимся этой благодатной силѣ; онъ наполнился изъ источника жизни и любви.

Послѣ такой молитвы, — даже если она продолжалась всего единую минуту, — у человека остается въ сердцѣ нѣкій неугасающій, сіяющій уголь, который разливаетъ свое сіяніе черезъ всѣ внутреннія пространства личной души и всегда готовъ снова вспыхнуть лично - сверхличнымъ пламенемъ. Это можно было бы и такъ описать: отъ настоящей молитвы остается въ душѣ тихое тайное, безсловесное молитвованіе, подобное немеркнущему, спокойному, но властному свѣту. Оно непрестанно излучается изъ глубины сердца, какъ бы желая освѣтить и освятить всѣ жизненные содержанія души. Это какъ бы тихое дуновеніе Божіе, идущее изъ потусторонняго міра. Это есть какъ бы незакрывающаяся дверь въ алтарь, къ священному мѣсту Божьяго присутствія. И отсюда у человека возникаетъ это дивное чувство, будто Потустороннее стало посястороннимъ для его сердца и совѣсти.

А между тѣмъ жизнь совершаетъ свой неудержимый ходъ; и человеку иногда кажется, что не произошло ничего особеннаго, только, что въ немъ живетъ это сіяніе безмолвной, тихотрепетной молитвы, ни о чемъ не просящей и ничего не домогающейся, и что онъ знаетъ объ этой открытой ему двери соединенія, и знаетъ, что она ведетъ къ ключу цѣлительной воды.

Поэтому онъ можетъ вершить свои жизненные дѣла, бѣсть, пить и спать, напряженно работать и предаваться отдыху, — а внутренний свѣтъ не покидаетъ его: онъ будетъ мѣрою вспыхивать и очищать его душу, свѣтитъ ему во всѣхъ его жизненныхъ дѣлахъ, освѣщая въ нихъ добро и зло, утверждая его въ благѣ и отнимая у него возможность совершать злые, черствые, низкіе и пошлые поступки. Человѣкъ можетъ забывать про этотъ тихо тлѣющій въ немъ уголь безмолвной молитвы; но уголь этотъ будетъ неосвязаемо вершить свое великое дѣло, — жизнеосмысливающее, очистительное, освящающее и исцѣляющее. И стоить только человѣку опять постучаться въ эту дверь и воззвать къ этому свѣту, — и снова разгорится огонь, запоетъ сердце, заструится живая любовь, заговоритъ чистая совѣсть и раскроется передъ нимъ дверь въ потусторонній міръ съ дивной перспективой личнаго безсмертія. И опять онъ почувствуетъ себя у берега земной жизни и услышитъ дыханіе Божіе въ себѣ и въ мірѣ.

Но теперь онъ уже знаетъ, что его начальная молитва, предпогибельная молитва ужаса и отчаянія — была лишь первымъ, беспомощнымъ порывомъ, лишь первымъ шагомъ по новому пути. Теперь онъ молится уже по иному: свободнымъ воспламененіемъ, непрерывнымъ излученіемъ, всецѣлымъ включеніемъ своей жизни. И эти виды молитвы суть в ы с ш і е. Ихъ бываетъ много, столько, сколько человѣку доступно отдѣльныхъ жизненныхъ актовъ. Всѣхъ видовъ молитвы «столько, сколько въ одной душѣ или во всѣхъ душахъ можетъ порождаться разныхъ состояній и настроеній» (Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ). Есть молитвы благодарности, преклоненія, смиренія, покаянія и очищенія. Молитва можетъ внимать дыханію Божію, созерцать мудрость Творца и даровать человѣку очевидность; молитва можетъ сомнѣваться, вопрошать, отчаяваться, скорбѣть и призывать. Коперникъ молитвенно внималъ законамъ природы. Фехнеръ молился вмѣстѣ съ цвѣтами и деревьями. Сегантини преклонялся передъ горами, какъ передъ алтарями Божіими. Ломоносовъ молился вмѣстѣ съ сѣвернымъ сіяніемъ. Державинъ, — созерцаая брѣнность земного и безсмертіе Божественнаго. Пушкинъ, — каждымъ актомъ вдохновенія. Лермонтовъ, — съ ландышами у ручья. Человѣку дана отъ Бога великая молитвенная свобода, свобода превращать каждый актъ своей жизни и своего труда въ творческую молитву; — на подобіе той чудесной молитвы сѣятеля, которую приводитъ Лѣсковъ въ «Соборянахъ»: «Боже устрой, и умножь, и возрасти, на всякую долю человѣка голоднаго и сираго, хотящаго, просящаго, произволяющаго, благословляющаго и неблагодарнаго» . . .

Такъ, есть молитва изнеможенія, произносимая со многими слезами и дающая у к р ѣ п л е н і е: «Господи, не могу больше» . . .

И есть молитва безъ словъ и безъ слезъ, мгновенная, созерцательно-лучевая: единый взглядъ духовнаго ока, направленъ

ный горѣ — «Онъ есть, Онъ бдитъ и я есмь Его орудіе». Это молитва утѣшенія и силы.

И есть молитва сердечнаго тепла, подобная этой: коснуться въ самомъ себѣ Его неугасающаго угля; и только.

А въ путяхъ и страданіяхъ личной жизни всегда будетъ имѣть судьбоносное значеніе молитва служенія и одоленія: «Вотъ я, передъ Тобою, Господи, слуга Твой, ищущій только воли Твоей. Научи меня вѣрно служить Тебѣ всякимъ дыханіемъ и дѣяніемъ моимъ. Пошли мнѣ силы Твоей, мудрости Твоей, вдохновенія Твоего. Не отдай меня на поруганіе врагамъ Твоимъ; изведи меня отъ угрозъ ихъ. И соблюди мою свободу въ жизни и творествѣ, ибо свобода моя — въ совершеніи воли Твоей».

И на этихъ путяхъ жизнь становится школою молитвы, а молитва истиннымъ источникомъ жизни и творческой силы.

О міровой скорби.

Поистинѣ, это одинъ изъ основныхъ законовъ нашего міра, что всѣ существа и всѣ вещи несовершенны и должны восходить къ совершенству въ борьбѣ и страданіи. Значеніе этого закона такъ велико и глубоко въ жизни и творчествѣ людей, что настоящая зрѣлость человѣка начинается лишь съ того момента, когда онъ продумаетъ и прочувствуетъ этотъ законъ во всѣхъ его послѣдствіяхъ и выводахъ. Все, что есть хорошаго, значительнаго, непреходящаго, а особенно гениальнаго и божественнаго въ человѣческой культурѣ, — все могло быть создано человѣкомъ только въ страданіи, все должно было быть заслужено и оправдано имъ. Это и имѣлъ въ виду глубокомысленный чешскій мистикъ Якобъ Бѣме, когда говорилъ, что качество рождается изъ муки . . .*)

Постигнуть этотъ законъ значитъ получить нѣкое благодатное облегченіе въ той духовной безпомощности, которая грозитъ всѣмъ людямъ на землѣ. Ибо это постиженіе какъ бы извлекаетъ насъ изъ мутнаго потока жизни и, поднимая насъ, хотя бы на мигъ, надъ страдающимъ міромъ, показываетъ намъ его извнѣ и сверху. И если человѣкъ дотолѣ жилъ какъ тварь среди твари, то отнынѣ онъ пріобрѣтаетъ способность выйти духомъ изъ ея состава, увидѣть ея муку и поставить вопросъ о смыслѣ ея бытія и ея мученій. Доселѣ онъ только мучился въ мірѣ среди прочей твари; отнынѣ онъ восходитъ на высшую ступень бытія, ибо ему дано страдать о страданіяхъ міра, т. е. испытывать міровую скорбь.

Растеніе и животное страдаютъ въ мірѣ, оставаясь въ его составѣ и составляя его собою; но имъ не дано страдать о мірѣ и за міръ. Человѣку данъ высокій даръ возноситься надъ тварною жизнью міра и болѣть о судьбѣ всей твари, страдать за нее, страдающую. Поэтому человѣкъ призванъ понять и постигнуть, что все живое должно страдать. Человѣкъ долженъ прислушиваться ко вздоху и стону вселенной, включая сюда и человѣческую тварь, внимать ей открытымъ сердцемъ и пріобщаться міровой скорби черезъ безкорыстное состраданіе. Мы должны вчувствоваться въ муку и жалобы стенающей природы и забывать

*) «Die Qualität quillt aus der Qual».

въ этомъ вчувствованіи наше собственное страданіе. Мы должны принять на себя страданіе живыхъ существъ и понести его, какъ общій и единый крестъ міра; и попытаться постигнуть скрытый, но глубокій смыслъ этого мірового креста. Этимъ мы предаемся міровой скорби, т. е. страданію о страданіи міра. И предаваясь этой скорби, нашъ духъ возвышается и вступаетъ въ дивную близость къ Богу...

Пока человѣкъ плѣненъ и ослѣпленъ своимъ собственнымъ личнымъ страданіемъ, пока онъ мечется въ беспомощности и ослѣпу не видитъ исхода, — онъ побѣжденъ своею тварностью и не находитъ пути къ Богу. Онъ долженъ выйти духомъ изъ себя, вознестись надъ собою и увидѣть страданіе ближняго, всѣхъ людей, всей твари. Сначала онъ ужаснется и этотъ ужасъ передъ мукой міра вызоветъ въ немъ возмущеніе, ропотъ и можетъ быть даже возстаніе; и эти чувства и настроенія поведутъ его не къ Богу, а уведутъ его отъ Бога и можетъ быть даже подвигнуть его противъ Бога. Ибо слѣпое возмущеніе свойственно именно твари въ ея отношеніи къ другой твари; если же оно направляется вверхъ, противъ Бога, то оно не освобождаетъ тварь отъ ея тварности, но оставляетъ ее въ слѣпотѣ, доводитъ ее до ожесточенія и дѣлаетъ ее воставшею тварью. Человѣкъ, ослѣпшій отъ ужаса, не видитъ вдаль и вглубь, онъ противится свѣту и разуму, и уходитъ въ отвращеніе и отверженіе. Созерцаніе міровой муки требуетъ мужества, а этого мужества у него нѣтъ. Созерцаніе должно окрылить его, а онъ остается безкрылымъ. Тварный страхъ уводитъ его въ темные погреба безнадежности, пессимизма и Бого-отрицанія. И въ этой тѣмѣ имъ постепенно овладѣваетъ аффектированный, вызывающій «демонизмъ» и упоенный ненавистью и гордостью сатанизмъ. И «скорбь» его становится безбожною, озлобленною и разрушительною. Именно такова была судьба всей «пессимистической» философіи и литературы девятнадцатаго вѣка.

Только любовь освобождаетъ и спасаетъ человѣка. Ея первая и элементарная форма есть жалость къ страдающему. Человѣкъ вчувствуется въ чужую муку, со-испытываетъ ее и начинаетъ проявлять живое, творческое участіе. Онъ забываетъ о себѣ, живя чужимъ страданіемъ, и этимъ освобождаетъ себя отъ пребыванія въ собственной боли и личномъ горѣ. Его собственная тварность уже не связываетъ и не ослѣпляетъ его; но зато чужая тварность начинаетъ овладѣвать имъ и заполнять его жизнь и душу. И если онъ не замѣтитъ этого вовремя и не преодолеетъ этотъ новый плѣнъ, то онъ скоро окажется плѣнникомъ чужой тварной муки. Пока жалость остается послѣднимъ словомъ или высшимъ проявленіемъ его любви, всякое страданіе живого существа кажется ему бѣдою или несчастьемъ, а въ тварной мукѣ онъ видитъ сущее «зло» (Левъ Толстой). Онъ начинаетъ вѣрить, что высшая цѣль жизни состоитъ въ избавленіи чело в ѣ ч е с т в а отъ страданія. Онъ уже не

можетъ видѣть страдающее существо и борьба противъ страданія становится для него главной задачей. Безболѣзненная жизнь кажется ему высшимъ земнымъ благомъ.

Это означаетъ, что сострадательный человѣкъ нашелъ своего ближняго; и это очень хорошо. Но смыслъ страданія онъ не постигнулъ и назначеніе челоуѣка ему не открылось. Любя челоуѣка, онъ любитъ въ немъ не поборающаго и освобождающагося «ангела», скрытаго въ глубинѣ страдающей души, но вздыхающую и стенающую тварь; и на себя онъ беретъ не помощь «ангелу», а служеніе твари; и цѣль его не въ томъ, чтобы страдающій духъ очистился и побѣдилъ, а въ томъ, чтобы облегчить мученіе твари. Вотъ почему жалостливый челоуѣкъ все еще подавленъ страхомъ и ужасомъ; онъ все еще проклинаетъ страданіе и не постигаетъ ни его смысла, ни его благодатности; онъ все еще боится муки и не знаетъ ничего о ея творческомъ преодолѣніи и просвѣтлѣніи. И потому его «міровая скорбь» не возводитъ его къ Богу: онъ остается въ предѣлахъ «гуманности» и «сентиментальности» и лучъ Божій не озаряетъ ее. А какъ помочь страдающей твари, борющейся, ищущей и вызывающей къ Богу—онъ не знаетъ.

Любовь только тогда освобождаетъ, когда челоуѣкъ воспринимаетъ въ челоуѣкѣ сына Божія, страдающаго, одоуѣвающего и очищающагося страданіемъ. Каждый изъ насъ есть Божіе дитя, странствующее по землѣ въ образѣ челоуѣческой твари. Но именно челоуѣческая тварность возлагаетъ на каждого изъ насъ тотъ способъ земной жизни, со всѣми его несовершенствами, трудностями и противорѣчіями, который неизмѣнно и непремѣнно присущъ каждому челоуѣку. Поэтому каждый изъ насъ долженъ спокойно, достойно и терпѣливо принимать всѣ обусловленныя этимъ боли и страданія, «нести свой крестъ» и учиться творческому преодолѣнію посланнаго. Намъ не слѣдуетъ приходить въ чрезмѣрный ужасъ при видѣ страдающей твари. Намъ не подобаетъ спасаться любой цѣной отъ боли и горя. Мы должны постигнуть необходимость страданія, его высшую духовную цѣлесообразность и одухотворяющую силу, и разъ навсегда усвоить его міровой смыслъ.

Въ отдѣленіи или даже удаленіи отъ Бога, челоуѣческая тварь должна страдать. Это страданіе зоветъ ее къ Богу и ведетъ ее къ Богу; для этого страданіе и посылается; въ этомъ его назначеніе; таковъ его высшій смыслъ. Растеніе и животное подвержены этому элементарному міровому страданію въ его низшей «потенціи» и не умѣютъ претворять его въ борьбу и просвѣтлѣніе. Но челоуѣкъ имѣетъ высшее призваніе: онъ долженъ принять посланное ему страданіе, какъ «посланное» ему, какъ призывъ къ очищенію, какъ свободную, личную борьбу за творческое просвѣтлѣніе личности.

Божіе дитя страдаетъ на землѣ потому, что это страданіе возводитъ его къ Отцу: въ борьбѣ и одолѣніи оно стремится къ своей блаженной первородинѣ. Мученіе твари ужасно, если она не понимаетъ высшаго смысла своего страданія и не находитъ своего восходящаго пути: тогда оно является свиду

бессмысленной мукой. Но если тварь находить и смысл и путь, и если этот высшій смысл страданія исполняется и осуществляется, тогда не слѣдуетъ ужасаться и роптать, и тогда сентиментальная жалость не является послѣднимъ словомъ земной мудрости. Тогда страданіе осмыслено и оправдано; и мы должны воспринимать его, какъ зовъ и благословіе.

Тогда передъ нами открывается великая творческая мистерія міра и мы можемъ воспринимать ее и сердцемъ, и взоромъ, и разумомъ. Душа наша наполняется міровой скорбью; и эта скорбь дѣйствительно возводитъ насъ въ «пространства», близкія къ Богу.

Богъ есть первый и высшій источникъ живой любви. Поэтому онъ не можетъ не страдать, видя, какъ созданная имъ живая тварь вздыхаетъ и стонетъ въ страданіи. Первоначально Онъ страдаетъ не въ мірѣ, а о мірѣ, ибо вздохи и стоны твари восходятъ къ Его престолу. Но потомъ Онъ нисходитъ въ міръ, пріемлетъ тварный образъ, кровь и плоть, дыханіе и муку. Онъ пріобщается жизни міра и страдаетъ въ составѣ міра, вмѣстѣ со страдающей тварью. Онъ принимаетъ на Себя иго и бремя человѣка, чтобы открыть ему и даровать божественное искусство освобождающаго, избавительнаго, духовно творческаго страданія. Богъ становится человѣкомъ, чтобы избавить отпавшаго и слѣпого человѣка отъ обреченности безсмысленному страданію; Богъ становится человѣкомъ, чтобы возвести человѣка къ Богу.

Человѣку открывается новый путь; онъ долженъ увидѣть его, свободно признать его и свободно избрать его. Тогда онъ преодолеваетъ страданіе въ мірѣ и превращаетъ его въ поводъ, въ исходный пунктъ, въ источникъ творческаго очищенія и просвѣтленія. Сначала онъ научается этому въ самомъ себѣ и на самомъ себѣ; потомъ онъ пытается научить этому другихъ людей. Тогда онъ постигаетъ смыслъ мірового страданія и поднимается до истинной, до творческой міровой скорби. Онъ видитъ, какъ страдаетъ и борется человѣческая тварь. Онъ видитъ, что Богъ принимаетъ на Себя ея иго и бремя. И онъ несетъ вмѣстѣ съ тварью и вослѣдъ за Господомъ творческое страданіе міра.

Таковъ истинный образъ міровой скорби. Усвоивъ его, человѣкъ молится уже не о томъ, чтобы міръ избавился отъ бѣдъ и страданій, но о томъ, чтобы страданіе міра стало осмысленнымъ, возводящимъ, творческимъ и просвѣтляющимъ, — о томъ, чтобы оно было облегчено, чтобы оно достигло своей высшей цѣли, чтобы оно совершилось и завершилось на Божіихъ путяхъ.

Г О Р Ы.

Въ безмѣрной дали вѣковъ, вскорѣ послѣ сотворенія міра, когда земля ощутила впервые свою первозданную форму и свои предѣлы, она опечалилась и возкорбѣла: ибо она увидѣла себя отверженной и униженной, оторванной отъ свѣта и отдаленной отъ неба, вровень приглаженной, голой, пустынной и безпомощной... И стала она вздыхать и роптать; и возмутилась, и поднялась, и возстала мятежомъ. Это было буйное возстаніе, страшное и хаотическое. Но оно шло изъ послѣдней глубины; оно было искреннее и искры его летѣли къ небу: оно было пламенное и пламя его молилось Творцу; и отъ этого огня плавильсь утесы, и первобытные камни текли потокомъ... Это былъ великій подъемъ глубинъ, жажда свѣта, стремленіе къ небу, изверженіе творческой воли... Возстала мечта о новыхъ, совершеннѣйшихъ формахъ, о новомъ богатствѣ бытія, о приближеніи земли къ небу... И это возстаніе было влеченіемъ къ Богу, ропщущей молитвой, мольбой о неотверженіи отвергнутаго...

И увидѣлъ Господь въ своей вѣчной благодати, — это воздыханіе и эту бунтующую мольбу; и великій подъемъ глубинъ нашель Его благоволеніе: ибо косная пассивность и рабская покорность никогда не были угодны Ему; а всякій искренній порывъ и молитвенный ропотъ пріемлются въ небесахъ, какъ молитва тоскующей твари. Потому благословилъ Господь это возстаніе земли и не позволилъ ему распасться въ ничтожество, но повелѣлъ ему сохраниться на вѣки: возноситься къ небу молчаливой молитвой, пробуждаться съ благодатной зарею и блаженно расцвѣтать въ послѣднихъ лучахъ уходящаго солнца. А человѣку Господь повелѣлъ созерцать эту таинственную записъ прошлаго и постигать ея сокровенный смыслъ.

И созерцая ее, мы называемъ ее нынѣ г о р а м и.

Когда я вижу снѣжныя горы, поднимающіяся вдаль къ облакамъ, — сердце мое трепещетъ отъ нежданнаго счастья: въ немъ просыпаются какія то угасшія древнія воспоминанія... какъ если бы я уже созерцалъ когда то эти видѣнія и потомъ всегда тосковалъ по нимъ, какъ если бы начинали исполняться самыя дивныя и священные обѣтованія... Я стою захваченный и потрясенный, и не знаю, можно ли вѣрить этимъ призракамъ...

Какъ легко, какъ смѣль этотъ взмахъ къ небесамъ. Какъ нѣжны, какъ призрачны очертанія. И какъ могущественны скрытыя за ними земныя массы. Я вижу землю, восходящую къ небу, я вижу небо ее обнимающее, я вижу, какъ земля теряется въ небѣ, сливается съ нимъ, — можетъ быть сама становится небомъ? Не сонъ ли это? Или можетъ быть это видѣніе есть сущая реальность, а плоская жизнь повседневности — всего на всего тягостный сонъ? Откуда во мнѣ эта блаженная тревога, это чувство приближающейся родины? . . . Какъ если бы это издали свѣтящееся великолѣпіе, это обѣтованное будущее — возникло изъ моего интимнаго прошлаго, изъ моего временнаго бытія . . . Или можетъ быть душа моя настолько «ветха деньми», что я и въ самомъ дѣлѣ могъ присутствовать при образованіи міровъ? Или можетъ быть эти далекія горы повѣствуютъ мнѣ о томъ, чѣмъ я самъ былъ, и что я есмь, и чѣмъ я буду, и какое великолѣпіе ожидаетъ меня впереди? . . .

Нѣжныя видѣнія. Пророческіе образы. Божіи сны . . .

Но видъ исчезъ. Воздушные призраки скрылись въ земномъ туманѣ и въ небесныхъ облакахъ. И только сердце шепчетъ мнѣ о возможности невозможнаго . . .

А потомъ горы принимаютъ меня въ свою среду и несутъ меня вверхъ, спокойно и благодно позволяя мнѣ попить ихъ ногою и карабкаться по ихъ крутымъ обрывамъ. Ихъ спокойствіе передается мнѣ и я иду все выше и выше. Медленно взбираюсь я; торопиться нельзя и незачѣмъ; много времени нужно, чтобы одолѣть высоту, чтобы привыкнуть къ ней, чтобы не закружилась голова отъ этого дремлющаго горнаго мятежа, чтобы не пресѣклось дыханіе отъ этой стихійной молитвы . . . Вотъ я уже усталъ, но съ усталостью я не могу и не хочу считаться. Тайственная сила зоветъ меня кверху. Во мнѣ проснулось нѣкое влеченіе, какъ если бы меня захватилъ мощный довременный подъемъ, которому нельзя противостоять, — вверхъ, вверхъ, все выше — и только исчерпавъ послѣднія силы можно отпасть и отказаться отъ восхожденія . . . но и тогда въ душѣ осталось бы чувство, будто я постыдно изнемогъ въ великомъ дѣлѣ . . . Нѣтъ, это невозможно, надо идти и дойти, чтобы пережить смыслъ и судьбу древняго возстанія, чтобы научиться мятежной молитвѣ горъ . . .

И каждый мигъ все вокругъ мѣняется: новые провалы, невиданныя глубины, вознесшія высоты. Каждый поворотъ открываетъ непредвидѣнное. Каждый обрывъ говоритъ о страшныхъ событіяхъ прошлаго и о предстоящихъ новыхъ оформленіяхъ. Самое дикое — прекрасно. Самое ужасное — закончено . . . Вотъ, чтъ снилось землѣ тогда, въ предвѣчной давности; вотъ какое богатство новыхъ возможностей и новыхъ формъ предносилось ей тогда . . . И душу охватываетъ счастье отъ того, что ей позволено увидѣть и пережить эту древнюю мистерію бытія.

И потомъ — этотъ воздухъ, которымъ мы дышимъ . . . Сначала — благоуханный и цвѣточный, потомъ — смолистый и разрѣженный, и наконецъ — рѣжущій холодомъ, ледяной и жгучій. Тамъ у насъ, внизу, воздухъ густой и пыльный, вязкій и липкій; люди привыкають къ нему и не замѣчаютъ, что они вдыхаютъ и глотаютъ. Но здѣсь онъ струится сверху, какъ вода ледяного ключа, какъ небесный даръ, какъ Божіе благословеніе. Онъ кажется рѣзкимъ и колючимъ, и мнится, что его «мало», что тебѣ его не хватаетъ. Но это надо побороть, къ этому можно привыкнуть. Надо помнить, что близость къ небу не привычна для человѣка; что ты переживаешь борьбу и судьбу первобытной земли, возжелавшей горней чистоты и приближенія къ Богу . . . А близость къ Богу — требуетъ иныхъ способностей и новыхъ усилій отъ грѣшной твари . . .

И вотъ, наконецъ, подъемъ законченъ. Я наверху, въ суровомъ уединеніи горъ. Все исчезло — ароматы цвѣтовъ и гигантскія сосны, стада и хижины. Въ строгомъ спокойствіи смотреть на меня древній Хаосъ. Величаво молчатъ сѣро-желтые, голые утесы. Въ тяжелыхъ сновидѣніяхъ лежатъ обрывающіеся ледники, засыпанные сверху черной каменной пылью. И повсюду — захватывающая душу, потрясающая тишина, отъ которой слышны удары собственного сердца и въ ушахъ начинается звенѣть . . .

Да, все, что есть въ мірѣ великаго, живетъ въ молчаніи. И говоритъ тишиною. Если закрыть глаза, то кажется, что вокругъ законченная пустота, полное отсутствіе бытія. А если открыть ихъ, то дивишься совершенному беззвучію этого обилія, этихъ каменныхъ массъ, этихъ грозныхъ глыбъ . . . Горы не любятъ шума: онѣ какъ бы ушли въ себя, въ свою сокровенную жизнь; и таятъ про себя свои издревле зрѣющіе помыслы. И только обвалы и лавины, не выдержавъ этого молчаливаго величія, съ грохотомъ и прахомъ свержаются внизъ; да потоки воды, скатываясь въ долину, выдаютъ своимъ кипѣньемъ и журчаньемъ тайные замыслы горныхъ вершинъ. Но самыя горы вѣщаютъ только высочайшей тишиною, только своими незавершенно-завершенными очертаніями, только таинственной сопринадлежностью своихъ линій и массъ . . .

Молчаливая красота. Строгая благость. Скромное величіе . . . И все вмѣстѣ — подобно вѣчнымъ гимнамъ. Царство беззвучныхъ симфоній.

Стоишь и слушаешь это беззвучіе. И учишься блюсти въ высокихъ сферахъ жизни цѣломудренную тишину. Учишься блюсти свое достоинство, ни на что не притязая; и постигаешь, что истинное величіе облекается въ смиреніе. Въ борьбѣ за высоту, въ восхожденіи къ Богу не нужно шума; надо, чтобы вся

жизнь стала тихой молитвой и тогда она вознесется хвалой и свѣтлымъ благодареніемъ . . .

Въ далекія, предвѣчныя времена возскорбѣла земля о своей судьбѣ и возропала къ Богу великимъ возстаніемъ. И осталась въ этомъ смятеніи. И застыла въ своемъ мятежѣ. И мятежъ ея былъ молитвою, а молитва ея была творческимъ хаосомъ. И вотъ этотъ хаосъ покорился Божьему слову и возстаніе превратилось въ гимнъ благодарности. Вдохновенный подъемъ смирился подъ Божиимъ благословеніемъ, а вознесенныя скалы сдружились съ лучами небеснаго свѣта.

И горы почили въ своей тишинѣ, пріемля нѣкое богоподобіе и раскрывая людямъ свой таинственный смыслъ въ поученіе и преображеніе.

IV. ПОСЪЩЕНІЕ.

20. Созерцающій поэтъ

21. Огонь

22. У моря

23. О страданіи

24. О смерти

25. О безсмертіи

СОЗЕРЦАЮЩІЙ ПОЭТЪ.

Мы, созерцающіе поэты, увѣрены въ томъ, что все, сущее на землѣ и на небѣ, можетъ быть узрѣно или услышано нами, и что все ждетъ отъ насъ изображенія и истолкованія... Все, даже самое нѣжное, лишенное чувственного образа; беззвучное, незримое и сокровенное... Мы не знаемъ сами почему мы въ этомъ увѣрены, какъ это намъ удастся и что мы дѣлаемъ для этого. Никакая преднамѣренность тутъ не поможетъ. И никакого «метода» мы указать не умѣемъ. Нельзя же назвать «методомъ» — наше самозабвенное мечтаніе, наше созерцающее «погруженіе», наше сосредоточенное «отсутствіе» и забвеніе окружающей жизни. Мы не хуже другихъ знаемъ, что мечта есть мечта, что сновидѣніе есть сновидѣніе, что фантазія можетъ разойтись съ дѣйствительностью и что поэтъ — плохой свидѣтель въ дѣлахъ повседневности: ужъ очень часто онъ, по слову мудраго Гераклита, «присутствуя отсутствуетъ»...

«Мечта»... «Сновидѣніе»... «Фантазія»... Но развѣ все это такъ безсильно и ничтожно? Развѣ созерцающій мечтатель и въ правду не болѣе, чѣмъ «сочинитель», какъ говорили въ эпоху Гоголя? Неужели его созерцанія такъ таки ничего и не стоятъ? А можетъ быть — наоборотъ? Можетъ быть, именно созерцающій поэтъ, этотъ мечтающій с н о в и д е ц ъ — и есть я с н о в и д е ц ъ и мастеръ въ дѣлахъ истиннаго бытія? Я разумѣю, конечно, не ночные сны нашей повседневности, гдѣ всегда видишь только себя самого во всевозможныхъ чужихъ обличіяхъ, самъ на себя удивляешься, возмущаешься и самъ себя соблазняешь всевозможными страстями... Нѣтъ, я имѣю въ виду в и дѣ н і я с о з е р ц а ю щ а г о п о э т а . А это совсѣмъ иное.

Мы всѣ могли бы согласиться въ томъ, что сущность міророзданія, его таинственная «самосуть», или какъ говорятъ, «міровая душа» — остается сокровенною и не открывается людямъ легко, быстро, или тѣмъ болѣе исчерпывающе. Мы, поэты-мечтатели, рѣшительно не знаемъ, какъ другіе люди узнаютъ о ней хоть что-нибудь; очень возможно, что они и въ самомъ дѣлѣ ничего о ней не знаютъ; иногда они и сами открыто признаются въ этомъ. Что же касается насъ, то мы склонны допустить, что міръ погруженъ въ нѣкій таинственный «сонъ»: онъ ушелъ въ себя, погрузился въ свою собственную глубину и скрылъ свою настоящую сущность отъ постороннихъ взглядовъ;

а мы . . . Мы слѣдуемъ за нимъ, мы пытаемся настигнуть его на его собственныхъ путяхъ и воспринять его живую самосуть.

Когда поэтъ предается творчеству, то онъ уже не «спитъ». Но чтобы настигнуть ушедшую отъ него тайну міра, онъ во слѣдъ за нею тоже какъ бы «засыпаетъ». Въ немъ засыпаетъ его трезвое и беспомощное дневное сознаніе, съ его близорукимъ воспріятіемъ и съ его повидимому столь «умными» разсудочными мыслями. Этотъ ограниченный, подслѣловатый «субъектъ» погружается въ дрему, растворяется въ нѣкой душевной сумеречности и «исключается» какъ органъ познанія. Этимъ онъ освобождаетъ мѣсто новому, свиду «сонному», на самомъ же дѣлѣ вдохновенному и проникновенному духовному созерцанію. Тогда въ душѣ просыпаются иныя окрыленные силы и передъ нею раскрываются иныя пространства. Словно разверзаются полъ и потолокъ; они какъ бы свертываются и исчезаютъ. Какъ во время вѣтра, дующаго съ горъ, воздухъ становится прозрачнымъ, далекое кажется близкимъ, незримое становится зримымъ и глазъ начинаетъ видѣть первозданную красоту и глубину;—такъ и поэтъ видитъ звѣзды при полномъ дневномъ свѣтѣ, какъ если бы онъ смотрѣлъ изъ глубокаго колодца; онъ слышитъ въ ночномъ мракѣ таинственные голоса міра и касается сокровенныхъ силъ его самосути. Вдохновенный поэтъ внемлетъ, по слову Пушкина, «неба содроганье, и горній ангеловъ полеть, и гадъ морскихъ подводный ходъ, и дольней лозы прозябанье» . . . Онъ вступаетъ въ иной міръ, или, можетъ быть, новый міръ вступаетъ въ него и овладѣваетъ имъ. Онъ пребываетъ въ этомъ мірѣ, онъ непосредственно приобщается ему, созерцаетъ его, слышитъ его, живетъ его таинственнымъ естествомъ. Онъ теряетъ себя въ ткани этого міра, въ сокровенной и существенной, первозданной стихіи бытія. Онъ «засыпаетъ» и «спитъ» вмѣстѣ съ міромъ и видитъ его «с н о в и д ѣ н і я»: онъ созерцаетъ его творчески-движущую, священную Идею, — Б о ж і ю И д е ю м і р о з д а н і я. Онъ живетъ въ міровой душѣ, владѣющей всѣми вещами и тварями и приобщается къ ея творческому дѣйствію . . .

Если посмотрѣть на дѣло извнѣ и выразить его на обыденно-трезвомъ языкѣ, — то это «сонъ на яву», «поэтическое мечтаніе», «полетъ фантазіи», а можетъ быть даже «безсмыслица» . . . Но въ дѣйствительности это не сонъ, а «пробужденіе»: поэтъ просыпается для в н у т р е н н ѣ й ш а г о и р е а л ь н ѣ й ш а г о въ жизни, ему открывается ж и в а я с а м о с у т ь б ы т і я . . .

И то, что онъ «слышитъ» и «видитъ», есть нѣчто совсѣмъ иное по сравненію съ тѣмъ, что намъ несутъ обычные чувственные воспріятія. Солнце поетъ ему величественный гимнъ; звѣзды несутъ ему знаменія и пророчества; онъ видитъ, какъ молятся горы; онъ слышитъ, о чемъ мечтаетъ ручей; море зоветъ его и общается ему живую безконечность; тихій, чистый снѣгъ несетъ ему дивное утѣшеніе. Вся вселенная полна дремлющей любви и молчаливаго пѣнія. Цвѣты таятъ свои помыслы и настроенія. Птицы знаютъ о многомъ невѣдомомъ и могутъ предъ

сказывать. Гордые замыслы зрѣютъ въ деревьяхъ и потокахъ. И никто не повѣритъ поэту, если онъ попытается рассказать о томъ, что ему принесъ вѣтеръ...

Пока поэтъ тонетъ въ этомъ сновидящемъ бодрствованіи, онъ не можетъ «творить», «сочинять» или создавать новые образы и формы. Но это состояніе не можетъ и не должно слишкомъ долго продолжаться; иначе поэтъ можетъ не вернуться больше въ жизнь... Оно прекращается и исчезаетъ; и онъ вновь возвращается къ повседневной обстановкѣ. Онъ возвращается обычно слегка «ошалѣвшимъ», утомленнымъ и беспомощнымъ; но обогащеннымъ и счастливымъ. Онъ приноситъ съ собой цѣлый зарядъ, сокровище, которое онъ никогда не сможетъ исчерпать описаніемъ и оформленіемъ. А сколько онъ можетъ быть еще растериваеъ «по дорогѣ», забываетъ, не находитъ... И потому то, что ему удастся сберечь и принести, кажется ему самому не то оскудѣвшимъ, не то порѣдѣвшимъ, не то искаженнымъ... Иногда у него бываетъ такое ощущеніе, какъ въ сказкѣ, гдѣ царевичъ, только что изнемогавшій отъ богатства, видитъ передъ собою одни черепки и пытается ихъ зачѣмъ то подсчитать...

И все таки, все таки — онъ приобщился к кровенному естеству міра и воспринялъ его священную самосуть. И вотъ все собранное и сбереженное желаетъ найти себѣ вѣрное выраженіе, глубокое истолкованіе, прекрасное обличіе, художественную форму...

Лучше не спрашивать насъ, какъ мы находимъ это истолкованіе и эту форму... У кого хватить силы, чтобы выговорить Божіи Идеи? Кто найдетъ для нихъ вѣрныя и точныя выраженія? Въ смиренной беспомощности помышляетъ объ этомъ поэтъ; имъ то и дѣло овладѣваетъ сознание своего безсилія и робкая растерянность. И только сила внутреннего заряда, только вдохновенное возстаніе самихъ сбереженныхъ богатствъ заставляетъ его приступить къ дѣлу.

Одинъ выражаетъ узрѣнное въ звукахъ и пѣніи. Другой рисуетъ. Третій ищетъ художественно-точныхъ словъ. Иные лѣпятъ или строятъ; иные пытаются найти вѣрныя тѣлодвиженія въ танцѣ. Но все, что они создаютъ, — эти созерцающіе поэты, — все идетъ не отъ нихъ самихъ, а черезъ нихъ. Всѣ созданія ихъ больше ихъ самихъ; ибо они сами служатъ лишь орудіемъ, лишь голосомъ для таинственной самосуети міра.

А у того, кто вѣрно слышитъ ихъ пѣніе, трепещетъ сердце и радуется духъ; и постепенно слагается новое чувство, новая увѣренность въ томъ, что онъ прикоснулся къ иному міру: «Нѣтъ, это не поэтический вымыселъ поэта. Это древне, какъ міръ... И въ то же время — ново и юно, какъ сегодняшній день... То, что я воспринялъ, было существенно, какъ хлѣбъ жизни, и драгоцѣнно, какъ откровеніе... Я коснулся сокровенной правды міра и былъ счастливъ»...

А тѣ, кому не дано услышать голосъ созерцающаго поэта, тѣ пожимають плечомъ и отходятъ; имъ это «не нравится», они обзываютъ насъ «выдумщиками» и «фантазерами» и корятъ насъ за самоувѣренность и притязательность... Тогда мы смущаемся, и смолкаемъ, и сконфужено уходимъ въ нашъ уголь; потому что мы ничего не умѣемъ «доказать», мы можемъ только «показывать»; а поднимать споръ о видѣніяхъ потусторонняго міра — непозволительно и неприлично...

21.

О Г О Н Ь .

Я могу часами сидѣть передъ каминомъ и смотрѣть въ огонь. На душу сходитъ дивная тишина и кажется, что видишь необычайныя дали и глубины. Радостно играетъ свѣтъ. Капризно и причудливо ложатся тѣни. Ласково струится дыханіе тепла. И мнѣ чудится, будто въ душѣ моей просыпаются забытыя мечты моихъ предковъ; встаютъ передо мною величавые образы; я постигаю какіе то древніе законы, вѣчныя истины; я ухожу въ прошлое и теряю чувство времени. Радость и грусть борются въ моемъ сердцѣ; и гдѣ то, въ послѣдней глубинѣ пробуждается щемлящая тоска по утраченной, но блаженной родинѣ. Тогда я чувствую, будто знаю гораздо больше того, чѣмъ доселѣ предъполагалъ; — будто мнѣ открывается самая сущность мірозданія; — будто я касаюсь края ризы Божіей...

Но сначала надо вызвать огонь къ жизни: «приди таинственная сила, посѣти и освѣти мой темный очагъ и прими въ свою власть чающее тебя древо». И вотъ вспыхиваетъ первый синеватый огонекъ, осторожно, робко, какъ будто осматриваясь, вправду ли его зовутъ, можно ли ему довѣриться, готова ли для него пища? ... И потомъ, отзываясь и довѣряясь, огонь все охотнѣе, все съ большимъ увлеченіемъ вступаетъ въ жизнь, радуясь благоговѣйному призыву и расцвѣтая въ гостепріимномъ воздухѣ. Длинными языками охватываетъ онъ полѣнья, лаская и забирая ихъ, и превращаясь въ вольное пламя; легкимъ хрустомъ, тихимъ шипѣніемъ отвѣчаютъ они ему, принимая и не принимая его игру и медленно накаляясь отъ его жгучаго дыханія. А потомъ уже начинается общій праздникъ: свѣтъ и радость, вспышки и трескъ, искры и обвалы, угольное тлѣніе и дымныя струи. И благодатное всепроникающее тепло... А я сижу и смотрю, какъ прикованный, созерцаю эту чудную стихію и вижу черезъ нее жизнь человѣчества и строй мірозданія. И кажется мнѣ, что время уже не властно надо мною.

Такъ сидѣли у домашняго очага наши далекіе предки, и смотрѣли въ огонь и размышляли о своей суровой жизни и объ

ея опасностяхъ, предвидѣли новыя вторженія враговъ и готовились къ отпору. Ибо вся исторія Россіи протекала въ борьбѣ и душа русскаго человѣка всегда нуждалась въ жертвенной готовности. И вотъ то, что человѣкъ подолгу и неотрывно созерцаетъ, предаваясь и вчувствуясь, — то становится его даромъ, его живымъ прообразомъ, источникомъ силы и воодушевленія. Душа человѣка незамѣтно отождествляется со своимъ любимымъ символомъ... И отъ созерцанія огня души нашихъ предковъ сами становились огнеподобными: живыми, легкими, и интенсивными, ясными, свѣтящимися и сильными. Недаромъ востокъ создалъ религію «огнепоклонниковъ»; недаромъ онъ видѣлъ въ пламени символъ Божества, дарующаго очищеніе и очевидность...

Но огонь училъ нашихъ предковъ еще свободѣ и единенію. Ибо тамъ гдѣ живетъ древнее пламя домашняго очага — тамъ личная осядлость человѣка, тамъ его собственный домъ, его неприкосновенное, свободное жилище. Пусть мала его хижина, пусть невелика его домашняя власть, — но въ этихъ предѣлахъ онъ желаетъ быть свободнымъ хозяиномъ и имѣть право на это. Домашній очагъ былъ у всѣхъ народовъ первымъ священнымъ пріютомъ свободы и самостоятельности. У очага собиралась вся семья и чувствовала свое единство; люди рассказывали другъ другу о заботахъ и о горѣ, объ удачахъ и о радостяхъ; они совѣтовались другъ съ другомъ о нуждахъ и опасностяхъ. Они зажигали лампаду передъ иконою и читали священное писаніе. Здѣсь рассказывались сказки и былины. И когда огонь угасалъ, легкія призрачныя тѣни скользили по стѣнамъ, были и небывальщина смѣшивались воедино и міръ фантазіи населялъ трезвую и суровую жизнь людей...

Какое счастье — вновь очутиться въ этой первой школѣ бытія, снова предаться созерцанію древней стихіи и по новому внять опыту, и скорби, и мудрости предковъ!

Какъ воздушно, какъ легко бытіе этой таинственной силы. Пламя, подобно вѣтру, есть самое легкое и подвижное существо міра... Его жизнь есть вѣчное бодрствованіе, вѣчное распространеніе, вѣчное поглощеніе. Гдѣ огонь вспыхиваетъ, тамъ онъ утверждаетъ свою власть и празднуетъ свою побѣду. Вотъ почему онъ является символомъ радостнаго преодоленія, естественнаго триумфа, побѣдоноснаго танца.

Да и могло ли быть иначе? Вѣдь огонь есть величайшая сила міра. Онъ есть источникъ жизни и судьба вселенной, — живое дыханіе Божіе. Онъ свѣтитъ и показываетъ; поэтому безъ огня нѣтъ ни очевидности, ни откровенія. Отъ него идетъ тепло и жаръ: поэтому ни жизнь, ни любовь невозможны безъ пламени. Онъ несетъ намъ очищеніе и зоветъ насъ къ новымъ формамъ бытія: кто жаждетъ чистоты, тотъ долженъ готовиться въ духѣ къ огненному

очищенію; а кто ищетъ прекрасной формы, тотъ долженъ самъ возгорѣться внутреннимъ пламенемъ. Огонь имѣетъ власть преобразить и уничтожить: вотъ почему во всякомъ живомъ существѣ живетъ влеченіе къ огню и страхъ передъ огнемъ.

Пламенно горитъ солнце въ срединѣ мірового вращенія, — и земля кружится вокругъ него въ священномъ трепетѣ и тихомъ блаженствѣ. Пламя живетъ и въ глубинѣ нашей планеты — и все земное ощущаетъ благодатность этого сокровеннаго жара, и содрогается отъ ужаса, когда это пламя обращается къ намъ, сотрясая подъ нами землю. И гдѣ бы у насъ ни загорѣлся огонь — всюду тотчасъ же собираются люди, влекомые его видомъ, и жаромъ, и силою, и дивятся, какъ прикованные, и никакъ не могутъ наглядѣться, вчувствуясь и трепеща, словно желая войти въ него, слиться съ нимъ и загорѣться; — но берегутся огня, и готовы бѣжать отъ него, ибо то, что земной огонь захватить въ свою власть, онъ сожжетъ, испепелитъ и уничтожитъ . . .

Такъ вся тварь стремится къ огню — и пугается, какъ только онъ вступаетъ въ свою полную силу и развертываетъ все свое великолѣпіе . . . Какъ ужасно было бы если бы огонь совсѣмъ угасъ въ мірѣ и навѣки воцарились мракъ и холодъ . . . Какой страхъ объялъ бы вселенную, если бы пламя овладѣло всѣмъ сущимъ и испепелило его до конца.

Но міръ созданъ въ благомъ порядкѣ. Благостно и мудро распределены среди твари дары огня. Каждое существо приобщается ему лишь въ мѣру своихъ силъ и способностей, пріемля лишь столько отъ его свѣта, отъ его напряженія, отъ его могущества, сколько оно въ состояніи вынести. И все, что пріемлетъ отъ огня, пріемлетъ какъ бы и с к р у Б о ж і ю, — чтобы достойно отвѣчать самому Творцу и Его дивному міру изъ глубины своего естества.

Вотъ откуда этотъ таинственный отблескъ, испускаемый драгоценнымъ камнемъ, этотъ слѣпящій лучъ алмаза, этотъ мягкій и бархатный огонь рубина, этотъ пламень желтаго топаза, это сверканіе изумруда и аквамарина, этотъ глубокій и скрытый огонь альмандина и хризоберилла . . .

А у растенія — дано цвѣтку, съ его невинно-сіяющимъ листкомъ, воспроизводить черты мірового свѣтила и непосредственно обращаться къ нему за тепломъ и свѣтомъ . . .

А у животного свѣтъ сосредоточенъ въ глазу, съ его необузданнымъ и неистовымъ, а потому страшнымъ сверканіемъ.

Но у человѣка, существа мыслящаго и созерцающаго, свѣтъ глаза преодолеваетъ свою животную неистовость и лучится одухотворенно въ обращеніи къ міру и молитвенно въ обращеніи къ Творцу.

И такъ повсюду: гдѣ огонь свѣтитъ, тамъ онъ требуетъ отвѣта и наслаждается въ этомъ отвѣтномъ лучѣ своимъ собственнымъ свѣтомъ . . .

Эта встрѣча двухъ огней — мірового и личнаго — осуществляется всего совершеннѣе въ человѣкѣ. Ибо здѣсь огонь становится пламенѣющимъ духомъ и всѣ его дары и способности проявляются въ ихъ высшей и превосходнѣйшей потенціи. Ибо внѣшній, матеріальный огонь былъ вызванъ къ жизни дуновеніемъ Божиимъ лишь въ качествѣ живого прообраза самого Духа. И даже самый наивный первобытный человекъ предчувствуетъ, предвосхищаетъ это высшее значеніе огня. Вотъ почему наши отдаленные предки, наивно-мудрые первочеловѣки, молились земному огню, какъ живому символу Господа, поклонялись въ немъ чистому дыханію Творца, праздновали его явленіе, какъ начальное откровеніе Божіе. Они поклонялись огню, а разумѣли Духъ Божій. И это символическое поклоненіе столь же древне, какъ человѣческій родъ; и продолжаетъ жить въ каждомъ изъ насъ. Такъ и Гераклитъ греческій, пророкъ огня, свѣта и разума, зналъ, что онъ говорилъ, когда воспѣвалъ въ лицѣ Огня божественную первостихію міра и когда утверждалъ, что Пламя есть Разумъ, а Разумъ есть Огонь...

Что стало бы съ нами людьми, если бы мы лишились духовныхъ даровъ этой родины?—Чѣмъ были бы мы безъ жара въ сердцѣ, безъ огня въ молитвѣ, безъ озаряющей очевидности въ познаніи, безъ пламенной интенсивности въ волѣ и въ дѣлахъ, безъ повелѣвающей, вдохновенной силы въ очахъ? — Но не значитъ ли это, что все наше лучшее достояніе — самое благородное, самое прекрасное, самое мощное, что въ насъ есть — произошло отъ Огня?...

И мы, христіане, знаемъ этотъ великій религіозный символъ; имъ живутъ наши мысли и чувства. Вотъ почему мы имеемъ Христа Спасителя «Свѣтомъ истиннымъ» (Іоан. 1. 9) и крещаемся отъ Него «Духомъ Святымъ и огнемъ» (Мтф. 3. 11; Лук. 3. 16). Мы называемъ себя «сынами Свѣта» (Іоан. 12. 36) и чаемъ Духа Святаго въ образѣ «языковъ огненныхъ» (Дѣян. 2. 3). А когда мы читаемъ эти слова: «Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся» (Лук. 12. 49) — то въ сердца наши нисходятъ пламя и свѣтъ, и мы знаемъ, коего мы духа...

Но огонь въ моемъ каминѣ на исходѣ. Онъ гаснетъ и меркнетъ; и надо проститься съ нимъ. «Иди на покой, благое и чистое пламя, и будь благословенно за все, за твой свѣтъ, за твоё тепло и за твоё утѣшеніе»...

22.

У М О Р Я .

Давно я уже мечталъ выбраться изъ этого душнаго города. Давно я уже томился въ этой давящей, оглушающей уличной жизни, въ этомъ городскомъ существованіи, полномъ горя и грязи, гдѣ все напрягаетъ, выматываетъ и на каждомъ шагу ранить сердце. Туда, туда, на вольный просторъ, гдѣ всѣ предѣлы снимаются и гдѣ даль раскрываетъ свои блаженные пространства... Какъ я мечталъ о морѣ...

И наконецъ — это состоялось... Тогда, давно, первый разъ въ жизни, когда я приобщился этому счастью.

То, о чемъ я могъ только мечтать, — встало передо мною, какъ живое видѣніе. Далекій, уходящій, исчезающій просторъ; онъ такъ тихо раскрывается, такъ легко дается, такъ ласково зоветъ. Взоръ вливается въ него, ищетъ его предѣла и не находитъ; и радостно предчувствуетъ, что и тамъ, дальше, гдѣ предѣлъ глазу — нѣтъ предѣла простору. Здѣсь нѣтъ границъ; а въдъ каждая граница есть запретъ и разочарованіе... Здѣсь нѣтъ стѣнъ; — а въдъ каждая стѣна есть обида и угроза... О, какъ мы привыкли сидѣть въ клѣткахъ! Какъ мы связаны, подавлены, запуганы въ нашей жизни! Какъ мало мы можемъ, какъ немного мы видимъ, какъ урѣзаны наши горизонты, какъ скудна наша жизнь! Сколь многого мы лишены, — и даже не замѣчаемъ этого!

Но здѣсь... Здѣсь — праздникъ пространства, здѣсь царить Безпредѣльное, здѣсь дышитъ воздухъ, здѣсь живутъ безконечныя возможности. Я упиваюсь этимъ воздухомъ, я глотаю его. И сердце мое раскрывается, становится огромнымъ и блаженнымъ, и наслаждается потокомъ этой разрѣшающей, зовущей любви... Какъ если бы міръ хотѣлъ сказать мнѣ великое и благостное слово пріятія, прощенія и примиренія...

И только потомъ, насладившись просторомъ, помню, я замѣтилъ внизу огромное, тихое, но подвижное поле воды. Спокойно, мощно катило море свои гребни, — куда?... темно-синее, задумчивое, погруженное въ свои и въ небесныя мысли...

Какъ будто — вялое, свиду — утомленное; и въ то же время — играющее, легкое, не знающее тяжести, не вѣдающее труда. Огромная живая равнина. Свиду — обильное, несчислимое множество: на самомъ дѣлѣ — единое, дышащее существо. Странное — и привѣтливое; такое многосложное — и такое простое. Само величіе, — въ царственной тишинѣ; сама стихія, излучающая кротость и благодать. Всѣмъ; и мнѣ, и для меня... За что же мнѣ? О, незаслуженная благодать... О, неожиданная милость...

Въ сердцѣ рождается тихая грусть... Укорь? Раскаяніе? Почему мнѣ всегда было «некогда»? Почему я впервые пробѣгаю этому счастью? Боже мой, какъ скудна была доселѣ моя жизнь! Какъ много я упустилъ! Какое богатство я утратилъ!... Я вижу, я понимаю: это благодатное лоно могло прожить безъ меня еще цѣлую вѣчность... И все же... Оно какъ будто бы ждало меня, готовило мнѣ дары, оно согласно принять меня и осчастливить. И нынѣ прощаетъ мнѣ — и мое долгое отсутствіе, и мой поздній приходъ... Мнѣ будетъ все предоставлено, все открыто, все даровано, — если только я открою ему мое сердце, и буду внимать и созерцать...

Какое странное чувство охватываетъ человѣка у самого края воды... Плещущая волна какъ будто хочетъ сказать: «до сюда и не шагу дальше» — и тѣмъ самымъ она пробуждаетъ въ душѣ потребность, настойчивое желаніе переступить этотъ предѣлъ и проникнуть дальше указанного... Она манитъ и дразнить — и не пускаетъ... Нѣтъ, она конечно пускаетъ и даже приглашаетъ; но только эта нѣжная влага слегка разступится, ласково охватитъ меня и вымочитъ... Кто робокъ отъ природы, тому надо беречься; тутъ уже не избѣжишь, не спасешься, сухимъ не выйдешь: краткій, плещущій набѣгъ — и кончено, попался... И сразу — робости какъ не бывало... Какое бережливое прикосновеніе, какая гостепріимная встрѣча, какое любовное обхожденіе. Упоительно и радостно... Успокаиваетъ, и возбуждаетъ... Единственное въ своемъ родѣ наслажденіе. Но теперь предѣлъ перейденъ, дѣло сдѣлано, — и хочется перейти его еще разъ и еще разъ... провѣрить первое ощущеніе, повторить ласковый пріемъ... И — отдаться этой дивной стихіи: трогать ее, гладить, ласкать, будоражить, дразнить, разбрызгивать, плыть, нырять, глотать ее, исчезнуть въ ней, — и наслаждаться ею. И все время испытывать ея жизнь и ея привѣтъ: воспринимать ея любовь и отдавать ей свою... Пока не наступитъ полное единеніе, совершенная близость: пока изъ блаженной игры не возникнетъ свѣтлая дружба...

Одѣваюсь и ложусь, утомленный, у самого берега въ тѣни старой пиніи и прислушиваюсь къ голосу моря. Оно какъ буд-

то хочеть успокоить меня, погасить мое возбужденіе, можетъ быть — усыпить меня, чтобы я отдохнулъ отъ непривычнаго счастья: отъ этой глубокой дали, которая раскрыла и подготовила мое сердце, и отъ этой ласковой игры, которая его наполнила и опьянила. Я закрываю глаза и предаюсь вниманію. Множество струящихся и лепечущихъ голосовъ шепчуть мнѣ о чемъ то единомъ: сначала я слышу какъ будто тихіе упреки, но они тають въ дыханіи ласковаго прощенья; потомъ я различаю нѣжныя утѣшенія: отъ нихъ исчезаетъ послѣдняя тѣнь грусти и исцѣляется скорбь моего сердца; а потомъ идуть надежды и обѣтованія: они исходятъ изъ нѣкой древней, мірозабвенной глубины и повѣствуютъ мнѣ о райской жизни и о ея дивной невинности...

Сердце наполняется сладостнымъ, непонятнымъ счастьемъ, — легкимъ, зовущимъ и ни къ чему не обязывающимъ. Хочется безъ конца внимать, только благодарить, и ничего больше не желать. И каждый мигъ набѣгаетъ тихій шорохъ волны: она булькаетъ и ласково шепчетъ, какъ будто понимаетъ меня и хранить мой покой; она пѣнится и замираетъ, словно ворожить надо мной; нѣжно вскипаетъ, шелеститъ и дышитъ на меня, будто хочеть вызвать во мнѣ несказуемыя видѣнія — и погрузить меня въ блаженные сны, и увѣрить, удостовѣрить меня, что это не сны, а пророчества и обѣтованія...

Я и доселѣ не знаю, что я тогда, убаюканный шопотомъ волнъ, спалъ или бодрствовалъ? или, можетъ быть, я проснулся во снѣ къ новой жизни? То, что было — исчезло, и никогда больше не появилось. Но я чувствовалъ, что вѣчное и благое лоно міра приняло меня въ свою тихую любовь и раскрыло мнѣ свои чистѣйшія пространства... Мнѣ было позволено взглянуть въ эти тайныя нѣдра бытія, коснуться тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы всѣ обитали нѣкогда въ довѣрчивой невинности, гдѣ насъ и доселѣ ждетъ Божіе прощенье и Божія любовь... И съ тѣхъ поръ я ношу въ сердцѣ непоколебимую увѣренность, что всѣ страданія человѣка осмысленны и необходимы; что онъ долженъ въ страдать себѣ свободный и цѣлостный возвратъ къ Богу; и что всѣхъ насъ ожидаетъ любовное прощенье, благодатный покровъ, исцѣленіе къ невинности и мудрость блаженнаго созерцанія...

Когда я пришелъ въ себя, солнце заходило, исчезая въ морѣ и я не зналъ, долго ли я былъ въ отсутствіи. Я лежалъ на берегу подъ пиніей и все испытанное мною казалось сномъ. И только потокъ счастья владѣлъ всѣмъ моимъ существомъ. Это счастье было подобно свѣту; а свѣтъ испытывался какъ любовь; а любовь дарила исцѣленіе и упоеніе. И я чувствовалъ, что приобщился нѣкой неизмѣримой, неистощимой благодати, для которой землерожденные еще не нашли вѣрныхъ словъ; а то, что я самъ могъ выразить въ словахъ, казалось мнѣ только преддверіемъ святыни, только папертью узрѣннаго мною храма...

Мое лицо было влажно. Не слезы ли это? — Но тогда это слезы исцѣленнаго, слезы счастья и благодарности... Или, можетъ быть, это былъ привѣтъ моей новадревней первородины?— Тогда я хотѣлъ бы сберечь его на всю жизнь и передать его другимъ людямъ, чтобы они испытали испытанную мною радость прощенія и обновленія.

И теперь если меня посѣщаетъ горе или овладѣваетъ мною тоска, и слезы появляются на глазахъ, то это уже другія, новыя слезы, которыя я не умѣю отличить отъ блаженной влаги моей первородины... Ибо я посѣтилъ нѣкій божественный берегъ и знаю навѣрное, что для сердечной боли есть мѣра, а для любви и прощенія — мѣры нѣтъ; и еще, что всякая боль и всякое горе есть только подготовленіе къ блаженству, есть только первая ступень къ просвѣтлѣнію духа...

О СТРАДАНИИ.

Какъ только ты почувствуешь себя страдающимъ, тѣлесно или душевно, — вспомни сейчасъ же, что не ты одинъ страдаешь и что всякое страданіе, — всякое безъ исключенія, — имѣетъ нѣкій высшій смыслъ. И тотчасъ же придетъ облегченіе.

Ты страдаешь не одинъ, потому что страдаетъ вокругъ тебя весь міръ. Надо только открыть свое сердце и внимательно присмотрѣться, и ты увидишь, что приобщенъ страданію вселенной. Все страдаетъ и мучается, — то въ беззвучной тишинѣ, скрывая свою боль, замалчивая свою скорбь, преодолевая страданіе про себя, то въ открытыхъ мукахъ, которыхъ никто и ничто не можетъ утолить... Томясь въ любви, вздыхая отъ неудовлетворенности, стеная въ самомъ наслажденіи, влачаясь въ бореніи, въ грусти и тоскѣ, — живетъ вся земная тварь, начиная съ ея перваго безпомощнаго дѣянія — рожденія изъ материнскаго лона, и кончая ея послѣднимъ земнымъ дѣяніемъ, таинственнымъ уходомъ «на покой». Такъ страдаетъ и человѣкъ вмѣстѣ со всею остальною тварью, — какъ членъ мірового организма, какъ дитя природы. Страній намъ не избѣжать; въ этомъ наша судьба и съ нею мы должны примириться. Естественно желать, чтобы они были не слишкомъ велики. Но надо учиться страдать достойно и одухотворенно. Въ этомъ великая тайна жизни; въ этомъ — искусство земного бытія.

Наше страданіе возникаетъ изъ свойственнаго намъ, людямъ, способа жизни, который данъ намъ разъ навсегда и котораго мы измѣнить не можемъ. Какъ только въ насъ просыпается самосознаніе, мы убѣждаемся въ нашей самостоятельности и безпомощности. Человѣкъ есть твореніе, призванное къ «бытію о себѣ», къ самодѣятельности и самоподдержанію; и въ то же время онъ служитъ всей природѣ какъ бы пассивнымъ средствомъ или «проходнымъ дворомъ». Съ одной стороны, природа печется о немъ, какъ о своемъ дѣтищѣ, раститъ его, строитъ, присутствуетъ въ немъ, наслаждается имъ, какъ существомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ; а съ другой стороны, она населяетъ его такими противоположностями, она развертываетъ въ немъ такой хаосъ, она предается въ немъ такимъ болѣзнямъ, какъ если бы она не знала ни цѣлесообразности, ни пощады. Такъ, я призванъ и предопредѣленъ къ самостоятельному дѣйствованію; но горе мнѣ, если я увѣрую въ свою полную самостоятельность и попробую предаться ей до

конца... Я — свободный духъ; но этотъ свободный духъ всю жизнь остается подчиненнымъ всѣмъ необходимымъ природы и ограниченнымъ всѣми невозможностями естества... Во мнѣ живеть нѣкая обобщающая сила сознанія, охватывающая міры и разверзающая мнѣ необъятные духовные горизонты; но эта сила всю свою жизнь замурована въ стѣнахъ своего единичнаго тѣла, она слабѣетъ отъ голода. Изнемогаетъ въ переутомленіи и изсякаетъ при безсонницѣ... Я обособленъ отъ другихъ людей, замкнутъ въ своей душѣ и въ своемъ тѣлѣ и обреченъ вести одинокую жизнь, ибо никто никого не можетъ ни впустить въ себя, ни вмѣстить въ своихъ предѣлахъ; и въ то же время другіе люди терзаютъ мнѣ душу и могутъ растерзать мое тѣло, какъ если бы я былъ ихъ игрушкой или рабомъ... Таковъ я; таковы мы всѣ, каждый изъ насъ въ отдѣльности, — однодневные цвѣты, распустившіеся для страданія, мгновенныя и беззащитныя вспышки вселенскаго огня...

«Жизнь ваша, смертные, сколь тѣнный даръ боговъ:
Цвѣтете мигъ одинъ, живые исполины»...

(Илличевскій).

Да и всѣ ли «цвѣтемъ»? Мы, вѣчные «пациенты» природы, покорные «пріемники» міровыхъ волнъ, чувствительнѣйшіе органы сверхъ-природы... Что то царственное, и рабствующее; нѣчто отъ Бога и кое-что отъ червя (Державинъ). Такъ много. И такъ мало. Свободные — и связанные. Цѣль міра — и жертва вселенной. Порабощенные ангелы. Созданія божественнаго хужожества, отданныя бактеріямъ въ пищу и чающія могильнаго тѣла...

Вотъ почему насъ такъ часто и такъ легко настигаетъ страданіе; вотъ почему мы должны примириться съ нимъ. Чѣмъ утонченнѣе человѣкъ, чѣмъ чувствительнѣе его сердце, чѣмъ отзвучивѣе его совѣсть, чѣмъ сильнѣе его творческое воображеніе, чѣмъ впечатлительнѣе его наблюдательность, чѣмъ глубже его духъ, — тѣмъ болѣе онъ обреченъ страданію, тѣмъ чаще его будутъ посѣщать въ жизни боль, грусть и горечь. Но мы часто забываемъ объ этомъ, мы не думаемъ о нашей общей судьбѣ и совсѣмъ не постигаемъ, что лучшіе люди страдаютъ больше всѣхъ... И когда на насъ самихъ изливается потокъ лишеній, муки, скорби и унынія, когда, какъ нынѣ, весь міръ погружается въ страданіе и содрогается во всѣхъ своихъ сочлененіяхъ, вздыхая, стеная и взывая о помощи, мы пугаемся, изумляемся и протестуемъ, считая все это «неожиданнымъ», «незаслуженнымъ» и «безсмысленнымъ»...

Только медленно и постепенно догадываемся мы, что всѣ мы, люди, подчинены этому закону земной твари. Сначала въ насъ просыпается смутное ощущеніе, глухое предчувствіе того, что на землѣ гораздо больше страданія, чѣмъ намъ казалось въ нашемъ дѣтскомъ чаяніи. Это предчувствіе тревожитъ насъ; мы пытаемся провѣрить наше ощущеніе — и постепенно, путями неописуемыми, въ почти не поддающихся оформленію ин-

туицяхъ — мы убѣждаемся въ томъ, что намъ дѣйствительно открылся законъ существованія, общій способъ жизни, владѣющій всей земной тварью, — что нѣтъ бытія безъ страданія, что всякое земное созданіе по самому естеству своему призвано страдать и обречено скорби. А человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ знаетъ не только это: онъ знаетъ еще, что, мы не только страдаемъ всѣ вмѣстѣ и сообща, но что мы всѣ еще мучаемъ другъ друга — то нечаянно, то нарочно, то въ безопасности, то отъ жестокости, то страстью, то холодомъ, то въ роковомъ скрещеніи жизненныхъ путей... И можетъ быть именно Достоевскій, этотъ мастеръ терзающагося сердца, былъ призванъ пролить свѣтъ на эту земную трагедію...

Такова жизнь, такова дѣйствительность... И могло ли бы это быть иначе?... И были ли бы мы правы, если бы стали желать и требовать иного?...

Представимъ себѣ на мигъ иную, обратную картину міра. Вообразимъ, что земная тварь освобождена отъ всякаго страданія, до конца и навсегда; что нѣкій могучій голосъ сказалъ ей: «Дѣлай, тварь, все, что хочешь. Ты свободна отъ страданія. Отнынѣ ты не будешь знать неудовлетворенія. Никакая тѣлесная боль не поразитъ тебя. Ни грусть, ни тоска, ни душевное раздвоеніе тебя не посѣтятъ. Духовная тревога не коснется твоей души. Отнынѣ ты приговорена къ вѣчному и всестороннему доволъству. Иди и живи».

Тогда началась бы новая, небывалая эпоха въ исторіи человечества...

Вообразимъ, что человѣкъ потерялъ навсегда даръ страданія. Ничто не угрожаетъ ему неудовлетворенностью: одновременно съ голодомъ и жаждою, этими первичными источниками труда и страданія, прекратилось и всякое недовольство собою, людьми и міромъ. Чувство несовершенства угасло навсегда и угасило вмѣстѣ съ собой и волю къ совершенству. Самый призракъ возможныхъ лишеній, доселѣ ведшій человѣка впередъ, отпалъ. Тѣлесная боль, предупреждавшая человѣка объ опасности для здоровья и будившая его приспособляемость, избирѣтельность и любознательность — отнята у него. Всѣ противоестественности оказались огражденными и безнаказанными. Всѣ уродства и мерзости жизни стали безразличными для новаго человѣка. Исчезло моральное негодованіе, возникавшее прежде отъ прикосновенія къ злой волѣ. Смолкли навсегда тягостные укоры совѣсти. Прекратилась навсегда духовная жажда, удивившая человѣка въ пустыню, къ великому аскезу... Всѣ всѣмъ довольны; все всѣмъ нравится; всѣ всему предаются — безъ мѣры и выбора. Всѣ живутъ неразборчивымъ, первобытнымъ сладострастіемъ, — даже не страстнымъ, ибо страсть мучительна, даже не интенсивнымъ, ибо интенсивность возможна лишь тамъ, гдѣ силы не растрачены, но скопились отъ воздержанія...

Какъ описать тѣ ужасныя, опустошительныя послѣдствія, которыя обрушились бы на человечество, обреченное на всестороннюю сытость?...

Въ мірѣ возникла бы новая, отвратительная порода «человѣко-образныхъ», — порода безразборчивыхъ наслажденцевъ, пребывающихъ на самомъ низкомъ душевномъ уровнѣ... Это были бы неунывающие лѣнты; ничѣмъ не заинтересованные безотвѣтственные лодыри, безъ темперамента, безъ огня, безъ подъема и безъ полета; ничего и никого не любящіе — ибо любовь есть прежде всего чувство лишенности и голода. Это были бы аморальные, безвкусные идіоты, самодовольные тупицы, развратные Лемуры. Вообразите ихъ недифференцированные, невыразительныя лица, эти плоскіе, низкіе лбы, эти мертвыя, мелкодонныя глядѣлки, вмѣсто бывшихъ глазъ и очей, эти бессмысленно чмокающіе рты... Слышите ихъ нечленораздѣльную рѣчь, это безразличное бормотаніе вѣчной пресыщенности, этотъ невеселый смѣхъ идіотовъ? Страшно подумать объ этой погибшей духовности, объ этой тупой порочности, объ этомъ униженіи ничего-не-вытѣсняющихъ полулюдей, которые прокляты Богомъ и обречены на то, чтобы не вѣдать страданія...

И когда представляешь себѣ эту картину, то видишь и чувствуешь, что даруетъ намъ д а р ъ с т р а д а н і я; и хочется молить всѣхъ небесныхъ и земныхъ врачей, чтобы они ради Господа не лишали людей этого дара. Ибо безъ страданія — намъ всѣмъ, и нашему достоинству, и нашему духу, и нашей культурѣ пришелъ бы скорый и трагическій конецъ.

Вотъ что оно намъ даруетъ... Какою глубиною свѣтятся глаза страдающаго человѣка! Какъ будто бы разступились стѣны, закрывавшіе его духъ и разошлись туманы, застилавшіе его сокровенную личность... Какъ значительно, какъ тонко и благородно слагаются черты лица у долго и достойно страдавшаго человѣка! Какъ элементарна, какъ непривлекательна улыбка, если она совсѣмъ не таитъ въ себѣ хотя бы прошлаго страданія! Какая воспитательная и очистительная сила присуща духовно осмысленному страданію! Ибо страданіе п р о б у ж д а е т ъ д у х ѡ ч е л о в ѣ к а, ведетъ его, образуетъ, оформляетъ, очищаетъ и облагораживаетъ... Духовная дифференціація, отборъ лучшаго и всяческое совершенствованіе были бы невозможны на землѣ безъ страданія. Изъ него родится вдохновеніе. Въ немъ закаляется стойкость, мужество, самообладаніе и сила характера. Безъ страданія нѣтъ ни истинной любви, ни истиннаго счастья. И тотъ, кто хочетъ научиться свободѣ, тотъ долженъ преодолѣть страданіе.

И мы хотѣли бы отъ этого отречься? И мы согласились бы потерять все это?... И ради чего?

Гегель сказалъ однажды, что все великое на землѣ создано страстью. Еще большее, еще глубочайшее надо сказать о страданіи: мы обязаны ему в с ѣ м ѣ, — и творчески-великимъ и творчески-малымъ. Ибо если бы человѣкъ не страдалъ, то онъ не пробудился бы къ творческому созерцанію, къ молитвѣ и духовному оформленію. Страданіе есть какъ бы с о л ь ж и з н и; нельзя, чтобы соль утрачивала свою силу. И болѣе того: страданіе есть с т р е м я щ а я с и л а ж и з н и; главный источникъ человѣческаго творчества; тонкій и зоркій учитель

мѣры; вѣрный стражъ и мудрый совѣтникъ; строгій призывъ къ облагороженію и совершенствованію; ангель-хранитель, ограждающій человѣка отъ пошлости и отъ снисженія. Тамъ, гдѣ этотъ ангель начинаетъ говорить, водворяется благоговѣйная тишина, ибо онъ взываетъ къ отвѣтственности и очищенію жизни; онъ говоритъ о заблужденіяхъ и соблазнахъ; онъ требуетъ, чтобы люди опомнились и обратились; онъ говоритъ объ отпадѣніи и дисгармоніи, объ исцѣленіи, просвѣтлѣніи и о доступномъ намъ блаженствѣ...

Страдающій человѣкъ вступаетъ на путь очищенія, самоосвобожденія и возврата въ родное лоно, — знаетъ онъ о томъ или не знаетъ. Его влечетъ въ великое лоно гармоніи; его душа ищетъ новаго способа жизни, новаго созерцанія, новаго синтеза, созвучія въ многозвучіи. Онъ ищетъ пути, ведущаго черезъ катарсисъ къ дивному равновѣсію, задуманному лично для него Творцомъ. Его зоветъ къ себѣ сокровенная, творческая мудрость міра, чтобы овладѣть имъ и исцѣлить его. Простой народъ знаетъ эту истину и выражаетъ ее словами «посѣщеніе Божіе»... Человѣкъ, которому послано страданіе, долженъ чувствовать себя не «обреченнымъ» и не «проклятымъ», но «взысканнымъ», «посѣщеннымъ» и «призваннымъ»: ему позволено страдать, дабы очиститься. И всѣ евангельскія исцѣленія свидѣтельствуютъ о томъ съ великой ясностью.

Таковъ смыслъ всякаго страданія. Нерѣшенной остается лишь судьба самого страдающаго человѣка: достигнетъ ли онъ очищенія и гармоніи въ настоящей земной жизни, или же эти дары дадутся ему черезъ утрату его земного тѣлеснаго облика...

Страданіе свидѣтельствуетъ о расхожденіи, о диссонансѣ между страдающимъ человѣкомъ и богосозданной природой: оно выражаетъ это отпадѣніе человѣка отъ природы, обозначая въ то же время начало его возвращенія и исцѣленія. Страданіе есть таинственное самоцѣленіе человѣка, его тѣла и души: это онъ самъ борется за обновленіе внутренняго строя и лада своей жизни, онъ работаетъ надъ своимъ преобразованиемъ, онъ ищетъ «возвращенія». Избавленіе уже началось, оно уже въ ходу; и человѣкъ долженъ прислушиваться къ этому таинственному процессу, приспособляться къ нему, содѣйствовать ему. Можно было бы сказать: «Человѣкъ, помоги своему страданію, чтобы оно вѣрно разрѣшило свою задачу. Ибо оно можетъ прекратиться только тогда, когда оно справится со своей задачей и достигнетъ своей цѣли»...

Поэтому мы не должны уклоняться отъ нашего страданія, спасаясь отъ него бѣгствомъ или обманывая себя. Мы должны стать лицомъ къ нему, выслушать его голосъ, понять и осмыслить его жалобу и пойти ему навстрѣчу. Это значитъ — принять его, какъ естественно и духовно-осмысленное явленіе. Ибо оно обращается къ намъ изъ тѣлесной образности самого міра: то, что въ насъ страдаетъ, есть такъ сказать сама міровая субстанція, которая стремится творчески возстановить въ насъ свое жизненное равновѣсіе. И если человѣкъ

повинуется своему страданію и идетъ къ нему навстрѣчу, то онъ скоро убѣждается въ томъ, что въ немъ самомъ раскрываются цѣлые запасы жизненной силы, которые ввязываются въ борьбу и стремятся устранить причину страданія.

Вотъ почему человѣку не слѣдуетъ бояться своего страданія. Онъ долженъ помнить, что бремя страданія состоитъ по крайней мѣрѣ на одну треть, а иногда и на добрую половину изъ страха передъ страданіемъ.

Но не подобаетъ дѣлать человѣку и обратное, т.е. нарочно или произвольно вызывать въ себѣ страданіе. Неправы тѣ, которые мучаютъ себя, занимаются самобичеваніемъ или оскотпляютъ себя. Они неправы потому, что на нихъ возлагается нѣкая претрудная внутренняя борьба, борьба духа со страстью и вмѣстѣ съ этимъ душевно-духовное страданіе въ этой борьбѣ; а они не хотятъ принять этой борьбы, перелагаютъ это страданіе въ матеріальную плоть, подмѣняютъ его тѣлесною болью, замѣняютъ его органическимъ увѣчемъ. Градусникъ показываетъ естественную температуру; ошибочно и нелѣпо дышать на градусникъ, взгоняя ртуть кверху, или прикладывать къ нему кусокъ льда, чтобы ртуть опустилась. Голодь, жажда и любовная тоска, вдохновеніе и, творчество — должны приходиться сами, въ силу естества тѣла души и духа; возбуждающіе, одурманивающіе или экстагическіе яды — противоестественны и фальшивы. Ошибочно противопоставлять природѣ — искажающій ее произволь. Все хорошее и вѣрное возникаетъ какъ бы по собственному почину, естественно, гармонически, какъ говорилъ Аристотель «*δι' αὐτοῦ*» («черезъ себя самого»). Мы призваны творчески жить и творчески любить; спокойно, мужественно и въ мудромъ послушаніи принимать приближающееся страданіе; и — главное — творчески преображать и просвѣтлять страданіе, уже наступившее насъ. Ибо страданіе есть не только плата за исцѣленіе, но призывъ къ преображенію жизни, къ просвѣтлѣнію души, оно есть путь, ведущій къ совершенствованію, лѣстница духовнаго очищенія. Человѣкъ долженъ нести свое страданіе спокойно и увѣренно, ибо въ послѣднемъ и глубочайшемъ измѣреніи страдаетъ въ насъ, съ нами и о насъ само Божественное начало. И въ этомъ послѣдній и высшій смыслъ нашего страданія, о которомъ намъ говорятъ евангельскія исцѣленія.

Вотъ почему страдающій человѣкъ не долженъ терять терпѣнія или тѣмъ болѣе отчаяваться. Наоборотъ, онъ долженъ творчески воспринимать и преодолевать свое страданіе. Если ему дана тѣлесная боль, то онъ долженъ найти органическія ошибки своей жизни и попытаться устранить ихъ; и въ то же время онъ долженъ настолько повысить и углубить свою духовную жизнь, чтобы ея интенсивность и ея горѣніе отвлекли запасы жизненной энергіи отъ тѣлесной боли. Не слѣдуетъ предаваться тѣлесной боли, пребывать въ ней, все время прислушиваться къ ней и бояться ея: это означало бы признать ея побѣду, отдаться ей и превратиться въ стенающую тварь. Надо противопоставить плотской боли — духовную сосредоточенность и внимать не тѣлесной мукѣ, а духовнымъ содержаніямъ. А

если кто-нибудь скажетъ, что онъ не умѣть этого или не можетъ вступить на этотъ путь, то пусть онъ крѣпко помолится объ этомъ умѣніи и объ этой силѣ и попытается идти по этому пути. Нѣтъ человѣка, который умѣлъ бы все и зналъ бы все и с к у с с т в а; а искусство одухотворять страданіе есть одно изъ высшихъ. Конечно, для побѣды надъ своей немощью нужна нѣкоторая высшая мощь; но эта высшая мощь можетъ быть вымолена, выработана и приобрѣтена. И каждая попытка, каждое усиліе въ этомъ направленіи будутъ вознаграждены сверхъ чаянія сторицею.

Но если человѣку послано душевное страданіе, — а оно можетъ быть гораздо тяжелѣе и мучительнѣе всякой тѣлесной муки, — то онъ долженъ прежде всего не бѣжать отъ него, а принять его, т.е. найти въ жизни время и досугъ для того, чтобы предаться ему. Онъ долженъ стать лицомъ къ лицу со своимъ душевнымъ страданіемъ и приучить себя созерцать его сущность и его причину. Надо научиться свободно и спокойно смотрѣть въ глубь своей страдающей души, съ молитвою въ сердцѣ и съ твердой увѣренностью въ грядущей побѣдѣ. Оку духа постепенно откроется первопричина страданія и эту первопричину надо назвать по имени и выговорить передъ собою во внутреннихъ словахъ и произнести эти правдивыя слова передъ лицомъ Божиимъ во внутренней очистительной молитвѣ. Чтобы одолѣть свою душевную муку, надо прежде всего не бояться ея и никогда не отчаяваться; надо не предаваться ея страхамъ и капризамъ, ея своеволію и ея тайнымъ наслажденіямъ (ибо душевная мука всегда прикрываетъ собою больныя наслажденія инстинкта); надо всегда обращаться къ ней творчески, съ властнымъ словомъ зовущаго господина; надо всегда говорить съ ней отъ лица духа и научиться прекращать ее приказомъ, уходомъ отъ нея и творческимъ напряженіемъ; надо разбивать ея туманы, ея обманы и навожденія, и превращать ея силу въ радость божественнымъ содержаніямъ жизни. Это путь изъ тьмы къ просвѣтленію и преображенію души. Вотъ почему сокровенный смыслъ душевнаго страданія можно было бы сравнить съ младенцемъ, дремлющимъ во чревѣ матери и чающимъ своего рожденія; ибо страданіе есть не проклятіе, а благословеніе; въ немъ скрытъ нѣкій духовный зарядъ, зачатокъ новыхъ постиженій и достижений, — нѣкое богатство, борющееся за свое осуществленіе.

Если же человѣкомъ овладѣваетъ духовное томленіе, то ему надлежитъ очистить его въ молитвѣ, чтобы оно преобразилось въ истинную и чистую міровую скорбь и тѣмъ возвело страдающаго къ Богу: ибо міровая скорбь есть въ послѣднемъ и глубочайшемъ измѣреніи — скорбь самого Бога, а скорбь вмѣстѣ съ Нимъ есть «благое иго» и «легкое бремя» (Мтѣ. 11, 30).

Вотъ почему апостолъ Іаковъ пишетъ. «Злостраждетъ ли кто изъ васъ? пусть молится» (Іак. 5, 13). Ибо молитва есть не что иное, какъ воздыханіе духа къ Богу, то «неизреченное воздыханіе», которымъ «Самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ»

(Римл. 8, 26). Молитва есть зовъ о помощи, направленный къ Тому, Кто зоветъ меня къ себѣ черезъ мое страданіе; она становится творческимъ началомъ творческаго преобразованія и просвѣтлѣнія моего существа.

Но совершить все это никто не можетъ «за меня» или «вмѣсто меня», страдающаго: все это мое личное дѣло, мое усиліе, мой подъемъ, мой взлетъ, мое творческое преображеніе. Другой человекъ можетъ помочь мнѣ совѣтомъ. Господь не можетъ не помочь мнѣ дарованіемъ силъ и свѣта. Но совершить мое очищеніе и просвѣтлѣніе долженъ я самъ. Вотъ почему оно требуетъ свободы и безъ свободы невозможно. Свободное созерцаніе, свободная любовь, свободная молитва составляютъ самую сущность этой творческой мистеріи, мистеріи земного страданія. И именно этимъ опредѣляется вѣрный путь, ведущій къ истинному счастью на землѣ.

О СМЕРТИ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Дорогой мой. Ты хотѣлъ знать, что я думаю о смерти и о безсмертіи, и я готовъ изложить тебѣ мое пониманіе. Я не выдумалъ его, а выстрадалъ и выносилъ его въ теченіе долгаго ряда лѣтъ. И теперь, когда опять пришло такое время, что смерть паритъ надо всѣми нами и каждый изъ насъ долженъ готовиться къ уходу изъ земной жизни, я вновь пересмотрѣлъ мой опытъ и мое видѣніе, и расскажу тебѣ, къ чему я пришелъ. Въ такія времена всѣ чувствуютъ и предчувствуютъ наступленіе своего конца, и потому невольно возвращаются воображеніемъ и мыслью къ проблемѣ смерти. При этомъ человѣкъ чувствуетъ себя смущеннымъ и подавленнымъ, потому что онъ не знаетъ, что же такое смерть на самомъ дѣлѣ, и еще потому, что никто изъ насъ не можетъ примириться со своею смертью и включить ее въ свою жизнь. Такія времена обычно называются «тяжкими» и «страшными», а въ дѣйствительности это времена духовнаго испытанія и обновленія, — суровыя, но благотворныя времена Божьяго посѣщенія.

Видишь ли, у меня всегда было такое ощущеніе, что въ смерти есть нѣчто благодное, прощающее и исцѣляющее. И вотъ почему.

Стоить мнѣ только подумать о томъ, что, вотъ, эта моя земная особа, во всѣхъ отношеніяхъ несовершенная, наслѣдственно обремененная, вѣчно болѣзненная, въ сущности неудавшаяся ни природѣ, ни родителямъ, — сдѣлалась бы безсмертною, — и меня охватываетъ подлинный ужасъ... Какая жалкая картина: самодовольная ограниченность, которая собирается не умирать, а заполнить собою все время. Несовершенство, которое не подлежитъ ни исправленію, ни угашенію... Безконечный «огрѣхъ», вѣчный недотепа... Что то вродѣ фальшиваго аккорда, который будетъ звучать всегда... Или — несмыслимое пятно земли и неба... Вижу эту приговоренную къ неумиранію тѣлесную и душевную ошибку природы — въ видѣ моей особы, и думаю: а вѣдь законы природы будутъ дѣйствовать съ прежней неумолимостью, и я буду становиться все старше и навѣрное все немощнѣе, все безпомощнѣе, страшнѣе и тупѣе — и такъ безъ конца. Какая претензія и какое несчастье! Послѣ этихъ видѣній я просыпаюсь, какъ отъ тяжелаго сна — къ благословенной дѣйствительности, къ реально ожидающей меня смерти... Какъ хоро-

шо, что она придетъ и поставитъ свою грань. Какъ это прекрасно, что она прекратитъ мою земную дисгармонію. Значитъ, эта міровая ошибка, носящая мое земное имя, можетъ быть погашена или исправлена... А смерть придетъ, какъ избавительница и цѣлительница. Милостиво укроетъ меня своимъ покровомъ. Дастъ мнѣ прощеніе и отпущъ. Откроетъ мнѣ новыя, лучшія возможности. А я приму отъ нея свободу и, ободренный ею, начну восхожденіе къ высшей гармоніи.

И вотъ, это ожиданіе и эта увѣренность даруютъ всей моей жизни — мѣру и форму. Слава Богу, все мое земное страстное кипѣніе, эта безконечная борьба съ самимъ собою, съ моими противниками и со слѣпымъ безразличіемъ человѣческой толпы, эта борьба, въ которой я отъ времени до времени изнемогаю, доходя до муки и отчаянія, — все это не будетъ длиться вѣчно, не заполнитъ всѣ Божія времена... Не вѣчно придется мнѣ заживлять тѣ раны, которыя происходятъ отъ встрѣчи моей немощи съ непомѣрными заданіями жизни и міра. Придетъ часъ и «отрѣшитъ вола отъ плуга на послѣдней бороздѣ»... (Пушкинъ). Безмѣрная длительность отпадаетъ и моя жизнь получаетъ мѣру срока, мѣру долга, мѣру въ напряженіи, мѣру плѣна и мѣру томленія. Какъ это благостно... Моя жизнь пріобрѣтаетъ форму — форму свершающаго конца. Я знаю, я твердо знаю, что придетъ избавленіе, что откроется освобождающій исходъ и что мнѣ надо къ нему готовиться. И вотъ главное: мнѣ надо постараться, чтобы мой земной конецъ сталъ не обрывомъ, а завершеніемъ всей моей жизни; всѣ цѣли мои, всѣ мои труды и творческія напряженія должны вести къ этому завершенію. Правда, я не знаю, когда и какъ наступитъ этотъ конецъ. Но и это — благо, ибо это понуждаетъ меня быть всегда готовымъ ко всему, къ отозванію и уходу. Одно ясно: мѣряя человѣческой мѣрой, надо признать, что срокъ не слишкомъ далекъ и что мнѣ нельзя терять времени. Нельзя откладывать того, что должно быть сдѣлано. Но за то есть много такого, что надо совсѣмъ отмѣнить, устранить съ дороги. Время мое ограничено и никто не знаетъ, какимъ срокомъ. А когда осмотришься, то видишь, что неизмѣримое, чудесное богатство міра, — природы, человѣческаго общенія и культуры, — всѣ эти возможности созерцанія и радости, всѣ эти поводы духовнаго воспріятія и духовной отдачи, всѣ эти творческіе зовы и заданія, — все это неисчерпаемо, отвѣтственно, претрудно и обязывающе...

Такимъ образомъ смерть становится для меня оформляющимъ и осмысливающимъ началомъ жизни, не то призывомъ, не то совѣтомъ. Какъ если бы старшій другъ, любящій и заботливый, сказалъ мнѣ: «знаешь что, жизнь то вѣдь коротка, а прекраснымъ возможностямъ — въ любви, въ служеніи, въ созерцаніи и созиданіи, — нѣтъ числа; не лучше ли оставить безъ вниманія все пошлое, жалкое и ничтожное и выбрать себѣ лучшее, подлинно лучшее, на самомъ дѣлѣ прекрасное, чтобы не утратить божественныхъ красотъ міра и жизни?...

Идея смерти, какъ бы открываетъ мнѣ глаза и вызываетъ во мнѣ какой то неутолимый голодъ, жажду истиннаго качества, волю къ божественнымъ содержаніямъ, рѣшеніе выбирать и отбирать, вѣрно, не ошибаясь и не обманываясь. Я постепенно учусь различать, — что дѣйствительно хорошо и прекрасно передъ лицомъ Божиимъ и что мнѣ только кажется хорошимъ, а на самомъ дѣлѣ лишь соблазняетъ, прельщаетъ и разочаровываетъ. И проходя этотъ жизненный искусь, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что въ жизни есть многое множество содержаній, занятій и интересовъ, которыми не стоитъ жить или которыя не сто́ятъ жизни; и, напротивъ, есть такія, которыя раскрываютъ и осуществляютъ истинный смыслъ жизни. А смерть даетъ мнѣ для всѣхъ этихъ различеній и познаній — вѣрный масштабъ, истинный критерій.

Мнѣ думается, что всѣ мы уже переживали и еще переживемъ не разъ нѣчто подобное: когда близится смерть, или когда по крайней мѣрѣ тѣнь смерти осыпаетъ насъ, то всѣ содержанія и цѣнности жизни какъ то вдругъ, словно сами по себѣ переоцѣниваются. Все то, что въ тусклой повседневности, во время безопаснаго прозябанія казалось намъ стершимся, безразличнымъ, почти обезцѣнившимся, — вдругъ раскрываетъ свои различія, показываетъ свое настоящее качество и находитъ себѣ вѣрное мѣсто и истинный рангъ. Око смерти глядитъ просто и строго; и не все в жизни выдерживаетъ ея пристального взгляда. Все, что пошло, тотчасъ же обнаруживаетъ свое ничтожество, на подобіе того, какъ листы бумаги, охваченные огнемъ, вдругъ вспыхиваютъ яркимъ пламенемъ и сейчасъ же чернѣютъ, распадутся и истлѣваютъ въ пепелъ. Такъ, что вполсѣдствіи даже не вѣрится, что этотъ прахъ и тлѣнь могъ представляться важнымъ и цѣннымъ. Но зато, все истинно цѣнное, значительное и священное утверждается передъ лицомъ смерти, побѣдоносно выходитъ изъ огненнаго испытанія и является въ своемъ истинномъ сіяніи и величій. Первое изобличается и разоблачается; второе оправдывается и подлинно освящается. И не то чтобы мы сами это производили; нѣтъ, это огненное испытаніе идетъ отъ смерти и осуществляется ея близкимъ дыханіемъ.

Бываютъ въ человѣческой жизни такіе дни и минуты, когда человѣкъ внезапно видитъ смерть передъ собой. Ужасныя минуты. Благословенныя дни. Тогда смерть, какъ нѣкій Божій посолъ, судитъ нашу жизнь. И вся наша жизнь проносится передъ нашимъ духовнымъ взоромъ, какъ на молніеносномъ парадѣ. И все, что въ ней было вѣрнаго и благого, все, чѣмъ на самомъ дѣлѣ стоитъ жить, — все утверждается, какъ подлинная реальность, все возносится въ сіяніи; а все, что было мелко, ложно и пошло, — все сокрушается и посрамляется. И тогда человѣкъ проклиная всю эту ложь и пошлость, и судитъ себя, какъ растратчика силъ и глупаго мота. Зато — какъ онъ радуется всему вѣрному и подлинному, и самъ не понимаетъ, какъ это онъ могъ жить доселѣ чѣмъ-нибудь инымъ. Онъ слышитъ, какъ въ глубинѣ его души все упущенное стонетъ и мо-

лить о возстановленіи; и самъ начинаетъ мечтать о томъ, чтобы прошлая жизнь считалась прожитою «начерно» и чтобы была дана ему возможность прожить новую жизнь уже «набѣло». Мгновенно рождаются планы новой, чудной жизни, и тутъ же беззвучно произносятся клятвы вѣрности ей, а къ Богу восходятъ молитвы о дарованіи новыхъ сроковъ и новыхъ возможностей...

А когда опасность смерти проносится и вновь наступаетъ тишина и спокойствіе, тогда человѣкъ видитъ, что вся его жизнь была какъ бы разобрана и провѣяна, и дѣлаетъ одинъ изъ значительнѣйшихъ выводовъ своей жизни: не все, чѣмъ мы живемъ, стоитъ того, чтобы мы отдавали ему свою жизнь. Только тѣ жизненные содержанія и акты полноцѣнны, которые не боятся смерти и ея приближенія, которыя могутъ оправдаться и утвердиться передъ ея лицомъ. Все, что стоитъ нашего выбора и предпочтенія, нашей любви и служенія даже и въ предсмертный часъ, — все прекрасно и достойно. За что можно и должно отдать жизнь, то и надо любить, тому и надо служить. Жить стоитъ только тѣмъ, за что стоитъ бороться на смерть и умереть; все остальное малоцѣнно или ничтожно. Все, что не стоитъ смерти, не стоитъ и жизни. Ибо смерть есть пробный камень, великое мѣрило и страшный судія.

Вотъ какъ я созерцаю смерть, мой дорогой другъ. Смерть не только благодѣтельна, она не только выручаетъ насъ изъ земной юдоли и снимаетъ съ насъ непомѣрность мірового бремени. Она не только даруетъ намъ жизненную форму и требуетъ отъ насъ художественнаго завершения. Она есть еще нѣкая таинственная, отъ Бога намъ данная, «мѣра всѣхъ вещей» или всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Она нужна намъ не только какъ узорѣшительница или какъ великая дверь для послѣдняго ухода; она нужна намъ прежде всего въ самой жизни и для самой жизни. Ея облачная тѣнь дается намъ не для того, чтобы лишить насъ свѣта и радости, или чтобы погасить въ нашей душѣ охоту жить и вкусъ къ жизни. Напротивъ, смерть воспитываетъ въ насъ этотъ вкусъ къ жизни, сосредоточивая и облагораживая его; она учитъ насъ не терять времени, хотѣть лучшаго, выбирать изъ всего одно прекрасное, жить Божественнымъ на землѣ, пока еще длится наша недолгая жизнь. Тѣнь смерти учитъ насъ жить свѣтомъ. Дыханіе смерти какъ бы шепчетъ намъ: «опомнитесь, одумайтесь и живите въ смертности безсмертными». Ея приближеніе дѣлаетъ наши слабые и близорукіе глаза — зрячими и дальнозоркими. А ея окончательный приходъ освобождаетъ насъ отъ бремени естества и отъ тѣлесной индивидуаціи. Позволительно ли намъ проклинать ее за все это и считать ее началомъ зла и мрака.

Я понимаю, что ея окончательность и непоправимость, ея таинственность и загадочность — могутъ внушать людямъ трепетъ. Но вѣдь потокъ жизни, въ которомъ мы все время пребываемъ — несетъ намъ ежеминутно ту же непоправимость, ту же таинственность и непостижимую сложность. Вѣдь каждый

мигъ нашего земного пути невозвратимъ и, отгорая, уносится въ какую то пропасть; и эта бездна прошлаго и надвигающаяся на насъ бездна будущаго не менѣе страшны, чѣмъ мигъ предстоящей намъ смерти. Жизнь не менѣе таинственна, чѣмъ смерть; только мы закрываемъ себѣ глаза на это и привыкаемъ не видѣть. А смерть, если ее вѣрно увидѣть и понять, есть не что иное, какъ особый и величественный актъ личной жизни. И тому, кто ее вѣрно увидитъ и постигнетъ, она откроется, какъ новый другъ, бережный, вѣрный и мудрый.

О БЕЗСМЕРТІИ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Но ты хотѣлъ еще знать, мой другъ, признаю ли я безсмертіе личной души; и я хотѣлъ бы отвѣтить тебѣ и на этотъ вопросъ, со всею прямою и откровенностью, но помимо всякой богословской учености.

Скажу тебѣ по совѣсти, что самая мысль объ окончательномъ, безслѣдномъ исчезновеніи моей духовной личности, кажется мнѣ бессмысленной, слѣдующей изъ порожденной и мертвой. Эту «возможность» я переживаю, какъ нелѣпую и отпугивающую невозможность, которую даже обсуждать не стоитъ, ну приблизительно такъ, какъ если бы кто-нибудь началъ разсуждать о темномъ свѣтѣ, о безсильной силѣ, или о небытіи бытія. Есть люди, склонные къ пустому, конструктивному мышленію: они не хотятъ исходить отъ реальностей, ихъ прельщаетъ стройность и послѣдовательность мысли, безпочвенность имъ не страшна, а въ истину они не вѣрятъ. Имъ то и надо предоставить оперировать съ такими понятіями, какъ «смертность живого духа». Но присущее мнѣ чувство реальности уклоняется отъ этого. Каждый человѣкъ и въ особенности каждый ученый изслѣдователь долженъ обладать нѣкимъ вѣрнымъ чутьемъ, опытнымъ въ созерцаніи глазомъ, интуитивнымъ ощущеніемъ предмета и его объективной природы, чтобы не поддаваться такимъ соблазнамъ и не тратить время на обсужденіе пустыхъ и отвлеченныхъ возможностей, чтобы не гоняться за такими логическими призраками и не впадать въ «послѣдовательную», но мертвую схоластику. Нереальные возможности суть невозможности, празднаыя фикціи. А тотъ, кто хочетъ говорить о реальныхъ возможностяхъ, тотъ обязанъ находить соответствующія реальности и держаться за нихъ.

Вотъ почему я хотѣлъ бы установить, что о смерти нашей духовной личности можетъ говорить только тотъ, кто или совсѣмъ лишенъ духовнаго опыта или не желаетъ пребывать въ немъ и опираться на него. Возможно, что при этомъ онъ исходитъ всецѣло изъ чувственнаго опыта естествознанія, разсудочно переработаннаго и духовно не осмысленнаго, принимаемаго имъ за единственно допустимый и вѣрный опытъ. Но возможно, что онъ исходитъ при этомъ и изъ буквеннаго пониманія какой нибудь философской

или религиозной книги, въ которой объ этомъ «ничего не сказано» или же сказано какъ разъ обратное. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ люди идутъ мимо настоящаго первоисточника, мимо подлиннаго духовнаго опыта и настоящихъ духовныхъ реальностей, и судятъ о томъ, что отъ нихъ скрыто.

Этотъ опытный источникъ, эту подлинную реальность, каждый изъ насъ долженъ пережить лично и самостоятельно, онъ долженъ носить ихъ въ самомъ себѣ, для того, чтобы судить о нихъ — изъ нихъ. Если онъ лишенъ этого опыта, если онъ ему совершенно недоступенъ, то врядъ ли окажется возможнымъ дать ему сколько-нибудь наглядное представленье о духѣ и его жизни, а «доказательство» станетъ уже совсѣмъ невозможнымъ. Но если у него есть хотя бы слабое ощущенье духа, какъ бы «горчичное зерно» этого опыта, или тлѣющая искра, скрытая подъ пепломъ повседневной жизни и способная дать пламя, то ему навѣрное можно будетъ показать все существенное и добиться взаимнаго пониманія.

При всемъ этомъ я имѣю въ виду живой опытъ нашего не матеріальнаго, не тѣлеснаго и притомъ именно духовнаго бытія.

Страшно намъ земнороднымъ помышлять о смерти. Страшно намъ представить себѣ, что наше тѣлесное естество распадется и предастся тлѣнію. Страшно намъ, что угаснетъ наше земное сознаніе и самосознаніе, прилѣпленное къ нашему тѣлу, связанное с нимъ, имъ ограниченное и въ то же время обогащенное. Прекратится все мое «здѣшнее». Разстроится все мое земное душевно-тѣлесное устройство. Что останется тогда отъ меня? Да и останется ли чтонибудь? Что сдѣлается со мной? Куда я дѣнусь? Что это за безслѣдное, таинственное исчезновеніе въ вѣчномъ молчаніи? Вопросъ встаетъ за вопросомъ и остается безъ отвѣта. Тьма. Бездна. Конецъ. Больше никогда.

Есть однако ключъ къ этой томительной загадкѣ, есть нѣкій подступъ къ этой пугающей тайнѣ. А именно: никто не можетъ дать мнѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ, только я самъ, только я одинъ могу сдѣлать это и притомъ черезъ мой собственный внутренній опытъ. Въ этомъ опытѣ я долженъ пережить и увидѣть мое собственное духовное естество и добыть себѣ очевидность моего духовнаго безсмертія. Пока я этого не совершу, всякій чужой отвѣтъ, какъ бы умно и изящно он ни былъ оформленъ, будетъ мнѣ не ясенъ, не убѣдителенъ, не окончателенъ; — уже въ силу одного того, что земной языкъ не имѣетъ для этихъ обстояній вѣрныхъ словъ и отчетливыхъ представлений, а сверхъземному языку я еще долженъ самостоятельно научиться, т. е. приобрести его, или (— еще точнѣе) творчески создать его въ себѣ, чтобы понимать его и владѣть имъ. Если я, напримѣръ, не разумѣю по китайски, то сколько бы живые свидѣтели не рассказывали мнѣ на китайскомъ языкѣ о китайскихъ событіяхъ, я останусь в недоумѣніи, ничего не узнаю и ничего не пойму. Чтобы у зѣ

рѣть сверхземное, надо реализовать и оформить въ себѣ сверхземной способъ жизни, изъ котораго потомъ и возникнетъ сверхземной языкъ... И все это—въ предѣлахъ земной жизни.

Страшно намъ земнороднымъ помышлять о смерти, потому что мы не умѣемъ отрываться отъ земного, чувственно-тѣлеснаго способа быть и мыслить, и, не умѣя, цѣпляемся за наше тѣло, какъ за спасеніе. Мы принимаемъ его за наше «главное», за наше настоящее существо, а оно есть только Бого-данная «дверь», вводящая насъ во внѣшній, матеріальный міръ со всей его бременящей грузностью и легчайшей красотой. И когда мы видимъ, что эта «дверь» отказывается служить намъ и рассыпается въ прахъ, когда мы думаемъ о томъ, что наше тѣло станетъ «безгласною, бездыханною» перстію, то мы въ смятеніи готовы допустить, что это и есть нашъ сущій и безслѣдный конецъ...

Мы не можемъ и не должны презирать или тѣмъ болѣе «отвергать» наше тѣло: вѣдь оно вводитъ насъ въ вещественный міръ, полный разума и красоты: оно открываетъ намъ всѣ чудеса Бого-созданной твари, всю значительность, и чистоту, и величіе матеріальной природы. Тѣло есть необходимое и естественное орудіе нашего приобщенія къ Божьему міру, нашего участія въ немъ; и, пока мы живы, оно должно оставаться въ нашемъ свободномъ и здоровомъ распоряженіи. Оно дается намъ совсѣмъ не напрасно, ибо міръ природы, въ который оно насъ вводитъ, есть таинственное и прикровенное воплощеніе мысли Божіей, живой и художественный символъ Его мудрости, такъ что и мы сами становимся участниками этого воплощенія и этого символа, его живою частью, его органическимъ явленіемъ. Славно и дивно, что намъ былъ открытъ этотъ доступъ... Но еще лучше, что онъ открывается намъ на время и потомъ будетъ отнятъ и закрытъ: ибо намъ предстоитъ нѣчто болѣе высокое, совершенное и утонченное.

Итакъ, несомнѣнно, что наше тѣло входитъ въ земной составъ нашей личности. Но несомнѣнно также, что оно не входитъ въ составъ нашего духовнаго бытія. И въ этомъ мы должны убѣдиться еще при жизни. Мы должны научиться не переоцѣнивать нашего тѣла и отводить ему подобающее мѣсто и надлежащій рангъ въ нашемъ существованіи.

Человѣкъ способенъ не только къ чувственно-тѣлесному опыту. Ему доступенъ еще иной, не чувственный и все же предметный опытъ; и мы должны вынашивать его, очищать его и предаваться ему. Намъ дана способность извлекать себя изъ тѣлесныхъ ощущеній чувственныхъ впечатлѣній, уходить нашимъ вниманіемъ и созерцаніемъ внутрь, въ глубину душевно-духовныхъ объемовъ и освобождать существенное ядро нашей личности отъ гнета и наважденій матеріи. Предаваясь этой способности и развивая ее въ себѣ, мы постепенно открываемъ свое нетѣлесное бытіе и утверждаемъ его, какъ главное и существенное. Мы приобретаемъ нечувственный опытъ, напо-

ненный нечувственными содержаниями и удостоверяющій насъ въ бытіи духовныхъ законовъ и предметовъ. И первое, что намъ при этомъ открывается, это наша собственная духовная личность.

Мое духовное Я открывается мнѣ тогда, когда я убѣждаюсь, что я есмь творческая энергія, такая энергія, которая сама не матеріальна, но имѣетъ призваніе владѣть своимъ тѣломъ, какъ символомъ, какъ орудіемъ, какъ одѣяніемъ. Эта духовная энергія имѣетъ силу не служить своему земному тѣлу, но господствовать надъ нимъ; она имѣетъ власть отвлекаться отъ него и преодолевать его; она не признаетъ его «мѣрою всѣхъ вещей». Эта творческая энергія живетъ ради другихъ цѣнностей и служить другимъ цѣлямъ. У нея другіе критеріи и мѣрила. У нея совершенно инныя формы, иные законы жизни, иные пути и состоянія чѣмъ у тѣла или вообще у матеріи: это формы — духовной самостоятельности и свободы, это законы — духовнаго достоинства и отвѣтственности, это пути — духовнаго очищенія и самосовершенствованія, это состояніе безсмертія и богосыновства. Эта энергія, какъ таковая, есть изначально и существенно искра Божія; и человѣкъ призванъ къ тому, чтобы принять и утвердить въ себѣ эту Божию искру, какъ свою подлинную и собственную сущность; человѣкъ долженъ предаться этой духовной искрѣ, потерять себя въ ней и тѣмъ самымъ найти себя вновь. Тогда онъ самъ станетъ Божіей искрой и сумѣетъ разжечь ее въ цѣлое пламя, а себя превратить въ не сгорающую купину духа.

Но въ дѣйствительной жизни дѣло совѣмъ не обстоитъ такъ, что человѣкъ остается двойственнымъ и распадающимся, такъ что Божія искра горитъ въ человѣкѣ сама по себѣ и человѣкъ живетъ ея силою, ея формами и содержаниями, а земное тѣло чадитъ само по себѣ, со всѣми своими слабостями и необходимостями, во всей своей тварности и тлѣнности. Нѣтъ, человѣкъ предназначенъ къ единству и призванъ быть живою и творческою цѣлокупностью. Мой духъ, эта творческая искра Бога, призванъ къ тому, чтобы пронизать мою душу и прожечь мое тѣло, превратить и тѣло и душу въ свое орудіе и въ свой символъ, очистить ихъ отъ мертваго бремени и художественно преобразить ихъ. Каждому изъ насъ дается своя искра и эта искра хочетъ разгорѣться въ насъ и стать огненной купиной, пламя которой должно охватить всего человѣка и превратить его въ Божіе огнилище, въ нѣкій земной маякъ Всевышняго. Итакъ, въ этомъ жизненномъ развитіи искра Божія очеловѣчивается и индивидуализируется, а человѣкъ оправдываетъ свое существованіе и освящается въ своемъ творествѣ. Человѣкъ становится художественнымъ созданіемъ Божиимъ, личнымъ свѣтильникомъ Его Свѣта, индивидуальнымъ іероглифомъ Духа Божія... И тотъ, кто хоть нѣсколько касался этой тайны единенія, этого художества Божія въ человѣческой душѣ,

тотъ сразу пойметъ и приметъ слово преподобнаго Серафима Саровскаго, сказавшаго: «Богъ заботится о каждомъ изъ насъ такъ, какъ если бы онъ былъ у Него единственнымъ».

И вдругъ я слышу, что эта олицетворенная искра Божія, это художественное созданіе Его Духа, въ которомъ Божія благодать и личная свобода человѣка сочетались и объединились въ творческой мистеріи — имѣетъ погибнуть, распасться, исчезнуть въ ничтожествѣ, пустотѣ и смерти... И къ этой праздной выдумкѣ слѣпыхъ людей я долженъ отнестись серьезно и принять ее на вѣру? Эти духовно слѣпые люди свято вѣруютъ въ законъ сохраненія з е м н о й матеріи и ф и з и ч е с к о й энергіи: это для нихъ достовѣрно, въ этомъ они не сомнѣваются. Но именно потому, что духъ не есть ни матерія, ни физическая сила, онъ, по ихъ мнѣнію, или вовсе не существуетъ, или же безслѣдно погибнетъ... Духъ — эта свободнѣйшая и интенсивнѣйшая энергія, призванная къ созерцанію невидимаго, къ воспріятію сверхчувственнаго, къ обхожденію съ безсмертными содержаніями, постигающая именно въ этомъ обхожденіи свое собственное призваніе и безсмертіе... Какая жалкая попытка перенести самую бренную мысль земнаго міра, — мысль о смерти, — въ сферу нетлѣнныхъ и непреходящихъ обстояній духа...

Есть великій Художникъ, который создалъ внѣшній міръ во всѣхъ его великолѣпныхъ законахъ и строгихъ необходимыхъ, и который донинѣ продолжаетъ создавать міръ человѣческихъ духовъ, во всей его дивной свободѣ и безсмертности. Мы — Его искры, или Его художественныя созданія, или Его дѣти. И именно въ силу этого мы безсмертны. И наша земная смерть есть не что иное, какъ наша сверхземное рожденіе. Правда, человѣку лишь рѣдко удается предоставить свою свободу цѣликомъ — Божьему пламени; лишь рѣдко становится человѣкъ во всей своей свободѣ совершеннымъ художественнымъ созданіемъ Духа. Но каждый человѣкъ имѣетъ опредѣленную ступень достижимаго для него совершенства. Всю жизнь свою онъ созрѣваетъ, восходя къ этой ступени; всю свою жизнь онъ з р ѣ т ъ къ с м е р т и. И земная смерть его наступаетъ тогда, когда ему не дано подняться выше, когда ему нечего болѣе достигать, когда онъ созрѣлъ къ смертному уходу.

Другъ мой. Это было великимъ счастьемъ, что мнѣ дано было узрѣть Божій міръ, внять его голосу, воспринять его живое дыханіе, — хотя бы бѣгло, скудно и безпомощно... Я вѣдь всегда зналъ и помнилъ, что за этимъ, хотя бы кратко и поверхностно воспринятымъ мною великолѣпіемъ, имѣется еще безконечное богатство красоты, величія и таинственной значительности, котораго я не могу воспринять, которое для меня погибаетъ. И все-таки — какое счастье, что мнѣ довелось посѣтить этотъ Божій садъ! Сколь благостно было это данное мнѣ разрѣшеніе, какъ много получилъ мой духъ отъ этого пребыванія, — отъ прелести этихъ цвѣтовъ, отъ этихъ радостно-сіяющихъ бабочекъ, отъ молчаливо молящихся горъ, отъ благовѣствующихъ

потоковъ, отъ тишины облаковъ, отъ ликованія птицъ, отъ всѣхъ земнородныхъ существъ. Отъ моря и отъ звѣздъ. Отъ добрыхъ и отъ злыхъ людей, и въ особенности отъ великихъ созерцателей, которые хвалили Творца словами и помыслами, въ пѣніи и въ живописаніи, изображеніемъ и изученіемъ — или же прямою молитвою. Какое незаслуженное богатство! Какая неисчерпаемая глубина! Поистинѣ великіе и неоплатные дары...

И это тоже было великимъ счастьемъ, что я не только могъ видѣть этотъ міръ, но и участвовать въ его жизни своею жизнью: что я могъ самъ дышать, любить и страдать, совершать поступки и дѣлать ошибки, идти по пути очищенія, вѣрить и молиться; что я имѣлъ возможность испытать на самомъ себѣ законы мірового естества и осуществлять свою духовную свободу живыми рѣшеніями и дѣлами; — что мнѣ было предложено жить и созрѣвать къ смерти...

А потомъ я буду отозванъ, такъ, какъ если бы я созрѣлъ для этого отозванія, и какъ если бы я оказался достоинъ приобщиться новому, нынѣ для меня невообразимому, сверхъземному богатству, — чтобы воспринять его нѣкимъ новымъ, внутреннимъ, непосредственно-интимнымъ способомъ. Все, что я упустилъ и утратилъ, все, что я, какъ чувственно-ограниченное земное существо, не сумѣлъ воспринять и въ чемъ я смутно чувствовалъ или блаженно предчувствовалъ невыразимое въ словахъ дуновение моего Творца, — все это и еще иное, прекраснѣйшее, ожидаетъ меня тамъ, зоветъ меня туда, — все это откроется мнѣ по новому въ неземныхъ образахъ и видѣніяхъ. Тогда я буду воспринимать сущее, не какъ внѣшній мнѣ предметъ, но свободнымъ и блаженнымъ приобщеніемъ къ его сущности: это будетъ творческое отождествленіе, въ которомъ мой духъ будетъ богатѣть, не утрачивая личную форму, но совершенствуя ее. Мнѣ еще надо все увидѣть и постигнуть, оставаясь самимъ собою, все воспринять, чего меня лишала моя земная ограниченность, пережить ликуя всѣ чудеса Божьяго богатства, которые уже открылись мнѣ или еще не открылись мнѣ въ предчувствіяхъ, мечтахъ и созерцаніяхъ моей земной жизни.

Мнѣ предстоитъ долгое и блаженное восхожденіе къ моему Творцу, къ моему Отцу, Спасителю и Утѣшителю, — въ дивованіи и въ молитвѣ, въ очищеніи и благодареніи, въ возрастаніи и утвержденіи. И въ этомъ истинный смыслъ моего безсмертія, ибо всякое несовершенство неуютно Богу и въ твореніи Его неумѣстно...

Такъ я понимаю безсмертіе человѣческаго духа.

V. У ВРАТЪ.

- 26. О Божіей тнани**
- 27. Рождественское письмо**
- 28. Потерянный день**
- 29. О терпѣніи**
- 30. О совѣсти**
- 31. Оптимизмъ**
- 32. Объ искренности**

О БОЖІЕЙ ТКАНИ.

Вчера зашелъ ко мнѣ мой сосѣдъ — душу облегчить. Онъ посидѣлъ у меня съ полчаса, долго раскуривалъ свою прокуренную трубочку и подъ конецъ разсказалъ о самомъ важномъ, что у него лежало на сердцѣ.

«Мой отецъ, знаете, былъ очень добрый человекъ. Онъ давно уже скончался, но какъ вспомнишь его, такъ на душѣ тепло и свѣтло сдѣлается. Онъ былъ, понимаете, портной; хорошій портной, мастеръ своего дѣла; такъ умѣлъ построить костюмъ, что просто заглядѣнье. Къ нему изъ сосѣднихъ городовъ франты прїѣзжали и всегда бывали очень довольны: такъ — посмотришь, будто нѣтъ ничего особеннаго, а приглядишься — ну просто художество. И всегда обо всѣхъ людяхъ болѣлъ. Самъ шьетъ, что то грустное напѣваетъ, а потомъ вдругъ скажетъ: «нехорошо вчера сосѣди Митревну изобидѣли, зря, всѣ виноваты передъ ней»; или: «Петру то Сергѣвичу въ праздникъ надѣтъ нечего, надо бы ему справить»... И опять шьетъ.

«Бывало разволнуется и начнетъ мнѣ о «ткани» разсказывать; а онъ никогда не говорилъ «матерьялъ» или «сукно», а всегда «ткань». «Присмотрись», говоритъ, «Николаша къ людямъ. Вѣдь мы всѣ одна ткань. Вотъ, гляди, каждая нитка къ другой приникла и держитъ ее; всѣ сплелись другъ съ другомъ, всѣ вмѣстѣ къ единству сведены. Вотъ выдерни изъ этого суконца одну нитку, и всю ткань повредишь. Если только одна ниточка не удалась, сплеховала, истончилась или порвалась, такъ весь кусокъ выходитъ въ бракъ. Ни одинъ хорошій мастеръ эдакую больную ткань не возьметъ, ни одинъ заказчикъ и смотрѣть на нее не станетъ. Такъ и гляди, выбирая, чтобы не промахнуться, чтобы больной ткани и въ заводѣ у меня не было.

«Вотъ и съ людьми такъ же. Міръ отъ Господа такъ устроенъ, что мы всѣ — одна сплошная ткань. Всѣ другъ къ другу приникли, всѣ другъ друга держимъ и другъ другомъ держимся. Если одному плохо, то всѣмъ нехорошо; а люди этого не разумѣютъ: глупы, близоруки. Думаютъ — «что мнѣ до него, когда мнѣ самому хорошо»... А на самомъ то дѣлѣ не такъ. Если одному, которому нибудь плохо, то онъ мучается и болѣетъ; и его мука отъ него во всѣ стороны распространяется. Ходить угрюмый и другихъ угрюмить. Отъ его безпокойства всѣмъ неуютно. Отъ его страха у всѣхъ раздраженіе дѣлается. Люди другъ къ другу злымъ мѣстомъ повертываются: не довѣряютъ, подозрѣваютъ,

обижаются, ссорятся. И всѣ чувствуютъ, что это о т ъ н е
г о идетъ и на него за это раздражаются. И онъ это чувствуетъ,
отвернется, въ себя уйдетъ, ожесточится. Ему любовь нужна,
а они къ нему съ раздраженіемъ. И никто не видитъ его мѹку,
а видятъ только его угрюмость, жестокость, сварливость; и не
любятъ его... И вотъ уже разрывъ, порвалась ткань, врозь
идетъ, расплзается. Надо скорѣй чинить дыру; а никто за это
не берется: «мнѣ, говорятъ, какое дѣло? его бѣда, онъ и чини». А
разрывъ все растетъ и ткань испорчена. А чинить можно
только любовью: твоя бѣда — моя бѣда, моя бѣда — общая»...

«А еще отецъ такъ говаривалъ. «Вѣдь это и въ хозяйствѣ
такъ. Бѣдный человѣкъ не одному себѣ бѣденъ, а всѣмъ. Нищій
человѣкъ не у себя проситъ, а другихъ тревожитъ, о мѹкѣ сво
ей говоритъ, язву свою обнажаетъ. Гдѣ бѣда, тамъ о б щ а я
бѣда; гдѣ голодъ, тамъ всѣмъ хлѣбъ горекъ. Безработный не
одинъ скитается, мы всѣ имъ заболѣли. Все равно, какъ зубъ
заболитъ; заболитъ — и весь человѣкъ въ смятеніи. Несостоя
тельный человѣкъ, неудачникъ или пьяница — онъ свою бѣду
во всѣ стороны излучаетъ, всѣхъ задѣваетъ, всѣхъ бременитъ.
И опять вся ткань испорчена; и надо какъ можно скорѣе чи
нить, помогать, дыру задѣлывать. Гдѣ т ы не можешь, я за тебя
смогу; гдѣ о б а не сможемъ, д р у г і е вывезутъ.

«Сердечнѣйшій человѣкъ, знаете, былъ отецъ. И помогалъ
всѣмъ, вездѣ, гдѣ только могъ. «Я» говорилъ «починкою былъ
занятъ», «дырку заштопалъ». И такъ бывало дѣлалъ: собираетъ
отрѣзки отъ всѣхъ суконъ и костюмовъ, иной разъ прямо вы
проситъ остаточекъ у закащика, и подбираетъ; вертитъ, лицу
етъ, составляетъ, подгоняетъ; очень ловко... И потомъ шить
начнетъ. И ужъ тогда веселыя пѣсни поетъ. Глядишь — жилетъ
построилъ; или брюки. А иногда и цѣлый костюмъ подберетъ;
завернетъ аккуратно въ платокъ и снесетъ бѣдняку. И тому за
претитъ рассказывать: этого, говорятъ, никому не надо знать;
молчи и все. И только мы въ семьѣ понимали, чтó происходитъ.
А ужъ любили его, какъ рѣдко кого. И за совѣтомъ приходи
ли, и просто поплакать.

«Нѣтъ, знаете, разбогатѣть онъ не хотѣлъ; ни къ чему это,
говорилъ. Сами прокормитесь. Ка - кое наслѣдство... Вотъ, что
о ткани говорилъ, это наслѣдіе. А какъ почуялъ смерть, поз
валъ меня и сказалъ: «Ухожу, Николаша. Не грусти. Всѣ мы
нити въ ткани Божіей; и пока живемъ на землѣ, дано намъ
эту ткань беречь и крѣпить. Помнишь ты, былъ хитонъ у Спа
сителя, несшитый, цѣльный, весь тканый сверху до низу. Вотъ
этотъ хитонъ намъ помнить надо. Всѣ мы—нити его и по смер
ти призваны врости въ него. Помни о немъ. Это ткань Божія.
Береги ее въ земной жизни; каждую нитку крѣпи, отъ сердца
ревнуй. Сердце больше всего слушай. О чемъ оно вздохнетъ,
то и дѣлай. И все будетъ хорошо»...

«Вотъ и кажется мнѣ, знаете, что онъ правъ былъ. Всѣ мы—
одна ткань. И въ этомъ чувствуется мнѣ, мудрость жизни сокрыта»...

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПИСЬМО.

Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Всѣ собирались праздновать Рождество Христово, готовили елку и подарки. А я былъ одинокъ въ чужой странѣ, ни семьи, ни друга; и мнѣ казалось, что я покинуть и забыть всѣми людьми. Вокругъ была пустота и не было любви: далекій городъ, чужіе люди, черствыя сердца. И вотъ, въ тоскѣ и уныніи я вспомнилъ о пачкѣ старыхъ писемъ, которую мнѣ удалось сберечь черезъ всѣ испытанія нашихъ черныхъ дней. Я досталъ ее изъ чемодана и нашелъ это письмо.

Это было письмо моей покойной матери, написанное двадцать семь лѣтъ тому назадъ. Какое счастье, что я вспомнилъ о немъ! Пересказать его невозможно, его надо привести цѣликомъ.

«Дорогое дитя мое, Николенька. Ты жалуешься мнѣ на свое одиночество и если бы ты только зналъ, какъ грустно и больно мнѣ отъ твоихъ словъ. Съ какой радостью я бы пріѣхала къ тебѣ и убѣдила бы тебя, что ты не одинокъ и не можешь быть одинокимъ. Но ты знаешь, я не могу покинуть папу, онъ очень страдаетъ и мой уходъ можетъ понадобиться ему каждую минуту. А тебѣ надо готовиться къ экзаменамъ и кончать университетъ. Ну, дай я хоть расскажу тебѣ, почему я никогда не чувствую одиночество.

«Видишь ли ты, человѣкъ одинокъ тогда, когда онъ никого не любитъ. Потому что любовь вродѣ нити, привязывающей насъ къ любимому человѣку. Такъ вѣдь мы и букетъ дѣлаемъ. Люди это цвѣты, а цвѣты въ букетѣ не могутъ быть одинокими. И если только цвѣтокъ распустится какъ слѣдуетъ и начнетъ благоухать, садовникъ и возьметъ его въ букетъ.

«Такъ и съ нами, людьми. Кто любитъ, у того сердце цвѣтеть и благоухаетъ; и онъ даритъ свою любовь совсѣмъ такъ, какъ цвѣтокъ свой запахъ. Но тогда онъ и не одинокъ, потому, что сердце его у того, кого онъ любитъ: онъ думаетъ о немъ, заботится о немъ, радуется его радостью и страдаетъ его страданіями. У него и времени нѣтъ, чтобы почувствовать себя одинокимъ или размышлять о томъ, одинокъ онъ или нѣтъ. Въ любви человѣкъ забываетъ себя; онъ живетъ съ другими, онъ живетъ въ другихъ. А это и есть счастье.

«Я ужъ вижу твои спрашивающіе голубые глаза и слышу твое тихое возраженіе, что вѣдь это только п о л ъ - с ч а с т ь я, что цѣлое счастье не въ томъ только, чтобы любить, но и въ

томъ, чтобы тебя любили. Но тутъ есть маленькая тайна, которую я тебѣ на ушко скажу: кто дѣйствительно любить, тотъ не запрашиваетъ и не скупится. Нельзя постоянно рассчитывать и выспрашивать; а что мнѣ принесетъ моя любовь? а ждетъ ли меня взаимность? а можетъ быть я люблю больше, а меня любятъ меньше? да и стоитъ ли мнѣ отдаваться этой любви? ... Все это невѣрно и ненужно; все это означаетъ, что любви еще нѣту (не родилась), или уже нѣту (умерла). Это осторожное примѣриваніе и взвѣшиваніе прерываетъ живую струю любви, текущую изъ сердца, и задерживаетъ ее. Человѣкъ, который мѣряетъ и вѣшаетъ, не любитъ. Тогда вокругъ него образуется пустота, не проникнутая и не согрѣтая лучами его сердца, и другіе люди тотчасъ же это чувствуютъ. Они чувствуютъ, что вокругъ него, пусто, холодно и жестко, отвертываются отъ него и не ждутъ отъ него тепла. Это его еще больше расхолаживаетъ и вотъ онъ сидитъ въ полномъ одиночествѣ, обойденный и несчастный ...

«Нѣтъ, мой милый, надо, чтобы любовь свободно струилась изъ сердца и не надо тревожиться о взаимности. Надо будить людей своей любовью, надо любить ихъ и этимъ звать ихъ къ любви. Любить — это не поль-счастья, а цѣлостное счастье. Только признай это и начнутся вокругъ тебя чудеса. Отдайся потоку своего сердца, отпусти свою любовь на свободу, пусть лучи ея свѣтятъ и грѣютъ во всѣ стороны. Тогда ты скоро почувствуешь, что къ тебѣ отовсюду текутъ струи отвѣтной любви. Почему? Потому, что твоя непосредственная, непредназначенная доброта, твоя непрерывная и безкорыстная любовь будетъ незамѣтно вызывать въ людяхъ доброту и любовь.

«И тогда ты испытаешь этотъ отвѣтный, обратный потокъ не какъ «полное счастье», котораго ты требовалъ и добивался, а какъ незаслуженное земное блаженство, въ которомъ твое сердце будетъ цвѣсти и радоваться.

«Николенька, дитя мое. Подумай объ этомъ и вспомни мои слова, какъ только ты почувствуешь себя опять одинокимъ. Особенно тогда, когда меня не будетъ на землѣ. И будь спокоенъ и благонадеженъ: потому, что Господь — нашъ садовникъ, а наши сердца — цвѣты въ Его саду.

Мы оба нѣжно обнимаемъ тебя, папа и я.

Твоя мама».

Спасибо тебѣ, мама! Спасибо тебѣ за любовь и за утѣшеніе. Знаешь, я всегда дочитываю твое письмо со слезами на глазахъ. И тогда, только я дочиталъ его, какъ ударили къ рожденской всенощной. О, незаслуженное земное блаженство!

ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ.

Вчера у меня был потерянный день. Это случилось какъ то само собою; но вечеромъ я почувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что день этотъ для меня погибъ.

Какъ только я проснулся, мною овладѣли заботы: выдвинулись всевозможныя жизненныя затрудненія, осложненія и прямыя опасности, цѣлое змѣиное гнѣздо. Напрасно я пытался отдѣлаться отъ него презрѣніемъ или юморомъ; напрасно корилъ себя за робость и пессимизмъ; напрасно искалъ спокойствія въ молитвѣ. Какъ будто давящій туманъ надвинулся на мою душу; узлы не распутывались, надежды гасли. Воображеніе рисовало надвигающіяся бѣды и униженія: когда жизнью овладѣвають черствые фанатики, духовные идіоты, то надо готовиться ко всему. Горечь и отвращеніе овладѣли мною. Сердце судорожно сжалось и ожесточилось. Надо было бороться. И такъ начался этотъ погибшій день.

Нужно было собрать всѣ силы и проламывать стѣны — одну за другою. Надо было найти спокойствіе въ самой тревогѣ, сосредоточиться, все взвѣсить, выработать планъ и съ достоинствомъ встрѣтить опасность. Надо было перейти въ наступленіе: идти отъ человѣка къ человѣку, будить друзей, уговаривать жестоковѣрныхъ, заклинять враговъ. Надо было доказывать безспорное, дробить камни, плавить желѣзо... Есть же на свѣтѣ счастливые люди, которые и не подозреваютъ, во что превращается жизнь подъ управленіемъ безсердечныхъ доктринеровъ, какую ложь, какую мертвость, какое опустошеніе и какую грязь они несутъ людямъ и что приходится переживать изъ за нихъ...

Вечеромъ, когда я вернулся домой и всѣ узлы оказались какимъ то чудомъ распутанными, — я чувствовалъ себя смертельно усталымъ. Все удалось, успѣхъ превышалъ всякія надежды; но день былъ потерянъ.

Онъ былъ потерянъ, потому что сердце мое пребывало въ судорожномъ ожесточеніи; а оно ожесточилось оттого, что я видѣлъ вокругъ себя ожесточенный міръ и не замѣтилъ, какъ онъ меня заразилъ и отравилъ. Когда сердце ожесточается, то оно уже не способно къ любви: оно не поетъ и не свѣтитъ; оскорбленное и онѣмѣвшее, оно погружается въ темное молчаніе; въ немъ нѣтъ ни ласки, ни улыбки; и къ молитвѣ оно уже не способно. Оно каменѣетъ. А когда сердце окаменѣло, то чело-

вѣкъ не можетъ быть орудіемъ Божиимъ; и день оказывается погибшимъ.

Это былъ погибшій день, потому, что я думалъ только о себѣ и хлопоталъ только за себя. Надо же было спастись какъ-нибудь изъ этого жизненнаго тупика... И все-таки... Оэтотъ страхъ за свою шкуру, какъ будто она такъ необходима и драгоценна. Жизнь становится вращеніемъ вокругъ себя самого, какъ если бы ни на землѣ, ни въ небѣ не было ничего лучшаго, высшаго... Человѣкъ слѣпнетъ и глохнетъ для всего остального страдающаго міра; и живая ткань Божія, ради которой только и стоитъ жить на землѣ, какъ бы перестаетъ существовать для него. И день проносится въ душѣ, мертвый и пошлый; и уходитъ въ прошедшее, какъ нерасцвѣтшій цвѣтокъ.

Этотъ день пропалъ для меня, потому что я боролся съ людьми, я старался подчинить себѣ ихъ волю, использовать ихъ, какъ свое орудіе и не было во мнѣ живой любви къ нимъ, — ни къ одному. Я подходилъ къ нимъ осторожно и ловко, я уговаривалъ и доказывалъ, я внушалъ имъ необходимое; но самъ я оставался сухимъ и дѣловитымъ и только пристально и зорко разсматривалъ ихъ, какъ каменщикъ разсматриваетъ свои неуклюжіе кирпичи. Мало того. Они все время были противны мнѣ, эти жестокіе, самодовольные, заносчивые выскочки; и отвращеніе царило въ моей встревоженной душѣ. И отвращеніе это надо было скрывать; и лицемерить, и лгать, ненавидя... Куда мнѣ дѣвать теперь это бремя? Какъ мнѣ смягчить и разбудить мое сердце? Проснется ли оно опять къ любви?... Уходи же, уходи пропащій день, чтобы можно было забыть тебя и исцѣлиться.

Да, день былъ пропащій, потому что все прекрасное и нѣжное на свѣтѣ не существовало для меня. Птички не пѣли мнѣ. Цвѣты не радовали мою душу и не благоухали мнѣ. Я не видѣлъ ни одной дѣтской улыбки. Я совсѣмъ не мечталъ о красотѣ. Холодный вѣтеръ проносился надо мною, какъ надъ уличнымъ фонаремъ. Я даже не помню, было ли вчера солнце на небѣ. И самое внутреннее пѣніе мое, вѣчно поющее во мнѣ о даляхъ и глубинахъ, смолкло, и ручей его изсякъ. Міръ, какъ нѣжная тайна, міръ, какъ живой гимнъ, міръ, какъ чудо Божіе — не существовалъ для меня. Нѣтъ, это была не жизнь; я не жилъ въ этотъ день...

Онъ погибъ для меня, потому что я не нашелъ ни одной нити, ведущей къ Царству Божьему, и взоръ мой ни разу не коснулся его дивной, сіяющей ткани. Въ такіе дни жизнь лишается смысла и святости, какъ бы ни везло человѣку и какъ бы удачны ни были его земныя дѣла. Ибо человѣкъ строить свою жизнь не дѣлами, а дѣянiями; онъ дышитъ сверхчеловѣческими вѣянiями; онъ живетъ близкими лучами, приходящими изъ священной дали; онъ живетъ дыханіемъ Божиимъ...

Прощай же, пропащій день. Угасай въ забвеніи. Одинъ единственный даръ останется мнѣ отъ тебя: что я увидѣлъ твою пустоту и понялъ, что потерялъ тебя въ жизни.

О ТЕРПѢНІИ.

У каждого изъ насъ бываетъ иногда чувство, что его силы приходятъ къ концу, что онъ «больше не можетъ»: «жизнь такъ тягостна, такъ унизительна и ужасна, что переносить ее дальше нельзя»... Но время идетъ; оно приноситъ намъ новыя тягости и новыя опасности, — и мы выносимъ ихъ; мы справляемся съ ними, не примиряясь, и сами не знаемъ потомъ, какъ мы могли пережить и перенести все это. Иллюзія «невозможности», разсѣивается при приближеніи къ событіямъ, душа черпаетъ откуда то новыя силы и мы живемъ дальше, отъ времени до времени снова впадая въ ту же иллюзію. Это понятно: нашъ взоръ близорукъ и поле нашего зрѣнія невелико: мы сами не обозрѣваемъ тѣхъ силъ, которыя намъ даны, и недооцѣниваемъ ихъ. Мы не знаемъ, что мы гораздо сильнѣе, чѣмъ это намъ кажется; что у насъ есть дивный источникъ, котораго мы не бережемъ; — дивная способность, которую мы не укрѣпляемъ; — великая сила личной и національной жизни, безъ которой не возникла бы и не удержалась бы никакая культура... Я разумѣю — д у х о в н о е т е р п ѣ н і е.

Что стало бы съ нами, людьми, и прежде всего и больше всего — съ нами, русскими людьми, если бы не духовное терпѣніе? Какъ справились бы мы съ нашей жизнью и съ нашими страданіями? Стоитъ только окинуть взглядомъ исторію Россіи за тысячу лѣтъ и самъ собою встаетъ вопросъ: какъ могъ русскій народъ справиться съ этими несчастіями, съ этими лишеніями, опасностями, болѣзнями, съ этими испытаніями, войнами и униженіями? Сколь велика была его выносливость, его упорство, его вѣрность и преданность, — его великое искусство не падать духомъ, стоять до конца, строить на развалинахъ и возрождаться изъ пепла... И если мы, поздніе потомки великихъ русскихъ «стоятелей» и «терпѣливцевъ», утратили это искусство, то мы должны найти его вновь и возстановить его въ себѣ, иначе ни Россіи, ни русской культурѣ больше не бывать...

Все время пока длится жизнь, она несетъ намъ свое «да» и свое «нѣтъ», — силу и безсиліе, здоровье и болѣзнь, успѣхъ и неуспѣхъ, радость и горе, наслажденіе и отвращеніе. И вотъ мы должны какъ можно раньше научиться спокойно принимать «отказы» жизни, бодро смотрѣть въ глаза надвигающемуся «нѣтъ» и привѣтливо встрѣчать непривѣтливую «изнанку» земного бытія. Пусть приближается низина жизни, пусть грозить

нежеланное, неудобное, отвратительное или страшное; мы не должны помышлять о бѣгствѣ или проклинать свою судьбу; напротивъ, надо думать о томъ, какъ одолѣть бѣду и какъ побѣдить врага.

Сначала это бываетъ и трудно и страшно, особенно въ дѣтствѣ. Какъ тяжела ребенку первая утрата... Какъ томительны — первая лишенія... И первая боль намъ кажется «незаслуженной» и первое наказаніе — чрезмѣрно суровымъ... Какъ легко дѣтской душѣ заболѣть завистью, ненавистью, ожесточеніемъ или чувствомъ собственного ничтожества... Но всѣ эти жизненные ущербы необходимы и полезны для воспитанія характера. Намъ надо научиться выносить ихъ, не сдаваясь, и привыкнуть къ этому. Намъ надо одолѣть въ себѣ малодушіе и не предаваться растерянности. Надо воспитать въ себѣ ж и з н е н н а г о с т р а т е г а: спокойно предвидѣть наступленіе «непріятеля» и твердо встрѣчать его съ увѣренностью въ собственной побѣдѣ, ибо побѣда безъ этой увѣренности невозможна. Искусство духовной побѣды состоитъ въ томъ, чтобы извлекать изъ борьбы съ лишеніями, опасностями и испытаніями все новую и новую силу духа. Испытаніе посылается намъ именно для творческаго преодоленія, для очищенія, для углубленія, закаленія и укрѣпленія. И если счастье можетъ избаловать и изнѣжить человѣка, такъ что онъ станетъ слабѣе самого себя, то несчастье является ш к о л о й т е р п ѣ н і я и научаеътъ человѣка быть сильнѣе себя самого.

Итакъ, человѣку необходима прежде всего способность переносить лишенія и непріятности, итти навстрѣчу всякой неудовлетворенности и безрадостности, и мужественно встрѣчать страданіе «съ поднятымъ забраломъ». Это не легко; этому надо учиться и научиться. Это удается далеко не каждому и не всегда. Человѣку естественно томится въ безрадостной жизни; а бываетъ такъ, что его окружаетъ непроглядная тьма, безъ всякой перспективы и безъ малѣйшей искры надежды. Тогда конь нашего инстинкта можетъ подняться на дыбы и обнаружить неукротимое упрямство. Ибо человѣку свойственно искать утѣхъ и развлеченій; его тянетъ къ чувственному наслажденію, къ сильнымъ и острымъ ощущеніямъ; онъ «сластолюбивъ» отъ природы и самъ не замѣчаетъ, какъ вождельнія и страсти овладѣваютъ его душою. Съ этимъ возстаніемъ естественнаго сластолюбія надо умѣть справляться. Дѣло не въ томъ, чтобы искоренить его въ себѣ: утѣха нужна всякой твари, человѣку нельзя прожить безъ радости. Дѣло въ томъ, чтобы утѣхи нашей жизни не зависѣли отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; — чтобы радость наша имѣла внутренніе источники; — чтобы мы умѣли видѣть свѣтъ и тамъ, гдѣ повидимому непроглядная тьма. Бунтъ чувственнаго естества долженъ быть преодоленъ, иначе человѣку грозитъ разложеніе личности. Онъ можетъ быть отчасти укрощенъ силою воли; отчасти утѣшенъ новыми, иными радостями; онъ можетъ быть — подвергнутъ молитвенному заклинанію; во всякомъ случаѣ — утихомирень.

Жизнь человеческая покоится вообще на управленіи самимъ собою и на самовоспитаніи; искусство жить есть искусство воспитывать себя самого къ Божественному. Чѣмъ страшнѣе, чѣмъ безрадостнѣе жизнь, тѣмъ важнѣе находить совершенное въ мірѣ и безкорыстно наслаждаться имъ. Во всякой травѣ есть цвѣты; во всякомъ облакѣ есть красота; во всякомъ человѣкѣ есть своя глубина; о вѣчной тайнѣ молчитъ природа; объ отрѣшенности и безконечности говорить звѣздное небо. Отвлечение, утѣшеніе и радость ждутъ насъ повсюду; нужно только умѣніе воспринимать ихъ и предаваться имъ. Иногда достаточно просто поднять глаза къ небу или взглянуть на вдохновенно писанную икону. И нѣтъ такого безрадостнаго тупика въ жизни, котораго нельзя было бы проломить молитвою, терпѣніемъ или юморомъ.

Иногда съ человѣкомъ надо обходиться, какъ съ ребенкомъ. Если, напримѣръ, ребенку надоѣдаетъ списывать съ книги, то надо подарить ему красивую тетрадь для собиранія чудесныхъ стихотвореній, — и радость дѣла разсѣетъ скуку упражненія. Если ребенку кажется томительнымъ повторять пройденное и вѣчно начинать сначала, то надо научить его пускать мыльные пузыри: пусть радуется на мимолетную и обреченную красоту мгновенія, пусть добьется мастерства въ этой невинной игрѣ и пойметъ значеніе усилія и упражненія для творчества . . . Надо упражняться въ терпѣніи; надо ввести въ жизнь состязаніе въ терпѣливости; надо научиться терпѣть легко. И пусть каждый изъ нашихъ дѣтей испытаетъ всѣ радости и разочарованія, всю гордость и чувство власти, которыя даетъ намъ школа терпѣнія.

И что бы ни пришлось человѣку переносить, — грохотъ машины или головную боль, голодъ или страхъ, одиночество или тоску, — онъ не долженъ пугаться спозаранку, ибо застрашенная душа теряетъ власть надъ собою. Страхъ возникаетъ отъ воображенія опасности или гибели; а храбрость есть власть надъ своей фантазіей. Не надо предвосхищать возможное зло и осуществлять его въ воображеніи; кто это дѣлаетъ, тотъ заранѣе готовитъ въ своей жизни мѣсто для него, помогаетъ ему и обезсиливаетъ себя. Онъ заранѣе застрачиваетъ и разочаровываетъ свое терпѣніе и становится его предателемъ.

Терпѣніе есть своего рода довѣріе къ себѣ и къ своимъ силамъ. Оно есть душевная неустрашимость, спокойствіе, равновѣсіе, присутствіе духа. Оно есть способность достойно и спокойно предвидѣть возможное зло жизни и, не преувеличивая его, крѣпить свою собственную силу: «пусть наступитъ неизбежное, я готовъ считаться и бороться съ нимъ и выдержки у меня хватитъ» . . . Мы не должны бояться за свое терпѣніе и пугать его этимъ; а малодушное словечко: «я не выдержу» — совсѣмъ не должно появляться въ нашей душѣ. Терпѣніе требуетъ отъ насъ довѣрія къ себѣ и усиливается тогда вдвое и втрое . . .

А если часъ пришелъ, если испытаніе началось и терпѣніе впряглось своею силою, тогда важнѣе всего не сомнѣваться въ немъ и въ его выдержкѣ. Лучше всего не думать вовсе — ни о томъ, что терпишь, ни о своемъ терпѣніи; если же думаешь о своемъ терпѣніи, то думай съ полнымъ довѣріемъ къ его неисчерпаемости. Стоить сказать себѣ: «ахъ, я такъ страдаю», или: «я не могу больше» — и сейчасъ же наступаетъ ухудшеніе. Стоить только сосредоточиться на своемъ страданіи и оно тотчасъ же начинаетъ расти и пухнуть, оно превращается въ цѣлое событіе и заслоняетъ всѣ горизонты духа. Кто начинаетъ внимательно разсматривать свое терпѣніе, тотъ пресѣкаетъ его непосредственную и незамѣтную работу: онъ наблюдаетъ за нимъ, подвергаетъ его сомнѣнію и обезсиливаетъ его этимъ. А какъ только терпѣніе прекращается, такъ уже обнаруживается нетерпѣливость: нежеланіе нести, бороться и страдать, отказъ, протестъ, безсиліе и отчаяніе. А когда душу охватываетъ отчаяніе, тогда человѣкъ готовъ на все и способенъ на все, отъ мелкаго, унижительнаго компромисса, до послѣдней низости: дѣло его кончено и самъ онъ погибъ...

И что же тогда? Какъ быть и что дѣлать? Тогда лучше дать отчаянію свободно излиться въ слезахъ, рыданіяхъ и жалобахъ; надо высказаться передъ кѣмънибудь, открыть свое сердце вѣрному другу... Или, еще лучше: надо излить свое отчаяніе, свое безсиліе, а можетъ быть и свое униженіе въ словахъ предѣльной искренности передъ Отцомъ, вѣдающимъ все сокровенное и просить у Него силы отъ Его Силы и утѣшенія отъ Утѣшителя... Тогда потокъ отчаянія изсякнетъ, душа очистится, страданіе осмыслится и душа почувствуетъ снова благодатную готовность терпѣть до конца и до побѣды.

Но лучше не доводить себя до такихъ паденій и срывовъ. Надо укрѣплять свое терпѣніе, чтобы оно не истощалось. Для этого у человѣка есть два способа, два пути: юморъ — въ обращеніи къ себѣ, и молитва — въ обращеніи къ Богу.

Юморъ есть улыбка земной мудрости при видѣ страдающей твари. Земная мудрость мѣряетъ тварную жизнь мѣрою духа и видитъ ея ничтожество, ея претензію, ея слѣпоту, ея комизмъ. Эта улыбка должна родиться изъ самого страданія, она должна проснуться въ тварномъ самосознаніи — и тогда она дастъ истинное облегченіе. Тогда и само терпѣніе улыбнется вмѣстѣ съ духомъ и съ тварью — и вся душа человѣка объединится и укрѣпится для побѣды.

Молитва имѣетъ способность увести человѣка изъ страданія, возвести его къ Тому, Кто послалъ ему испытаніе и призвалъ его къ терпѣнію. Тогда терпѣніе участвуетъ въ молитвѣ; оно восходитъ къ своему духовному первоисточнику и постигаетъ свой высшій смыслъ. Нигдѣ нѣтъ столько благодатнаго терпѣнія, какъ у Бога, терпящаго насъ всѣхъ и наши заблужденія; и нигдѣ нѣтъ такого состраданія къ нашему страданію, какъ тамъ, въ небесахъ. Міръ человѣческій не одинокъ въ своемъ страданіи, ибо Богъ страдаетъ съ нимъ и о немъ. И потому ког-

да наше терпѣніе заканчиваетъ свою молитву, то оно чувствуетъ себя, какъ напившимся изъ божественнаго источника. Тогда оно постигаетъ свою истинную силу и знаетъ, что ему предстоитъ побѣда.

Такъ открывается намъ смыслъ страданія и терпѣнія. Мы должны не только принять и вынести посланное намъ страданіе, но и преодолѣть его, т. е. добиться того, чтобы нашъ духъ пересталъ зависѣть отъ него; мало того, мы должны научиться мудрости у нашего страданія — мудрости естественной и мудрости духовной, оно должно пробудить въ насъ новые источники жизни и любви; оно должно освѣтить намъ по новому смыслъ жизни.

Терпѣніе совсѣмъ не есть «пассивная слабость» или «тупая покорность», какъ думаютъ иные люди; напротивъ — оно есть **н а п р я ж е н н а я а к т и в н о с т ь д у х а**. И чѣмъ больше оно прикрѣпляется къ с м ы с л у побѣждаемаго страданія, тѣмъ сильнѣе становится его творческая активность, тѣмъ вѣрнѣе наступаетъ его побѣда. Терпѣніе есть не только искусство ждать и страдать; оно есть кромѣ того вѣра въ побѣду и путь къ побѣдѣ; болѣе того — оно есть с а м а п о б ѣ д а, одолѣніе слабости, лишенія и страданія, побѣда надъ длительностью, надъ сроками, надъ временемъ: побѣда человѣка надъ своею тварностью и надъ всякими «жизненными обстоятельствами». Терпѣніе есть по истинѣ «лѣствица совершенства» . . .

И кто присмотрится къ человѣческой исторіи, — сколь велики были страданія людей и что изъ этого выходило — тотъ познаетъ и признаетъ великую творческую силу терпѣнія. Отъ него зависитъ выносливость всякаго труда и творчества; оно ведетъ черезъ всѣ пропасти искушенія и страданія; оно есть о р у д і е и с и л а с а м о г о С о в е р ш е н с т в а, н а ч а в ш а г о б о р ь б у з а с в о е о с у щ е с т в л е н і е в ѣ ж и з н и; и потому оно составляетъ живую основу всего мірозданія и всяческой культуры . . . Отнимите у человѣка терпѣніе и все распадется въ ничтожество: вѣрность, скромность, и смиреніе; любовь, состраданіе и прощеніе; трудъ, мужество и работа изслѣдователя . . .

Терпѣливо дѣлаетъ гусеница свое дѣло — и превращается въ бабочку съ дивными крыльями. И у человѣка вырастутъ еще прекраснѣйшія крылья, если онъ будетъ жить и творить съ истиннымъ терпѣніемъ. Ибо почерпая свою силу изъ с в е р х ч е л о в ѣ ч е с к а г о источника, онъ сумѣетъ нести нечеловѣческія бремена и создавать на землѣ великое и чудесное.

О СОВѢСТИ.

Есть старинное преданіе. Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ добрый король. Однажды въ студеный зимній вечеръ, когда мятель заносила глаза и вѣтеръ наметалъ сугробы, онъ увидѣлъ на дорогѣ замерзающаго нищаго. У него сжалось сердце и, не задумываясь, онъ снялъ свою теплую мантию и завернулъ въ нее несчастнаго. «Идемъ», сказалъ онъ ему, поднимая его на ноги, «въ моей странѣ найдется и для тебя любящее сердце» . . .

Такъ проявляется совѣсть въ человѣческой душѣ, — часто неожиданно, но захватывающе и властно. Не произносятся никакихъ словъ, никакихъ повелѣній. Въ сознаніи нѣтъ ни сужденій, ни формулъ. Въ безсловесной тишинѣ совѣсть овладѣваетъ нашимъ сердцемъ и нашей волею. Ея появленіе можно сравнить съ подземнымъ толчкомъ, въ которомъ выступаетъ всегда присутствующая, но сокрошенная сила. А слова и мысли просыпаются въ насъ лишь позже, при попыткѣ описать и объяснить совершившійся поступокъ.

Въ тотъ мигъ, когда совѣсть овладѣваетъ нашей душой, у насъ нерѣдко бываетъ ощущеніе, будто въ насъ что-то проснулось или возстало, — какая-то особая сила, которая повидимому долго дремала и вдругъ очнулась и властно развернулась . . . Эта сила жила во мнѣ, но я какъ-то не считалъ ее «своею» и не включалъ ее въ «себя». Хочется сказать: «я не знаю, откуда она взялась, но совѣсть чужою или постороннею мнѣ я ее не ощущаю». Она какъ-будто скрывалась гдѣ-то во мнѣ самомъ, но я никогда не думалъ, что она можетъ оказаться столь сильною и проявиться такъ, какъ она проявилась. Она казалась мнѣ простою возможностью и вдругъ оказалась необходимостью. Она воспринималась, какъ дальній зовъ, и вдругъ обнаружилась, какъ вѣтеръ и буря . . . Она была подобна чистому водному ключу, пробивающемуся изъ глубины и вдругъ превратилась въ разливной, все затопляющій потокъ . . . Иногда мнѣ казалось, что это не сила, а едва жизнеспособная слабость, и вдругъ пришелъ часъ ея власти. Я не разъ думалъ, что это прекрасная, но неосуществимая «мечта» о земномъ совершенствѣ и вдругъ эта мечта стала жизнеопредѣляющей силой . . .

Въ душѣ внезапно отпали всѣ «трезвые» соображенія и «умные» расчеты; стихли всѣ большія страсти и мелкія пристра-

страстія; и даже опасенія и страхи исчезли, словно ихъ и не было никогда. Я совершилъ поступокъ, котораго раньше никогда не совершалъ; да я и не считалъ себя способнымъ къ нему... Но этотъ поступокъ былъ единственно правильнымъ и исключительно вѣрнымъ... Да правда ли, что я это сдѣлалъ? Или, можетъ быть, это былъ не я, а кто-то другой во мнѣ? Другой — лучше меня, больше меня, справедливѣе и храбрѣе?... Но откуда же онъ взялся? И куда онъ дѣвался? Онъ можетъ быть появится еще разъ? Или это все-таки былъ я самъ?...

Я знаю одно и знаю твердо: тогда я иначе не могъ. Было что-то высшее и сильнѣйшее, что заставило меня поступить такъ. На меня какъ-будто бы что-то «нашло», «захватило» меня и понесло. А подумать о себѣ, о своихъ силахъ, о послѣдствіяхъ моего поступка, — у меня просто не было времени. И теперь, оглядываясь назадъ, я признаю, что я строго говоря — и не долженъ былъ и не смѣлъ дѣйствовать иначе. Я не могъ тогда иначе хотѣть; а теперь скажу: мнѣ бы и не хотѣлось, чтобы я тогда желалъ иного и дѣйствовалъ иначе. Такъ и надо было. Это было лучшее, что я могъ сдѣлать. И когда я теперь все это выговариваю, то во мнѣ живетъ великая и радостная увѣренность, что я просто выговариваю правду. Эта увѣренность наполняетъ мое сердце и всего меня какимъ-то тихимъ, спокойнымъ блаженствомъ. Одного только мнѣ бы хотѣлось, — чтобы онъ, этотъ «лучшій» и «большій», явился опять, опять совершилъ свое дѣло, и опять подарилъ мнѣ эту свѣтлую радость...

Такъ совѣсть научаетъ человѣка забывать о себѣ и дѣлаетъ его поступки самоотверженными. Скорби, заботы, опасенія, всѣ трудности личной судьбы — не связываютъ его больше; все это отходить, хотя бы временно, на задній планъ. Человѣкъ перестаетъ быть «личнымъ» и вдругъ становится «предметнымъ» въ лучшемъ и священномъ смыслѣ этого слова. Это не значить, что онъ утрачиваетъ свою «личность» и дѣлается «безличнымъ». Нѣтъ, совѣсть утверждаетъ, созидаетъ и укрѣпляетъ духовно-личное начало въ человѣкѣ. Но лично-мелкое, лично-страстное, лично-жадное, лично-порочное отодвигается въ немъ и уступаетъ свое мѣсто дыханію высшей жизни, побужденіямъ и содержаніямъ Царства Божія, объективной реальности, — тому, что можно обозначить строгимъ словомъ «Субстанціальности», или цѣломудреннымъ словомъ «Предметности». Человѣкъ становится какъ бы живымъ и радостнымъ органомъ великаго и священнаго Дѣла, т. е. Божьяго Дѣла на землѣ. Кажется, будто онъ сбросилъ съ себя бремя своекорыстія; или будто у него внезапно выросли крылья, поднявшія его вверхъ и вынесшія его изъ жизненнаго ущелья. Онъ совершилъ свой самоотверженный поступокъ и вернулся, можетъ быть, въ сѣрую прозу повседневной жизни, такъ, какъ если бы крылья «отвалились» у него и какъ если бы онъ опять былъ обреченъ пробираться въ жизни черезъ переулки земной жадности... Но онъ уже никогда не забудетъ то чувство блаженной силы и

с в о б о д ы, которое ему дано было пережить. Оно постѣтило его какъ бы изъ потусторонняго міра; но онъ жилъ имъ, онъ испыталъ его и всегда будетъ тянуться къ нему.

Мы живемъ на землѣ въ состояніи внутренняго раскола, отъ котораго мы страдаемъ и который мы не умѣемъ преодолѣть: это расхожденіе между нашими лично-эгоистическими побужденіями и нашимъ божественнымъ призваніемъ, которое мы иногда переживаемъ какъ внутреннее влеченіе, какъ духовную жажду. Тогда мы оказываемся въ состояніи душевной раздвоенности, потому что это тайное влеченіе окончательно и всецѣло отдаться Божьему Дѣлу — в с е г д а живетъ въ глубинѣ нашего сердца. Это влеченіе духа требуетъ отъ насъ всегда одного и того же: с а м а г о л у ч ш а г о. И если бы мы предалися ему всецѣло и окончательно, то вся наша жизнь сложилась бы изъ однихъ дѣлъ любви, мужественной вѣрности, радостнаго исполненія долга, правды и великаго служенія...

Но въ дѣйствительности жизнь идетъ иначе: мы слышимъ этотъ голосъ и не слушаемся его; а когда изрѣдка слушаемся, то внутренняя раздвоенность лишаетъ насъ цѣльности и не даетъ намъ той великой радости, которую цѣльность души несетъ съ собою. Тогда мы испытываемъ наше «повиновеніе» совѣсти, какъ опасное жизненное «предпріятіе» или даже «приключеніе», какъ неблагоразумную мечтательную затѣю, или, какъ того требовалъ Иммануиль Кантъ, какъ безрадостное исполненіе долга и, слѣд., какъ тягостное бремя жизни... Если же мы не повинемся голосу совѣсти, то одна часть нашего существа, и притомъ лучшая его часть, остается приверженной ему; но внутреннее раздвоеніе продолжается... Тогда изъ самой глубины нашего духовнаго чувствліища, оттуда, гдѣ совѣсть по прежнему взываетъ, шепчетъ, стелаетъ, печалится и укоряетъ, — поднимается недовольство, особаго рода печаль и тоска, мучительное неодобреніе. Иногда удается вытѣснить изъ сознанія это тягостное, но священное неодобреніе: тогда человѣкъ отводитъ ему мѣсто въ глубокомъ подземеліи своей души и пытается запереть этотъ подвалъ и завалить самый ходъ къ нему; но это нисколько не обезпечиваетъ его отъ вѣроятныхъ и даже неизбѣжныхъ укоровъ совѣсти, отъ этихъ мучительныхъ у г р ы з е н і й, которыя будутъ пожизненно грозить ему, нарушать его душевное равновѣсіе и лишать его духовнаго покоя...

... А между тѣмъ истинное и с - ц ѣ л е н і е, общающее цѣль-ность души, нуждается всего на всего въ одномъ согласіи: только оно можетъ дать человѣку внутреннее примиреніе, единеніе между инстинктомъ и духомъ, радость добровольности и предметнаго служенія. Я исцѣлюсь въ тотъ мигъ, когда предамся божественному зову совѣсти. Тогда я буду дѣлать то, что я д о л ж е н ъ дѣлать; но это будетъ не томительная покорность и не каторга принужденія, а с в ѣ т л а я радость жизни. Потому что я буду дѣлать тогда то, чего желаетъ моя собственная воля; и то, чего она желаетъ, будетъ лучшимъ, и притомъ на са

момъ дѣлѣ лучшимъ. И это лучшее станетъ для меня внутренней необходимостью, единственной возможностью и осуществленнымъ дѣломъ. Иначе я не могу; и не могу иначе хотѣть, и не хочу иначе мочь. Именно въ этомъ — мой долгъ. Но я желаю осуществить его не потому, что «это мой долгъ», а потому, что это есть «объективно лучшее», къ чему зоветъ меня мой духъ (совѣсть) и къ чему прилѣпляется любовь и мой инстинктъ. Такъ возникаетъ совѣстная цѣльность человѣческой души.

Пока я еще не зналъ, что такое «совѣсть» и не переживалъ силу и счастье совѣстнаго акта, я спрашивалъ въ холодномъ сомнѣніи: «да развѣ это вообще возможно? развѣ человѣку дано выходить изъ своей шкуры и подавлять въ себѣ здоровый инстинктъ самосохраненія?»... Но если я испыталъ совѣстный актъ, хотя бы единожды, — обнаруживаются глубокія измѣненія. Всѣ бывшія сомнѣнія и скептическіе вопросы отпадаютъ; нѣтъ больше ни отрицанія, ни ироніи. Я знаю, что совѣстный актъ возможенъ, потому, что я пережилъ его въ дѣйствительности. Правда, я не знаю повторится ли онъ, когда и при какихъ условіяхъ. Но кто же можетъ мнѣ помѣшать — воззвать къ совѣсти по собственной инициативѣ? Почему я долженъ думать, что она не отзовется на мой зовъ? А когда она отзовется, я могу свободно и радостно предаться ея зову... Все это въ моей власти, все это будетъ происходить въ моемъ внутреннемъ мірѣ... Мнѣ нужно только знать, какъ это лучше сдѣлать, чтобы не подмѣнить голосъ совѣсти и не впасть въ иллюзію, въ ошибку и самообманъ...

Прежде всего надо отложить всякое теоретическое умствованіе, ибо оно непременно приведетъ за собою форму мысли, сужденія, анализа, синтеза и облечетъ все это въ понятія и слова. Все это не нужно, ибо актъ совѣсти не есть актъ словооблеченнаго мышленія; онъ не теорія, не доктрина, не «максима», не законъ и не норма. Не надо ничего выдумывать; не надо размышлять и изобрѣтать. Не надо стремиться къ какому то «всеобщему законодательству». Не надо ничего предвосхищать. Надо ждать нѣкоего эмоционально-волевого подземаго толчка.

Не слѣдуетъ также спрашивать о томъ, что было бы «полезнѣе» всего или «цѣлесообразнѣе» всего; эти вопросы рѣшаются житейскимъ опытомъ, наблюденіемъ и разсужденіемъ. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ задавать вопросъ о «пріятномъ», «удобномъ», «выгодномъ», «умномъ» и т. под.; все это не имѣетъ никакого отношенія къ совѣстному акту. Надо искать лучшаго, нравственно-лучшаго и притомъ не «лучшаго по моему», а «лучшаго на самомъ дѣлѣ». Вѣрующій христіанинъ спроситъ о «христіански-лучшемъ», о «совершенномъ передъ лицомъ Христа Спасителя».

И еще одно: этотъ вопросъ слѣдуетъ ставить не теоретически, не съ тѣмъ, чтобы у з н а т ь, познать истину, формулировать ее и доказать; это было бы философское изслѣдованіе, созерцаніе и теоретическое разсмотрѣніе. Вопросъ долженъ быть поставленъ п р а к т и ч е с к и, чтобы сдѣлать, поступить, осуществить. А такъ какъ каждый практически-жизненный случай индивидуаленъ, единственъ въ своемъ родѣ, то надо искать не общаго правила, а личнаго указанія для личнаго поведенія въ данномъ конкретномъ жизненномъ случаѣ.

Итакъ, безъ всякихъ предвзятыхъ рѣшеній, безъ всякихъ оговорокъ, «условій», уклоненій и «резерваций», я встану, такимъ, каковъ я есмь, передъ лицомъ совѣсти, съ тѣмъ, чтобы въ данный конкретный мигъ моей личной жизни, «сейчасъ» и «здѣсь» — внять ея голосу, отдаться ея зову и совершить поступокъ изъ глубины моего сердца; я спрошу: какъ мнѣ поступить, чтобы сейчасъ и здѣсь осуществить христіански-лучшее, совершенное передъ лицомъ Христа Спасителя? . . .

Я ставлю этотъ вопросъ — и опускаю его въ отверстую глубину моего сердца. И жизнь идетъ дальше. Тогда желанное дается само. Заглохшее сердце пробуждается и . . . королевская мантия ложится на плечи нищаго . . .

Королевская мантия? . . . Да, ибо это я, съ моимъ заглохшимъ сердцемъ и черствымъ нравомъ, я былъ подобенъ нищему, сидящему у дороги жизни и занесенному мятелью повседневныхъ заботъ и расчетовъ. Это меня Господь нашелъ замерзающимъ и полумертвымъ; и склонился ко мнѣ, облакая меня своею Ризою, какъ свѣтомъ, какъ любовью, какъ откровеніемъ. И въ актѣ совѣсти человѣкъ воспринимаетъ отъ Бога откровеніе, любовь и свѣтъ новой жизни.

ЧТО ЕСТЬ ОПТИМИЗМЪ?

Вотъ что необходимо современному человѣчеству, — какъ воздухъ, какъ вода и огонь, — это здоровый, творческій оптимизмъ. Мы стоимъ на порогѣ новой эпохи, намъ нужны новыя, творческія идеи; мы должны смотрѣть сразу вглубь и вдаль; мы должны хотѣть вѣрнаго и притомъ желать сильною волею: и въ довершеніе всего — мы должны вѣрить, что грядущее обновленіе намъ удастся. Мы должны приступить къ разрѣшенію предстоящихъ задачъ съ достоинствомъ и спокойствіемъ, и въ то же время въ великой, творческой сосредоточенности, ибо отъ успѣха нашихъ трудовъ зависитъ дальнѣйшее развитіе міровой исторіи. Во всѣхъ областяхъ жизни отъ насъ потребуются огромныя усилія, ибо дѣло идетъ о религіозномъ, культурномъ, социальномъ и политическомъ обновленіи.

И для этого намъ необходимъ д у х о в н о - в ѣ р н ы й о п т и м и з м ъ.

Но въ жизни встрѣчается и невѣрный, ложный оптимизмъ. Недостаточно быть «въ хорошемъ настроеніи»; мало «не предвидѣть ничего дурного». Легкомысленный весельчакъ всегда «въ хорошемъ настроеніи», а близорукій и наивный не предвидитъ вообще ничего. Мало вѣрить въ свои собственныя силы и умѣть успокаивать другихъ людей; самонадѣянность можетъ вредить творческому процессу, и оптимизмъ не сводится къ «спокойствію» во что бы то ни стало: оптимизмъ не дается людямъ отъ рожденія и отъ здоровья; онъ пріобрѣтается въ духовномъ созрѣваніи. Оптимистъ не предвидитъ успѣхъ и счастье при всякихъ условіяхъ: ходъ исторіи можетъ обѣщать въ дальнѣйшемъ не подъемъ, а паденіе, и оптимистъ не можетъ закрывать себѣ на это глаза. И тѣмъ не менѣе онъ остается оптимистомъ.

Итакъ есть л о ж н ы й о п т и м и з м ъ и д у х о в н о - в ѣ р н ы й о п т и м и з м ъ.

Ложный «оптимистъ» хранитъ хорошее расположеніе духа потому, что онъ чловѣкъ настроеній и предается своимъ личнымъ, чисто субъективнымъ состояніямъ. Его «оптимизмъ» не имѣетъ предметныхъ основаній. Онъ живетъ самъ по себѣ, внѣ глубокихъ теченій исторіи, внѣ великихъ міровыхъ событій. Онъ «оптимистъ» только потому, что обладаетъ здоровымъ, уравновѣшеннымъ организмомъ и не страдаетъ отъ душевной дисгармоніи. Его «оптимизмъ» касается его самого и, можетъ быть, его личныхъ дѣлъ. Но въ планѣ великихъ свершеній онъ

видитъ мало, а можетъ быть даже и ничего; а если онъ въ самомъ дѣлѣ что нибудь видитъ, то онъ видитъ смутно и расцѣпываетъ невѣрно. Передъ лицомъ духовныхъ проблемъ онъ поверхностенъ и легкомысленъ; онъ не видитъ ни ихъ глубины, ни ихъ размаха, а потому легко принимаетъ пустую видимость за подлинную реальность. Вотъ почему онъ не видитъ ни лучей, ни знаменій Божіихъ. И потому его «оптимизмъ» — физіологически объяснимъ и душевно мотивированъ, но предметно и метафизически не обоснованъ; и отвѣтственности за него онъ не принимаетъ. Его «оптимизмъ» есть проявленіе личной мечтательности или даже заносчивости; онъ можетъ привести къ сущимъ нелѣпостямъ; и его увѣренныя разглагольствованія имѣютъ вѣса не больше, чѣмъ стрекотаніе кузнечика . . .

Совсѣмъ иначе обстоитъ въ душѣ настоящаго оптимиста. Прежде всего его оптимизмъ не относится къ повседневному быту со всѣми его сплетеніями, закоулками и пыльными мелочами, со всею его жестокостью и порочностью: ежедневная жизнь можетъ взвалить на насъ еще страшныя бремена, лишенія и страданія, но это нисколько не вліяетъ на его оптимизмъ, ибо онъ смотритъ на эти испытанія, какъ на подготовительныя ступени къ избавленію. Онъ имѣетъ въ виду духовную проблематику чело вѣ ч е с т в а, судьбу міра, и знаетъ, что эта судьба ведется и опредѣляется самимъ Богомъ и что поэтому она разворачивается, какъ великая и живая творческая драма. Вотъ истинный и глубочайшій источникъ его оптимизма: онъ знаетъ, что міръ пребываетъ въ Руцѣ Божіей и старается вѣрно постигнуть творческую дѣятельность этой Руки; и не только — познать ее, но добровольно поставить себя, въ качествѣ свободнаго дѣятеля, въ распоряженіе этой высокой и благостной Руки («да будетъ воля Твоя»). Онъ желаетъ «содѣйствовать» Божьему дѣлу и плану, онъ стремится служить и вести, внимать и совершать: онъ желаетъ того, что соотвѣтствуетъ волѣ Божіей, Его замыслу, Его идеѣ . . . Онъ видитъ, что въ мірѣ слагается и растетъ нѣкая Божія ткань, живая ткань Царствія Божія; онъ заранѣе предвосхищаетъ зрѣлище этой ткани и радуется при мысли, что и ему удастся войти въ нее живою нитью.

Это означаетъ, что его оптимизмъ относится не столько къ человѣческимъ дѣламъ, сколько къ Божьему Дѣлу. Онъ вѣритъ въ свѣтлое будущее, въ приближающееся Царство, потому, что оно не можетъ не настать, ибо оно осуществляется Богомъ. А его главная задача состоитъ въ томъ, чтобы вѣрно постигнуть отведенное ему самому мѣсто и вѣрно исполнить предназначенное ему самому служеніе.

Узнавъ свое мѣсто въ замыслѣ Божіемъ и найдя свое вѣрное служеніе, онъ стремится наилучше осуществить свое призваніе — исполнить свой «оптимизмъ»; и если онъ знаетъ, что это дѣлаетъ, тогда на него нисходитъ спокойная жизнерадостъ

ность и духовный оптимизмъ. Онъ вѣритъ въ свое призваніе и въ свое Дѣло. Онъ расцѣпляетъ себя, какъ нить въ Божіей Рукавѣ; онъ знаетъ, что эта нить вплетается въ Божію ткань міра и чувствуетъ черезъ это свою богохранимость. Съ молитвою идетъ онъ навстрѣчу неизбежнымъ опасностямъ жизни и спокойно «наступаетъ на Аспида и на Василиска», «на змія и скорпія» — и остается невредимымъ; и потому исповѣдуется вмѣстѣ съ Сократомъ, что Божьему слугѣ не можетъ приключиться зла . . .

Это означаетъ, что настоящій оптимистъ никогда не переоцѣниваетъ своихъ личныхъ силъ. Онъ есть не болѣе, чѣмъ одна изъ земныхъ нитей въ Рукавѣ великаго Творца жизни и эта земная нить можетъ быть въ любой мигъ оборвана. Но пока она живетъ на землѣ, она желаетъ крѣпиться и вѣрно служить. Такого человѣка движетъ воля къ вѣрности и побѣдѣ. И тамъ, гдѣ пессимистъ совсѣмъ выключаетъ волю и растеривается передъ лицомъ событій; гдѣ ложный оптимистъ предается своимъ настроеніямъ и не справляется съ затрудненіями, — тамъ настоящій оптимистъ справляется со всякой задачей. Трезво и зорко слѣдитъ онъ за событіями, не поддаваясь страху и не преувеличивая опасность; и чѣмъ вѣрнѣе онъ видитъ дѣйствительность, тѣмъ лучше онъ понимаетъ, какая сила воли и какая выдержка потребуются отъ него. Онъ — волевой человѣкъ, знающій о своей ведомости и хранимости, преданный тому Дѣлу, которому онъ служить и питающій внутреннюю струю своей жизненной воли изъ Божественнаго источника.

Воля же есть замѣчательная и таинственная сила, которая всегда можетъ стать еще болѣе мощной и упорной, чѣмъ это кажется свиду. Воля настоящаго оптимиста есть даръ силы и искусство самоусиленія, живая безконечность усилий, — столь давно и безнадежно искомое «духовное *perpetuum mobile*» . . .

Настоящій оптимистъ видитъ современный ему ходъ исторіи, созерцаетъ его сущность и смыслъ въ планѣ Божіемъ и черпаетъ свою силу изъ безконечнаго источника воли, преданной Богу и Богомъ ведомой. Онъ непоколебимо вѣритъ въ побѣду, въ побѣду своего Дѣла, хотя бы эта побѣда казалась временами «его личнымъ пораженіемъ», ибо его побѣда есть побѣда того Божьяго дѣла, которому онъ служить на землѣ. А когда его настигнетъ утомленіе или неувѣренность, тогда онъ молитвенно взываетъ къ послѣднему источнику своей воли и своей жизни — къ Богу.

И тогда все необходимое посылается ему и онъ продолжаетъ свое служеніе.

ОБЪ ИСКРЕННОСТИ.

Пока человѣкъ живетъ на землѣ, онъ остается одинокимъ; и ему не предоставлена свобода вырваться изъ этого одиночества или устранить его совсѣмъ. Основной способъ бытія, присущій человѣку, остается вѣчно тѣмъ же и не мѣняется на протяжении тысячелѣтій; и если бы онъ по существу своему измѣнился, то человѣкъ пересталъ бы быть собою, а сталъ бы какимъ-то «сверхъ-человѣкомъ» или «не-до-человѣкомъ», о которомъ мы нынѣ не имѣемъ ни малѣйшаго представленія.

Каждый изъ насъ есть единичная, замкнутая въ себѣ душа, скрытая за единичнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ индивидуальнымъ тѣломъ, съ которымъ она таинственнымъ образомъ связана, которое ее обслуживаетъ, и выражаетъ ея состоянія. Именно этотъ способъ бытія обезпечиваетъ каждому изъ насъ все бремя и всѣ благодатныя преимущества одинокой жизни.

Одинокость *) есть бремя, потому, что было бы гораздо легче затеряться въ слитномъ и несамостоятельномъ бытіи людей, утонуть во всесмѣшеніи, нежели утверждать свою самостоятельность, и притомъ — на надлежащей высотѣ, т.е. самому итти черезъ жизнь, проходя отвѣтственный, сердечно-искренній и творческій путь. Но одинокость имѣетъ также свои великія и благодатныя преимущества, потому, что она есть живая основа и необходимая предпосылка

*) Надо различать — «одиночество» и «одинокость». Одиночество человѣка состоитъ въ томъ, что у него мало связей съ другими людьми, мало общенія, мало взаимнаго пониманія, симпатіи, дружбы, любви. Этому противостоятъ — не-одиночество, т.е. богатое и разнообразное общеніе и обиліе творческихъ связей съ другими. Все это осуществляется въ предѣлахъ общей всѣмъ людямъ одинокости, потому, что и скудость связей и обиліе общенія устанавливается и протекаетъ въ предѣлахъ неизбежной для человѣка основной для его жизни одинокости. Одинокость есть способъ бытія, присущій и уединенно-живущему, непонятому человѣку, и успѣшно-общающемуся, многообразно-связанному индивидууму. Всѣ люди одиноки — одинокостью. Но одни наполняютъ свою одинокость щедрымъ и цвѣтущимъ общеніемъ и потому менѣе замѣчаютъ ее и менѣе страдаютъ отъ нея. А другіе предаются одиночеству въ предѣлахъ своей одинокости и именно такимъ людямъ дано извѣдать до дна ея естество, ея духовное значеніе и ея законы.

с в о б о д ы д у х о в н о с т и , л и ч н а г о о ч и щ е н і я
и п р о с в ѣ т л е н і я .

Какъ ужасна была бы жизнь, если бы у человѣка не было внутренней отрѣшенности, если бы у него не было возможности уйти въ свое огражденное и цѣломудренное одиночество, чтобы сосредоточиваться въ себѣ, находить себя, работать надъ своимъ очищеніемъ и совершенствованіемъ . . . Тогда человѣкъ былъ бы подобенъ дому съ прозрачными стѣнами, въ которомъ снаружи все всегда всѣмъ видно; — или проходному жилищу, доступъ въ которое всегда и отовсюду открытъ всякому гаду, звѣрю и злодѣю: въ жизни его не было бы ничего прикровеннаго, огражденного, неприкосновеннаго и священнаго . . . Вѣчный сквознякъ. Вѣчный проходъ и проломъ. Уличный тротуаръ, открытый для всяческаго злоупотребленія. Безличное и безформенное смѣшеніе. Вѣчно попанная святыня . . .

Какъ это чудесно, какъ это премудро устроено, что мы благодаря нашему человѣчески-земному способу бытія защищены отъ взаимнаго вторженія, опошленія и надругательства. Какое благотворное, прямо благодатное значеніе имѣеть въ этомъ наша земная «оболочка», наше тѣло: оно ограждаетъ непроницаемость нашей души, оно обороняетъ самоопредѣленіе нашего духа, оно блюдетъ тайну личного обращенія къ Богу и приближенія къ Нему. Человѣкъ устроенъ «отъ природы» такъ, что онъ можетъ оставаться съ Б о г о м ъ н а е д и н ѣ ; и онъ былъ созданъ такимъ именно для того, чтобы Господь могъ быть н а е д и н ѣ с ъ н и м ѣ . Человѣкъ есть л и ч н ы й т в о р ч е с к і й ц е н т р ѣ : въ немъ самомъ заложена та прочная граница, тотъ предѣлъ, о который сокрушится всякая произвольная коллективизація, противоестественная и противоположная . . .

Но человѣку даны одинокость и самостоятельность совсѣмъ не для того, чтобы изолировать его отъ его ближнихъ или чтобы сдѣлать изъ него хитроумнаго интригана, всесвѣтнаго обманщика . . . Самостояніе и самобытность человѣка, — его, скажемъ, «само - основность», — совсѣмъ не означаютъ отказъ отъ общенія, отъ совмѣстности и любви. Духовная «аутаркія» (самосильность) совсѣмъ не должна вести къ заносчивости или гордынѣ. Отрѣшенность дана человѣку для того, чтобы онъ могъ свободно обратиться къ Богу, очиститься и укрѣпиться въ Его Духъ и вступить въ общеніе съ людьми въ к а ч е с т в ѣ с в о б о д н а г о , н о у ж е у к о р е н е н н а г о въ Б о г ѣ с ы н а Л ю б в и . Ин - дивидуальность дается человѣку, какъ способность свободного Богосозерцанія, какъ возможность стать духомъ, вести духовную жизнь и творить духовную культуру. Въ этомъ ц ѣ л ь его жизни; это есть то, что онъ призванъ создать и развить въ себѣ.

Человѣкъ есть міръ въ маломъ масштабѣ («микрокосмъ»), который долженъ осуществить въ себѣ и про себя одухотвореніе, очищеніе и устроеніе (т. е. воспитать въ себѣ духовный характеръ), съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ включиться и творчески вложиться въ міръ великаго масштаба (въ «макрокосмъ»).

Самостоятельность человѣка не есть право на произволъ и на безобразіе. Свободу нельзя понимать, какъ свободу отъ духа, отъ совѣсти и отъ всякой вѣры. Напротивъ: великая симфонія міра требуетъ отъ каждого изъ насъ, чтобы онъ укрѣпилъ и развилъ въ себѣ свой самостоятельный голосъ и присоединилъ его свободное, личное пѣніе, въ вѣрной гармоніи, къ общему хоровому пѣнію, осуществляя предустановленный Богомъ міровой ритмъ.

И вотъ одиночество человѣка есть высокое и не легкое искусство, а искренность — есть его лучшее проявленіе.

Чтобы быть искреннимъ, человѣкъ долженъ внутренне найти себя и имѣть достаточно мужества, оставаться самимъ собою. Найти себя значитъ увидѣть сердцемъ свою святыню, прилѣпиться къ ней и подчинить ей свою жизнь. Пока человѣкъ не совершилъ этого, онъ колеблется между различными возможностями, зовущими его, претендующими на него или соблазняющими его; ни одна изъ нихъ не имѣетъ безусловнаго преимущества передъ другими, ни одна изъ нихъ не окончательна и онъ можетъ предаваться имъ и разыгрывать ихъ по очереди. Его сердце не принадлежитъ ничему»; поэтому оно можетъ въ любую минуту измѣниться и измѣнить, начать «чувствовать» по иному и предать всякое дѣло. Его духъ есть какъ бы «ничья вещь» (*res nullius*) и потому онъ будетъ принадлежать «первому захватчику» (*primo occupanti*), какъ говорятъ римскіе юристы. Такой человѣкъ ни къ чему не относится серьезно и благоговѣнно. Ни одна жизненная возможность не есть для него «единственная», т. е. главная и необходимая. Онъ даже не можетъ понять, что въ жизни бываетъ необходимо — быть «такимъ» и только «такимъ», и дѣйствовать «такъ» и только «такъ»...

Человѣкъ становится искреннимъ тогда, когда онъ имѣетъ въ своей душѣ нѣкое священное средоточіе, къ которому онъ относится съ серьезнымъ и цѣлостнымъ благоговѣніемъ; — когда онъ въ своемъ жизненномъ выборѣ и дѣланіи «иначе» не можетъ и не хочетъ. Тогда онъ стоитъ твердо. Тогда онъ имѣетъ какъ бы крѣпкій якорь, или живой и могучій корень. Тогда онъ и не можетъ иначе хотѣть и не хотѣлъ бы мочь иначе. И тогда ему нужно еще только мужество, чтобы блюсти вѣрность своей святыни и дѣлать изъ этого всѣ жизненные выводы.

Чтобы быть искреннимъ, человѣкъ долженъ стать внутренне единымъ. Пока его духъ живетъ въ раздѣленіи или разорванности, онъ не искренно любитъ, думаетъ, говоритъ и поступаетъ. Ибо въ немъ идетъ «гражданская война» съ самимъ собою; онъ преслѣдуетъ одновременно различныя цѣли и служить одновременно различнымъ цѣнностямъ («богамъ»); въ немъ имѣется нѣсколько соперничающихъ между собою жизненныхъ «центровъ» — и онъ предаетъ ихъ одинъ за другимъ. Все въ немъ двусмысленно и невѣрно; его любовь не сильна и стоитъ малаго; его мышленіе условно и относительно, онъ блуж-

дасть, сомнѣвается и ничего не создаетъ; его слова лукавы; въ рѣшеніяхъ онъ остается всегда «себѣ на умѣ»; въ дѣлахъ онъ ненадеженъ и вѣрности онъ не знаетъ. Поэтому онъ обладаетъ слабымъ характеромъ и полагаться на него нельзя. Первый и основной законъ «индивидуальности» есть законъ в н у т р е н н е й н е д ѣ л и м о с т и; этого закона онъ не соблюдаетъ; имъ онъ не живетъ. Поэтому онъ всегда неискрененъ, даже наединѣ съ самимъ собою, когда онъ про себя размышляетъ и принимаетъ «одинокія» рѣшенія. Ибо у него нѣтъ внутренняго единства; а безъ него не бываетъ и искренности.

Человѣкъ искрененъ тогда, когда онъ носить въ себѣ центральнѣйшій огонь, отъ котораго разливается свѣтъ и изъ котораго летятъ во всѣ стороны искры.

У древнихъ грековъ и римлянъ былъ въ каждомъ домѣ священный алтарь, на которомъ всегда лежали наготовѣ тлѣющіе угли. Этотъ алтарь назывался по гречески «*Εβλια*» (Гестія), а по латыни «*Vesta*» (Веста) и почитался священнымъ центромъ жилища...

Древніе Пифагорейцы утверждали, что въ мірѣ есть великій огненный центръ («*Κεντρον*»), («*Μέβον*») первозданное священное огнище, которое является творческимъ источникомъ свѣта, тепла и порядка. Филолай обозначалъ этотъ центръ словомъ «*Εβλια*»: это былъ сразу — «Домъ Божій», и въ то же время «связующая сила вещей» и творческій источникъ природнаго порядка. Изъ этого источника происходилъ жизненный ритмъ міра...

И вотъ каждый изъ насъ призванъ — утвердить въ себѣ такую свѣтящую и правящую огненную Купину, и жить въ ея свѣтѣ и законѣ. Тотъ, кто живетъ изъ нея, становится искреннимъ. Его Гестія свѣтитъ ему во всѣхъ дѣлахъ, а онъ самъ излучаетъ въ жизнь ея лучи. Она даритъ ему тепло и энергію; и его сердце становится Купиною и свѣтитъ другимъ людямъ. Вся его жизнь получаетъ направленіе и управленіе изъ этой Купины; отъ этого ритмъ его жизни становится единымъ и центральнымъ, а его собственная воля — становится вѣрной и сильной. Тогда всѣ искры его любви, его мысли, его поступковъ, вылетаютъ изъ этого огнища; купина его сердца посылаетъ ему свои слова и они становятся его словами; искренними становятся его рѣшенія, его воззрѣнія, его письма и написанныя имъ книги; и самая душа его оказывается ясною, свѣтлою, опредѣленною и искреннею.

Искренность есть мужество; и человѣкъ становится мужественнымъ. Искренность есть вѣропреданность и человѣкъ становится вѣрнымъ поборникомъ Божьяго дѣла. Искренность есть прозрачность горящей души; и человѣкъ становится огненнымъ и прозрачнымъ. А это значитъ, что онъ счастливо разрѣшилъ задачу отрѣшенности и преуспѣлъ въ искусствѣ одиночества...

Такіе люди призваны совершать важнѣйшее въ жизни, въ культурѣ и въ исторіи: ихъ дѣло молитва и освященіе, созерцаніе и познаніе, воспитаніе и духовное окормленіе, академія и

художество, правленіе и судъ. Имъ дается въ жизни истинная дружба, которая возникаетъ изъ творческаго обмѣна искрами. Такіе люди суть столпы церкви, семьи и государства: ибо всѣ человѣческіе союзы вырождаются при отсутствіи духовной искренности, — отъ лжи и обмана, отъ лукавства и предательства, и только искренность дѣлаетъ ихъ жизнеспособными и сильными.

Ц е р к о в ь, построенная на неискренности и неискренно вѣдомая — искажаетъ и извращаетъ дѣло религіи; она потеряла дверь въ Царство Божіе, она водворила фальшь на святомъ мѣстѣ, она есть м н и м а я церковь. С е м ь я, построенная на притворствѣ и обманѣ, есть пустая иллюзія: она создаетъ пролганное общеніе и мнимое единеніе; у нея нѣтъ духовной державы и она обречена на распаденіе. Пролганное г о с у д а р с т в о, построенное на насиліи, страхѣ и притворствѣ — есть организованная порочность: оно подрываетъ и угашаетъ всякое взаимное довѣріе; оно извращаетъ и обезсиливаетъ личную совѣсть и честь; оно лишаетъ человѣческую жизнь ея божественнаго смысла и ея творческой свободы.

Но въ человѣческой жизни есть благодатная и благодатная сила, которая невозможна внѣ искренности и всегда ея добивается. Это есть сила ж и в о г о с е р д ц а. Сердце можетъ л ю б и т ь только искренно; неискренняя любовь совсѣмъ не любовь. Сердце можетъ п ѣ т ь только искренно; фальшивое пѣніе фальшиваго сердца не звучитъ передъ Богомъ. Сердце можетъ м о л и т ь с я только искренно; молитва, не восходящая изъ сердечной купины, есть предчувствіе несостоявшейся молитвы или же простое притворство. Неискренняя в ѣ р а есть самообманъ и симуляція. Неискреннее и с к у с с т в о — фальшиво и нехудожественно. Неискренняя д о б р о т а есть противное лицемѣріе.

Великая бѣда современнаго человѣка состоитъ въ томъ, что онъ у т р а т и л ь и с к р е н н о с т ь с е р д ц а. Спасеніе его въ томъ, чтобы возстановить ее и изъ нея начать новую культуру. Все, что задерживаетъ этотъ процессъ исцѣленія и возрожденія — вредносно. И вреднѣе всего, пагубнѣе всего то, что подавляетъ и ослабляетъ, расшатываетъ и подрываетъ искренность человѣческаго сердца.

Что можетъ начать и создать человѣкъ съ заглушимъ сердцемъ, если все великое и глубокое, все Божественное въ жизни — требуетъ искренности и любви? . . . Изъ лицемѣрія и лжи никогда еще не возникало ничего великаго и прочнаго. Вотъ почему искренность есть даръ Бога и сокровище человѣка. И если современное человѣчество хочетъ выздороветь и возродиться, то оно должно вернуть себѣ силу и радость искренняго сердца.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Поющее сердце.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Поющее сердце.

Есть только одно истинное «счастье» на землѣ, — пѣніе чело в ѣ ч е с к а г о с е р д ц а. Если оно поетъ, то у чело в ѣ к а есть почти все; п о ч т и, потому что ему остается еще позаботиться о томъ, чтобы сердце его не разочаровалось въ любимомъ предметѣ и не замолкло.

Сердце поетъ, когда оно любитъ; оно поетъ отъ любви, которая струится живымъ потокомъ изъ нѣкой таинственной глубины и не изсякаетъ; не изсякаетъ и тогда, когда приходятъ страданія и муки, когда чело в ѣ к а постигаетъ несчастье, или когда близится смерть, или когда злое начало въ мірѣ празднуетъ побѣду за побѣдой, и кажется, что сила добра изсякла и что добру суждена гибель. И если сердце все-таки поетъ, тогда чело в ѣ к ѣ владѣетъ истиннымъ «счастьемъ», которое, строго говоря, заслуживаетъ иного, лучшаго наименованія. Тогда все остальное въ жизни является не столь существеннымъ: тогда солнце не заходить, тогда Божій лучъ не покидаетъ душу, тогда Царство Божіе вступаетъ въ земную жизнь, а земная жизнь называется освященною и преображенною. А это означаетъ, что началась н о в а я ж и з н ь и что чело в ѣ к ѣ пріобщился н о в о м у б ы т і ю.

Мы всѣ испытали слабый отблескъ этого счастья, когда были цѣльно и нѣжно влюблены. Но то былъ въ самомъ дѣлѣ не болѣе какъ отсвѣтъ его, или слабое предчувствіе; а у многихъ и того менѣе: лишь отдаленный намекъ на предчувствіе великой возможности... Конечно, цѣльно и нѣжно влюбленное сердце, какъ это было у Данте, у Петрарки или у Пушкина — чувствуетъ себя захваченнымъ, преисполненнымъ и какъ бы текущимъ черезъ край; оно начинаетъ пѣть, и когда ему это удастся, то пѣснь его несетъ людямъ свѣтъ и счастье. Но это удается только одаренному меньшинству, способному искренно пѣть изъ чистаго сердца. Обычная земная влюбленность дѣлаетъ сердце страдающимъ и даже больнымъ, тяжелымъ и мутнымъ, часто лишаетъ его чистоты, легкости и вдохновенія. Душа, страстно взволнованная и опьяненная, не поетъ, а беспомощно вздыхаетъ или стонетъ; она становится алчною и исключительною, требовательною и слѣпою, завистливою и ревнивою. А поющее сердце, напротивъ, бываетъ — благостно и щедро, радостно и прощающе, легко, прозрачно и вдохновенно. Земная влюбленность

связываетъ и прикрѣпляетъ, она загоняетъ сердце въ ущелье личныхъ переживаній и настраиваетъ его эгоистически; а настоящая любовь, напротивъ, освобождаетъ сердце и уводитъ его въ великіе объемы Божьяго міра. Земная влюбленность угасаетъ и прекращается въ чувственномъ удовольствіи, здѣсь она разряжается и разочаровывается, опьяненность проходитъ, душа отрешивается, иллюзіи разсѣиваются и сердце смолкаетъ, не пропѣвъ ни единого гимна. Часто, слишкомъ часто, влюбленное сердце вздыхаетъ бесплодно, вздыхаетъ и бьется, жаждетъ и стоитъ, льетъ слезы и издаетъ вопли — и не разумѣетъ своей судьбы, не понимаетъ, что его счастье обманно, проходяще и скудно, что оно не болѣе, чѣмъ отблескъ настоящаго блаженства. И сердце теряетъ и этотъ отблескъ, не научившись ни пѣнію, ни созерцанію, не испытавъ ни радости, ни любви, не начавъ своего просвѣтленія и не благословивъ Божьяго міра.

Сердце поетъ не отъ влюбленности, а отъ любви; и пѣніе его льется подобно безконечной мелодіи, съ вѣчно живымъ ритмомъ, въ вѣчно новыхъ гармоніяхъ и модуляціяхъ. Сердце приобрѣтаетъ эту способность только тогда, когда оно открываетъ себѣ доступъ къ божественнымъ содержаніямъ жизни и приводитъ свою глубину въ живую связь съ этими не разочаровывающими драгоценностями неба и земли.

Тогда начинается настоящее пѣніе; оно не исчерпывается и не изсякаетъ, потому, что течетъ изъ вѣчно обновляющейся радости. Сердце зрѣтъ во всемъ Божественное, радуется и поетъ; и свѣтитъ изъ той глубины, гдѣ человѣчески-личное срастается со сверхчеловѣчески-божественнымъ до неразличимости: ибо Божіи лучи пронизываютъ человѣка, а человѣкъ становится Божіимъ свѣтильникомъ. Тогда сердце вдыхаетъ любовь изъ Божіихъ пространствъ и само даритъ любовь каждому существу, каждой пылинкѣ бытія и даже злему человѣку. Тогда въ немъ струится и пульсируетъ священная кровь Бытія. Тогда въ немъ дышитъ дуновеніе Божіихъ устъ...

Гдѣ то тамъ, въ самой интимной глубинѣ человѣческаго сердца дремлетъ нѣкое духовное око, призванное къ созерцанію божественныхъ содержаній земли и неба. Это таинственное око со всей его воспріимчивостью и зрячею силою надо будить въ человѣкѣ въ самомъ раннемъ, нѣжномъ дѣтствѣ, чтобы оно проснулось отъ своего первоначальнаго сна, чтобы оно открылось и воззрилось въ богозданныя пространства бытія со священою и ненасытною жаждою созерцанія. Это око, разъ пробудившееся и раскрывшееся, подобно обнаженному чувствулищу, которое остается всю жизнь доступнымъ для всего, что таитъ въ себѣ Божій огонь; оно воспринимаетъ каждую искру живого совершенства, радуется ей, любитъ ее, вступаетъ съ ней въ живую связь и зоветъ человѣка отдать его личные силы на служеніе Божьему дѣлу.

Древніе греки вѣрили, что у боговъ есть нѣкій священный напитокъ, «нектаръ» и нѣкое божественное кушанье, «амброзія».

И вотъ, въ мірѣ есть дѣйствительно такое духовное питаніе, но предназначено оно не для олимпійскихъ боговъ, а для самихъ людей... И кто изъ людей питается имъ, у того сердце начинается пѣть.

Тогда сердце поетъ при созерцаніи природы, ибо въ ней все свѣтится и сверкаетъ отъ этихъ «искръ живого совершенства», какъ небо въ августовскую ночь. Тогда сердце поетъ и отъ соприкосновенія съ людьми, ибо въ каждомъ изъ нихъ живетъ Божья искра, разгораясь и поборая, призывая, свѣтя, духовно оформляя душу и перекликаясь съ другими искрами. Сердце поетъ, воспринимая зрѣлыя созданія и героическія дѣянія чело-вѣческаго духа — въ искусствѣ, въ познаніи, въ добродѣтели, въ политикѣ, въ правѣ, въ трудѣ и въ молитвѣ, — ибо каждое такое созданіе и каждое дѣяніе есть живое осуществленіе чело-вѣкомъ Божіей воли и Божьяго закона. Но прекраснѣ всего то пѣніе, которое льется изъ чело-вѣческаго сердца навстрѣчу Гос-поду, Его благодати, Его мудрости и Его великолѣпію. И это пѣніе, полное предчувствія, блаженнаго созерцанія и безмолвна-го, благодарнаго трепета, есть начало новаго бытія и проявленіе новой жизни...

Однажды въ дѣтствѣ я увидѣлъ, какъ въ солнечномъ лучѣ играли и блаженствовали земныя пылинки, — порхали и кру-жились, исчезали и вновь выплывали. темнѣли въ тѣни и вновь, загорались на солнцѣ; — и я понялъ, что солнце умѣетъ беречь, украшать и радовать каждую пылинку, и мое сердце запѣло отъ радости...

Въ теплый лѣтній день я легъ однажды въ траву и уви-дѣлъ скрытый отъ обычнаго глаза міръ прекрасныхъ индивиду-альностей, чудный міръ свѣта и тѣни, живого общенія и радо-стнаго роста; и мое сердце запѣло, дивуюсь и восторгаясь...

Часами я могъ сидѣть въ Крыму у берега таинственнаго, грознаго и прекраснаго Чернаго Моря и внимать лепету его волнъ, шороху его камушковъ, зову его чаекъ и внезапно вод-воряющейся тишинѣ... И трепетно благодарилъ я Бога пою-щимъ сердцемъ...

Однажды мнѣ довелось созерцать любовный танецъ бѣла-го павлина; я стоялъ и дивился на его тончайшій кружевной вѣеръ, граціозно раскинутый и напряженно трепещущій, на это сочетание горделиваго изящества и любовнаго преклоненія, на играющую серьезность его легкихъ и энергичныхъ движеній; — я увидѣлъ чистоту, красоту и безгрѣшность природной любви — и сердце мое раскрылось въ радости и благодарности...

На восходѣ солнца, въ нѣжномъ сіяніи и глубокой-полусон-ной тишинѣ вошелъ нашъ корабль въ Коринфскій Каналъ. Въ ро-зовомъ свѣтѣ спали далекія цѣпи горъ; крутые берега канала высились, какъ суровая стража; благоговѣйно молчали и люди и птицы, ожидая и надѣясь... И вдругъ берега впереди разсту-пились и зелено-млечныя адриатическія воды, несшія насъ, хлы-нули въ темно-синія нѣдра Эгейскаго моря, — и солнце и вода

встрѣтили насъ ликованіемъ свѣта. Могу ли я забыть это счастье, когда сердце мое всегда отвѣчаетъ на него ликующимъ пѣніемъ? . . .

У каждого изъ насъ сердце раскрывается и поетъ при видѣ довѣрчивой, ласковой и безпомощной улыбки ребенка. И можетъ ли быть иначе?

Каждый изъ насъ чувствуетъ наворачивающуюся слезу въ окѣ своего сердца, когда видитъ настоящую человѣческую доброту или слышитъ робкое и нѣжное пѣніе чужой любви.

Каждый изъ насъ пріобщается высшему, сверхъземному счастью, когда повинуется голосу своей совѣсти и предается ея потоку, ибо этотъ потокъ уже поетъ ликующую мелодію состоявшагося преодолѣнія и потусторонняго міра.

Сердце наше поетъ, когда мы предаемъ погребенію героя, служившаго на землѣ Божьему дѣлу.

Сердце наше поетъ, когда мы созерцаемъ въ живописи подлинную святыню; когда мы сквозь мелодіи земной музыки воспринимаемъ духовный свѣтъ и слышимъ голоса поющихъ и пророчествующихъ ангеловъ.

Сердце наше поетъ при видѣ тайнъ, чудесъ и красотъ Божьяго міра; когда мы созерцаемъ звѣздное небо и воспринимаемъ вселенную, какъ гармоническую цѣлокупность; когда человѣческая исторія являетъ намъ сокровенную тайну Провидѣнія и мы зримъ шествіе Господа черезъ вѣка испытаній, труда, страданій и вдохновенія; когда мы присутствуемъ при побѣдѣ великаго и праваго дѣла . . .

Сердце наше всегда поетъ во время цѣльной и вдохновенной молитвы . . .

А если намъ сверхъ того дается возможность въ мѣру любви участвовать въ событіяхъ міра и воздѣйствовать на нихъ, то счастье нашей жизни можетъ стать полнымъ. Ибо, по истинѣ, мы можемъ быть увѣрены, что въ развитіи этого міра ничто не проходитъ безслѣдно, ничто не теряется и не исчезаетъ: ни одно слово, ни одна улыбка, ни одинъ вздохъ . . . Кто хоть разъ доставилъ другому радость сердца, тотъ улучшилъ тѣмъ самымъ весь міръ; а кто умѣетъ любить и радовать людей, тотъ становится художникомъ жизни. Каждый божественный мигъ жизни, каждый звукъ поющаго сердца вліяетъ на міровую исторію больше, чѣмъ тѣ «великія» событія хозяйства и политики, которыя совершаются въ плоскомъ и жестокомъ планѣ земного существованія и назначеніе которыхъ нерѣдко состоитъ въ томъ, чтобы люди поняли ихъ пошлость и обреченность . . .

Намъ надо увидѣть, и признать, и убѣдиться въ томъ, что именно божественныя мгновенія жизни составляютъ истинную субстанцію міра; и что человѣкъ съ поющимъ сердцемъ есть островъ Божій, — Его маякъ, Его посредникъ.

Итакъ, на землѣ есть только одно истинное счастье и это счастье есть блаженство любящаго и поющаго сердца: ибо оно уже прижизненно вращается въ духовную субстанцію міра и участвуетъ въ Царствѣ Божіемъ.

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. АКСИОМЫ РЕЛИГИОЗНАГО ОПЫТА. Изслѣдованіе въ 2-хъ томахъ. Парижъ, 1953.
2. О СУЩНОСТИ ПРАВОСОЗНАНІЯ. Мюнхенъ, 1956.
3. ПУТЬ КЪ ОЧЕВИДНОСТИ. Мюнхенъ, 1957.

